

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1886.

№ 9.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	571—605
Энциклика Папы Льва XIII. (окончаніе) Свѣц. Т. Буткевича.	606—642

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи В. Будравцева	423—438
Исторія философіи въ отношеніи къ откровенію (продолженіе). М. Остроумова	439—475
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. К.	476—479

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Постановленія бывшаго въ Казани собранія преосвященныхъ архіереевъ (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Хорошевскаго духовнаго приюта.—Программа съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго бытъ 5 іюня сего года.—Указъ Императора Александра II Высочайше утвержденная Его Высочайшею милостию 26 апрѣля 1886 г.—Пожертвованіе.—Извѣстія и замѣтки.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ № 26.

1886.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и желаній лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. И. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884 и 1885 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστις νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурю. Харьковъ, Мая 15 дня 1886 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

XVIII.

Ночью съ 5-го на 6-е декабря 1812 г. императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга. Государь спѣшилъ на театръ военныхъ дѣйствій, или лучше сказать, на тѣ ледяныя поля смерти, гдѣ продолжалъ совершаться судъ Божій надъ гордынею завоевателя и его несмѣтныхъ полчищъ. Самыя разнообразныя мысли тѣснились въ умѣ императора, самыя противоположныя чувства волновали его душу. Онъ спѣшилъ раздѣлить торжество своихъ войскъ, лично стремился онъ увидѣть и отблагодарить тѣхъ безстрашныхъ воиновъ, о желѣзную грудь которыхъ сокрушились и яростные натиски непріятеля, и смертоносныя нападенія стихій. Но чувства торжества и благодарности смѣшивались у него съ глубокимъ недовольствомъ на весь ходъ нашихъ военныхъ операцій. Императоръ былъ глубоко убѣжденъ, что вся истекшая кампанія была съ нашей стороны не болѣе, какъ цѣлый рядъ крупныхъ ошибокъ, что мы побѣждали лишь бла-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 6.

годаря счастливымъ случайностямъ и несравненнымъ качествамъ нашихъ солдатъ. Императоръ вовсе не думалъ, однако-же, порицать и карать лицъ, руководившихъ до сихъ поръ движеніями нашихъ армій. Онъ не намѣренъ былъ выступать въ качествѣ грознаго разслѣдователя и суроваго судьи. Онъ желалъ прежде всего забыть и простить случившееся. Онъ не думалъ говорить о совершенныхъ ошибкахъ, но былъ твердо намѣренъ предупредить подобныя же ошибки въ будущемъ. Теперь, думалъ онъ, не настало еще время упиваться успѣхами и торжествовать наши побѣды. Побѣды эти во всякомъ случаѣ не совершенны и не полны. Мы стоимъ пока не въ самомъ концѣ, а лишь въ началѣ конца нашихъ усилій и успѣховъ. Мы можемъ потерять даже все, если будемъ продолжать дѣйствовать въ томъ-же духѣ и направленіи, какъ и доселѣ. Уже сила и энергія нашего преслѣдованія, всегда оставлявшія желать такъ много лучшаго, окончательно ослабѣли; уже вопреки твердой и ясно выраженной Высочайшей волѣ, главныя силы наши остановились въ Вильнѣ, уже старшій фельдмаршалъ поговариваетъ о Капуѣ и ея наслажденіяхъ. Необходимо положить предѣлъ всему этому. Все должно оживиться и воспрянуть при его появленіи. Онъ положитъ конецъ всѣмъ колебаніямъ и сомнѣніямъ. Онъ объявитъ своимъ храбымъ войскамъ, что за святымъ и великимъ дѣломъ освобожденія Россіи должно послѣдовать не менѣе великое и святое дѣло освобожденія Европы. Онъ скажетъ имъ, что надо сокрушить на всегда могущество тирана и обезопасить наши предѣлы отъ его дальнѣйшихъ, неизбежныхъ въ случаѣ нашей апатіи, покушеній. Онъ самъ станетъ во главѣ своихъ армій и побѣдносно поведетъ ихъ къ конечной, великой цѣли войны. Стоя во всеоружіи побѣдителя на предѣлахъ своей имперіи, произнесетъ онъ слово: свобода,—и угнетенныя европейскія націи и ихъ трепещущіе вожди воспрянутъ духомъ и поспѣшатъ подъ его знамена. Уже народное движеніе начинается въ сосѣдней Пруссіи, уже населеніе само рвется противъ французовъ, уже начальники прусскихъ войскъ собираются перейти на нашу сторону, не ожидая рѣшенія своего сла-

баго, колеблющагося правительства. Не надо давать угаснуть этимъ тлѣющимъ искрамъ, необходимо раздуть ихъ въ яркій всепожирающій пламень. Но для этого необходимо дуновеніе того могучаго духа, которымъ преисполненъ лишь онъ одинъ, императоръ побѣдоноснаго русскаго народа.

И другія мысли и чувства волнуютъ душу Александра. Онъ слышалъ до сихъ поръ такія ужасающія подробности о гибели непріятельской арміи, о страданіяхъ собственныхъ воиновъ, что его сострадательная, нѣжная душа прониклась до глубины своей чувствомъ сильнѣйшаго сожалѣнія. Онъ не считалъ себя виновникомъ этой страшной войны, его совѣсть была свободна и чиста на этотъ счетъ передъ Богомъ и людьми; но христіанская, живая любовь, не имѣвшая ничего общаго съ его прежними гуманно-либеральными влеченіями, громко говорила ему, что онъ долженъ послѣшить на помощь изнывающимъ страдальцамъ, что онъ одинъ располагаетъ и силами и средствами для облегченія неслыханныхъ бѣдствій, что онъ призванъ самимъ Провидѣніемъ явиться ангеломъ-утѣшителемъ и для своихъ и для чужихъ, и для друзей и для враговъ.

Государь ѣхалъ по обыкновенію очень быстро. Несмотря на страшный морозъ онъ совершилъ весь путь въ открытыхъ саняхъ. Онъ ѣхалъ на русской тройкѣ въ сопровожденіи своего историческаго кучера Ильи ¹⁾. Всѣ лица, со-

---

1) Объ Ильѣ мы находимъ слѣдующія интересныя подробности въ мемуарахъ Шуазель-Гуфье:

„Мнѣ рассказывали трогательную черту объ этомъ Ильѣ. Императоръ ѣхалъ однажды въ Петербургъ въ дрожкахъ или саняхъ въ одну лошадь, которою правилъ Илья. Онъ повезъ его въ отдаленную улицу, грязную и съ плохими домами. „Зачѣмъ ты повезъ меня сюда, спрашиваетъ Александръ“. — „А вотъ я послѣ скажу“. Подѣхавъ къ одной лачугѣ, Илья остановился. — „Государь, сказалъ онъ, вотъ гдѣ живетъ вдова моего прежняго господина, который уступилъ меня Вашему Величеству“. Императоръ ничего не сказалъ, но возвратясь во дворецъ далъ Ильѣ сумму для его прежней госпожи и бумагу о назначеніи ей пенсіи“.

„По смерти Александра, Илья везъ тѣло своего обожаемаго господина изъ Таганрога въ Петербургъ, и не смотря на жестокой холодъ и свои преклонные годы, ночью ложился подъ колесницу, на которой везъ драгоценныя останки“.

проводившія государя, далеко отстали отъ него. Путь лежалъ на Псковъ, Друю, а оттуда черезъ Видзы и Свянцаны на Вильну. Уже по переѣздѣ черезъ Двину путешественники вступили въ область, носившую на каждомъ шагу ужасные и отвратительные слѣды войны. „Мы видѣли живую картину войны“,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—„мы даже двигались въ ней, погружались въ нее все глубже, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Вильнѣ“¹⁾. Тщетно старались лица, хорошо знавшія чувствительную душу императора, предохранить его хотя сколько-нибудь отъ потрясающихъ сценъ разгрома великой арміи. Тщетно мѣстная администрація постаралась заблаговременно проложить для государя и его свиты новую дорогу, лежавшую на нѣсколько верстъ въ сторону отъ главнаго пути бѣгства и преслѣдованія непріятеля²⁾. Эта война, это бѣгство и преслѣдованіе не походило по своимъ размѣрамъ и ужасамъ на обыкновенныя военныя операціи. Вездѣ и въ сторонѣ отъ большой дороги виднѣлись тѣ-же страшныя картины опустошенія; повсюду и на боковыхъ путяхъ ожидали путника однѣ и тѣже леденящія душу сцены страданія и смерти,—сцены, предъ которыми блѣднѣли самыя мрачныя созданія суровой фантазіи Данте. Нигдѣ не видно было деревень и селъ, наполненныхъ мирными обитателями. Со всѣхъ сторонъ растилалась страшная мертвая пустыня. Попадались лишь жалкіе слѣды жизни, унесенной мгновенно всесокрушающимъ ураганомъ смерти. Среди низкихъ болотъ, занесенныхъ глубокимъ снѣгомъ, среди холмовъ, поросшихъ мрачнымъ, мѣстами полуобгорѣлымъ лѣ-

---

„Въ Вильнѣ, по свидѣтельству тѣхъ-же мемуаровъ, Илья любилъ рассказывать о дурныхъ нравахъ въ Петербургѣ, „за что, по его мнѣнію, и постигли Россію такіа бѣдствія“.

См. Мемуары гр. Шуазель-Гуфье въ русскомъ переводѣ съ изданія 1862 г., стр. 108—109.

1) Арндтъ: „О войнѣ 1812 г.“ „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 113.

2) „Чтобы устранить отъ чувствительнаго Александра видъ бѣдствій, нанесенныхъ этою войною, для его проѣзда провели новую дорогу, вдаль отъ пути, по которому бѣжали французы. Невозможно однако было устранить всѣхъ непріятныхъ встрѣчъ“. Мемуары Шуазель-Гуфье въ русскомъ переводѣ съ изданія 1829 года. „Русская Старина“ 1877 г., стр. 601.

сомъ, попадались кое-гдѣ слѣды человѣческихъ жилищъ. Вонъ тамъ въ сторонѣ валялись черныя головешки, полуистлѣвшія бревна и груды мусора. Немного дальше попадались уже цѣлые остовы крестьянскихъ избъ и домовъ. Раскрытые, разбитые, изуродованные, иногда полусожженные, эти остовы производили еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, нежели слѣды пожаращъ. Ни въ одномъ изъ нихъ нельзя было найти ни одного живаго существа—ни людей, ни животныхъ ¹⁾. Подалеже отъ дорогъ, въ лѣсахъ и землянкахъ, гнѣздились кое-гдѣ несчастные жители, разоренные, обезумѣвшіе отъ страха. Бѣлоруссы и литвины, узнавъ о бѣгствѣ непріятеля и проѣздѣ государя, отваживались выходить на дорогу. Ихъ изможденный видъ, ихъ исхудалые, нерѣдко отмороженные члены, ихъ напуганныя лица производили самое тягостное впечатлѣніе. Почтовые лошади, измученныя усиленною гоньбою, съ трудомъ тащили сани проѣзжающихъ. Запрягали по шести, по восьми лошадей въ одни сани, но изнуренныя влячи едва тащили ноги и останавливались у каждаго пригорка ²⁾. Волею или неволею, а приходилось ѣхать тихо, невозможно было промчатся съ закрытыми глазами мимо ужасовъ, то и дѣло, бросавшихся въ глаза.

По большой и боковымъ дорогамъ гнали непрерывно на востокъ громадныя партіи плѣнныхъ. Два три казака и нѣсколько поселянъ, вооруженныхъ дубинами, сопровождали въ качествѣ стражи сотни и тысячи этихъ несчастныхъ страдальцевъ. Да и къ чему была большая стража? Никто изъ этихъ плѣнниковъ не помышлялъ о бѣгствѣ. Оборванные, обмерзлые, посинѣвшіе, они едва переставляли ноги. Только свистъ казачьей нагайки, только удары дубинами побужда-

---

¹⁾ „Бѣдная, несчастная, малонаселенная мѣстность“,— замѣчаетъ Арндтъ. „Множество разбитыхъ, растоптанныхъ, раскрытыхъ домовъ, безъ людей и животныхъ, даже ни единой кошки въ нихъ“. Арндтъ: „О войнѣ 1812 г.“ „Русскій Архивъ“ 1871, стр. 114.

²⁾ „Наши повозки были на полозьяхъ и въ нихъ запрягали отъ шести до восьми лошадей, до того загнанныхъ, что мы у каждаго холмика должны были останавливаться, чтобы дать имъ вздохнуть“. Арндтъ: „О войнѣ 1812 года“. „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 113. Надо замѣтить, что Арндтъ ѣхалъ съ Штейномъ, слѣдовательно непосредственно за государемъ.

ли нѣкоторыхъ изъ нихъ ускорить шагъ ¹⁾. За партіями плѣнныхъ тянулось обыкновенно нѣсколько саней, наполненныхъ больными. Они лежали, наваленные другъ на друга, какъ дрова, еле прикрытые соломою. Сани останавливались, то и дѣло, и облегчали свой грузъ. Какъ только больной становился неподвижнымъ, фурщики поспѣшно сбрасывали его въ снѣгъ. Въ деревняхъ и у постоялыхъ дворовъ производился болѣе систематическій осмотръ этой полуживой, полумертвой клады. Мертвецы сваливались съ саней десятками и сотнями, и оставались тутъ-же посреди улицы, непогребенные, и не оттащенные даже въ сторону ²⁾. Свѣжій снѣгъ покрывалъ ихъ своимъ саваномъ; прохожіе, проѣзжающіе и обозы втоптывали ихъ все глубже и глубже въ землю. Иногда изъ подъ снѣга торчали тамъ и сямъ обледенѣвшіе человѣческіе члены; сани, то и дѣло, стучали по костямъ ³⁾. По верхъ перваго ряда мертвыхъ тѣлъ, засыпаннаго снѣгомъ, быстро образовывался новый. Чѣмъ ближе къ Вильнѣ, тѣмъ чаще и чаще попадались человѣческіе и лошадиные трупы. Лошади, неокончательно измученныя ѣздою, то и дѣло, храпѣли, подымались на дыбы и бросались въ сторону при видѣ труповъ ⁴⁾. Люди, утратившіе среди этихъ ужасовъ всякое чувство стыда и человѣчности, позволяли себѣ ругаться надъ мертвецами. Вонъ у того дерева стоитъ мертвый французскій гренадеръ въ обрывкахъ мундира; вѣтеръ колышетъ изъ стороны въ сторону его черный трупъ, плохо привязанный веревкою. Тамъ дальше парадируетъ у деревьевъ нѣсколько голыхъ мертвецовъ съ истерзанными членами, покрытыми черною

¹⁾ Объ этихъ транспортахъ см. Арндтъ: „О войнѣ 1812 г.“ Совершенно подобныя же подробности слышали мы объ этихъ ужасахъ еще въ прошломъ году отъ старика, проживавшаго въ дѣтствѣ въ западномъ краѣ.

²⁾ „На улицахъ трупы лежали, словно падаль, непокрытые и непохороненные; ни одна человѣческая слеза не пролилась надъ ихъ предсмертною мукою“. Арндтъ: „О войнѣ 1812 года“. „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 114.

³⁾ „Дорога устлана была разбросанными подлѣ ней и на ней мертвыми тѣлами, такъ что сани наши часто стучали, проѣзжая по костямъ втоптанныхъ въ нее человѣческихъ труповъ“. А. С. Шишковъ, записки. Т. I, стр. 165.

⁴⁾ „Наши лошади часто ржали и становились на дыбы отъ труповъ, между и даже черезъ которыхъ имъ приходилось скакать“. Арндтъ, стр. 114.

запекшеюся кровью. По обѣимъ сторонамъ дороги бродили цѣлыми стаями, по десяти и пятнадцати штукъ, волки. Они смѣло подходили къ самой дорогѣ и тутъ же на глазахъ у проѣзжающихъ глодали съ жадностью нерѣдко еще полуживыхъ мертвецовъ ¹⁾).

Было что-то невыразимо ужасное, неслыханно-тяжелое въ этихъ картинахъ смерти. „Душа, говоритъ очевидецъ, поражалась на каждомъ шагу неизвѣстными ей доселѣ мрачными чувствованіями. Было что-то удивительное, непостижимое въ положеніи этихъ труповъ, устилавшихъ дорогу. Иные изъ нихъ лежали полунагіе, или въ странныхъ, случайно попавшихся имъ одѣяннѣхъ, сгорбленные, исковерканные, такъ сказать, живо-мертвые. У иныхъ, на лицахъ ихъ, на коихъ не успѣло еще водвориться спокойствіе вѣчнаго сна, изображалось нѣкое лютое, дикообразное отчаяніе. Смерть, по видимому, не давъ еще ни тѣлу ихъ протянуться, ни чувствамъ угаснуть, схватила ихъ своею холодною рукою и въ тоже мгновеніе окаменила, такъ что съ приподнятою головою, съ незамкнутыми глазами, разинутымъ ртомъ, казалось, говорятъ они: смотрите, какъ казнятся богоотступники и на нашихъ лицахъ читайте, съ какимъ мученіемъ вылетала изъ насъ преступная—и о горе—не умирающая душа наша. Нѣкоторые, однакоже, хотя и не многіе, лежали спокойно заснувшими на постланномъ подъ ними, на снѣгу, рубищѣ. Въѣхавъ въ одну деревню, увидѣлъ я солдата, съ шишакомъ на головѣ, хорошо одѣтаго и обутаго. Онъ, какъ живой, лежалъ простертый на улицѣ, подлѣ избы, не обращая на себя ничего вниманія; до такой степени множество валяющихся тѣлъ приучили жителей смотрѣть на нихъ съ хладнокровіемъ“ ²⁾).

1) Арндтъ, стр. 114.

2) См. А. С. Шишковъ, записки. Т. I, стр. 165. Какъ мало обращали тогда вниманія на трупы, валявшіеся повсемѣстно и не только на улицахъ, но даже и въ дворахъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Арндта: „Но могъ-ли я удивляться тому, что тутъ нагромождены эти груды труповъ? Не стояли-ли наши сани подъ навѣсомъ въ гостинницѣ Мюллера (въ Вильнѣ) на трупѣ француза въ полной амуниціи, втоптанномъ въ навозъ и солому? Столь велико было общественное бѣдствіе, столь жестоки грязь и беспорядокъ“. „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 119.

Далеко не одинаково было впечатлѣніе, производимое этими неслыханными картинами ужаса, этимъ всеподавляющимъ торжествомъ смерти на душу государя и сопровождавшихъ его лицъ. Люди болѣе слабые и нервныя отвращались инстинктивно отъ леденящаго кровь зрѣлища. Они закрывали глаза предъ грозными призраками смерти, толпившимися вокругъ нихъ; они старались ничего не видѣть и не слышать. Но люди, пережившіе всѣ ужасы этой кампаніи и не одаренные отъ природы особенною чувствительностью, смотрѣли, такъ казалось по крайней мѣрѣ, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ на это страшное зрѣлище смерти. Мертвецы и умирающіе вызывали въ нихъ не чувство состраданія или отвращенія, а скорѣе любопытства. Они разсматривали этихъ жертвъ смерти съ такимъ-же интересомъ и напряженнымъ вниманіемъ, какъ разсматриваетъ анатомъ свои препараты. „Интересно было наблюдать“,—говоритъ одинъ изъ такихъ стойковъ,—„положенія, въ которыхъ поразила ихъ смерть. Казалось, что каждый изъ этихъ труповъ окоченѣлъ въ одинъ изъ моментовъ мускульнаго напряженія и дѣятельнаго стремленія. Въ ихъ членахъ рѣдко было замѣтно спокойствіе, они выражали скорѣе напряженное движеніе, высшую степень страданія или мольбы. То была иллюстрированная исторія мученій смерти, дававшая самый богатый матеріалъ мыслящему наблюдателю“¹⁾.

Иного рода мысли и чувства пробуждались при этихъ картинахъ смерти въ душахъ людей, одаренныхъ сильною волею, но въ то же время проникнутыхъ глубокою и живою вѣрою. Съ содроганіемъ, но безъ ужаса и отвращенія, смотрѣли они на мертвыхъ²⁾, умирающихъ, плѣнныхъ, на эти жалкіе остатки полчищъ, еще такъ недавно наводившихъ страхъ и трепеть на все человѣчество. Эти сверхчеловѣческія страданія, эти ужасы смерти вызывали въ нихъ чувства благоговѣйнаго смиренія и униженія предъ всеправедною

¹⁾ См. Wilson, Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland, стр. 307.

²⁾ Шишковъ однако-же замѣчаетъ: „Отъ многихъ съ ужасомъ отвращалъ я свои глаза“. См. Записки. Т. I, стр. 165.

десницею карающаго Божества. Они понимали, что на глазахъ ихъ совершается не обычное дѣло человѣческое, а судъ Божій во всемъ его грозномъ, всесокрушающемъ величїи. „Невозможно исчислить и описать“,—думали вмѣстѣ съ Шишковымъ эти люди простой, безхитростной вѣры,—„ни злочестивыхъ дѣлъ, ни бѣдствій, претерпѣнныхъ сею завлеченною Наполеономъ въ Россїю громадою народовъ. Сперва блестящіе великолѣпіемъ, сильные числомъ всадниковъ и орудій, надменные гордостью, свирѣпые убійцы, грабители, зажигаатели, богохульники, ругающіеся надъ святынею, потомъ униженные, нищіе, голодные, бродящіе въ трескучіе морозы по лѣсамъ и болотамъ, въ лохмотьяхъ, въ рубищахъ, пожирая другъ друга, или питаюсь вранами и псами, приготовляя въ самихъ себѣ взаимную имъ пищу,—таково на послѣдокъ было ихъ состояніе! Кто не познаетъ въ томъ праведнаго гнѣва Божїа, карающаго смертныхъ, когда они, превзойдя беззаконїями своими мѣру милосердія Господня, ополчатъ десницу Его громомъ и молніями“¹⁾.

Императоръ Александръ былъ человѣкъ далеко иного рода, нежели его государственный секретарь; да и его религіозность была нѣсколько иного свойства, нежели религіозность Шишкова. Мягкая, почти женственная, высоко впечатлительная натура государя привыкла съ самаго дѣтства отзываться на всякое чужое страданіе. Религіозное пробужденіе не только не ослабило, а скорѣе развило и усилило эту чувствительность. Александръ слѣшилъ въ Вильну, чтобы стать во главѣ своихъ побѣдоносныхъ войскъ, чтобы докончить новыми героическими усилїями низложеніе тирана; но при видѣ страшныхъ слѣдовъ борьбы, при видѣ сверхчеловѣческихъ страданій несчастныхъ плѣнныхъ и бѣглецовъ, онъ забылъ на время, что онъ слѣшитъ воззвать міръ къ новой гигантской борьбѣ, къ новымъ страшнымъ жертвамъ. Его нѣжное сердце леденѣло отъ ужаса при видѣ этихъ тысячъ истерзанныхъ, обезображенныхъ, поруганныхъ труповъ; его мягкая, человѣчная душа таяла, какъ воскъ, при

¹⁾ См. А. С. Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 165.

видѣ этихъ ужасовъ и страданій, его рука сама собою протягивалась съ помощью каждому встрѣчному страдальцу. Все героическое, непреклонное вдругъ исчезло въ немъ. Онъ былъ уже не царемъ, не могучимъ народнымъ вождемъ, сокрушившимъ гордыню міра, а благодѣтельнымъ самаряниномъ, человекомъ и христіаниномъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Масса страданій, тѣснившихся вокругъ него, угнетала его внутреннее существо; онъ изнывалъ подъ ея тяжестью, онъ чувствовалъ, что онъ не въ состояніи иссушить это море слезъ, крови и зла. „О, если-бы я обладалъ философіею Наполеона“,—говорилъ онъ по временамъ,—„тогда эта чудовищная кампанія не стоила-бы мнѣ цѣлыхъ десяти лѣтъ жизни ¹⁾—тогда видѣ этихъ страданій не приводилъ-бы меня въ отчаяніе, не приводилъ-бы меня къ горькому сознанію моего безсилія, моего ничтожества“. Но развѣ Александръ могъ быть хотя одинъ моментъ Наполеономъ? Наполеонъ любилъ упиваться видомъ полей своихъ сраженій. „Поле битвы было великолѣпно!“ восклицаетъ онъ, наѣздившись вдоволь между грудями человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ, упившись до-сыта запахомъ свѣжей крови и пороховаго дыму. Онъ бѣжалъ, бросивъ свою армію, изъ Россіи; онъ приказывалъ закрывать окна своей кареты, но не потому, что не могъ выносить ужасовъ, порожденныхъ имъ самимъ, а лишь потому, что досадовалъ на свою неудачу, хотѣлъ скрыть стыдъ и безсильный гнѣвъ, терзавшіе его душу отъ постороннихъ взоровъ. Если онъ и заботился о комъ-либо въ эти страшныя минуты бѣгства, то лишь только о самомъ себѣ. Онъ могъ спокойно завтракать въ своей каретѣ подъ Вильною, въ то время какъ почтарь, везшій его, замерзъ на козлахъ ²⁾.

¹⁾ Мемуары гр. Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1829 г., стр. 601.

²⁾ „У самой Вильны Наполеонъ завтракалъ преспокойно и шутилъ съ окружающими, а почтарь, везшій его, замерзъ на козлахъ; тогда какъ герцогъ дела-Рокка-Романо, прозванный Апполономъ Бельведерскимъ (полковникъ красивой Неаполитанской гвардіи, которую Мюратъ имѣлъ нелѣпность вызвать, чтобы совершенно заморозить ее въ концѣ кампаніи, такъ какъ она прибыла въ Россію въ экипировкѣ годной для Неаполя, именно,—въ однихъ малиновыхъ гусарскихъ мундирахъ, при небольшихъ изъ бѣлаго сукна плащахъ и верхомъ на

„О если-бы“, — думалъ Александръ вмѣстѣ съ другими людьми, не лишенными чувства, — „гордый завоеватель могъ плакать, какъ заставляетъ плакать матерей сотенъ тысячъ людей!“ ¹⁾ Но Наполеонъ могъ только истреблять людей, или выражаясь его холоднымъ математическимъ языкомъ, расходовать каждый мѣсяцъ извѣстное количество человѣческаго мяса.

Александръ, принужденный вести праведную войну, могъ плакать и теперь, какъ плакалъ онъ еще юношею на страшномъ Аустерлицкомъ полѣ. Но не довольствуясь однѣми слезами, онъ по мѣрѣ силъ своихъ старался облегчить участь несчастныхъ страдальцевъ, попадавшихъ ему на пути. Онъ не пропускалъ мимо себя безъ слова участія, безъ помощи ни одного плѣннаго непріятельскаго солдата. Онъ останавливался, разговаривалъ съ ними, щедро раздавалъ имъ деньги, а самыхъ слабыхъ изъ нихъ сажалъ въ свои сани ²⁾. Уже на пути къ Вильнѣ онъ подавалъ всѣмъ и каждому высокій примѣръ христіанской любви. Онъ не сторонился подобно лицамъ своей свиты отъ этихъ измученныхъ страдальцевъ, утратившихъ человѣческій образъ, онъ не показывалъ чувства отвращенія при видѣ ихъ грязныхъ лохмотьевъ, ихъ черныхъ, отмороженныхъ членовъ, онъ не бѣжалъ прочь отъ тлетворнаго дыханія смерти и заразы, распространяемаго ими.

Но вотъ и Вильна. Государь достигъ ее уже на шестой день пути, 11-го января; его спутники прибыли нѣсколькими днями позже. Какая масса самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній ожидала тутъ Александра и его сподвижниковъ! „Я опять здѣсь, писалъ Штейнъ женѣ ³⁾, я пережилъ эти шесть мѣсяцевъ, этотъ вѣчно памятный рядъ работъ, движе-

---

нѣжныхъ и прелестныхъ лошадяхъ), присутствовавшій при этомъ завтракъ, отморожилъ себѣ руки и ноги, т. е. лишился навсегда тѣхъ и другихъ, ибо вмѣсто того, чтобы оттереть отмороженные члены снѣгомъ, погрузилъ ихъ въ горячую воду“. См. Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1862 г., стр. 89.

¹⁾ Слова эти принадлежатъ Ариду. „Ахъ, — восклицаетъ онъ: „было намъ время, на этомъ медленномъ пути по снѣжнымъ пустынямъ, размышлять объ ужасахъ, произведенныхъ эгимъ неслыханнымъ походомъ!“ Стр. 114.

²⁾ Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1862 г., стр. 601.

³⁾ См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 264—266.

ній, событій. Вся Германія облечется въ глубокой трауръ! 80,000 молодыхъ людей изъ этой несчастной страны или уже погибли, или погибають ежедневно отъ гнилой горячки. 15,000 человекъ лежатъ въ здѣшнихъ гошпиталяхъ. Повсюду тянутся фуры, нагруженные трупами. Одни изъ нихъ, полусѣденные волками, подняты съ большихъ дорогъ въ окрестностяхъ города, другихъ везутъ изъ гошпиталей. Вездѣ гонять толпы плѣнныхъ. Покрытые жалкими лохмотьями, изнуренные страданіями всякаго рода, съ впалыми глазами, съ почернѣлыми членами, молча плетутся они впередъ, ожидая смерти. Эти несчастные распространяють чуму повсюду, куда ни покажутся. Всѣ отталкивають ихъ, и справедливо: жители смотрять на нихъ съ отвращеніемъ. Они сознають, что эти люди искупають своею жестокою смертью ужасное преступленіе, совершенное ими въ качествѣ соучастниковъ и орудій разрушительныхъ мѣръ Наполеона. Подтверждено несомнѣнными свидѣтельствами, что въ избыткѣ бѣдствій, обрушившихся на французское войско, непріятельскіе солдаты питались мясомъ своихъ несчастныхъ товарищей, и что русскіе захватывали ихъ не рѣдко за приготовленіемъ этой отвратительной пищи. Физическое и нравственное истощеніе этихъ несчастныхъ было такъ велико, что отрядъ въ 2000 человекъ сдался добровольно русскому карантинному чиновнику, — что виленская чернь, состоящая преимущественно изъ жидовъ, смѣло ударила на арьергардъ бѣгущей великой арміи и захватила въ плѣнъ порядочное количество солдатъ старой гвардіи. Всемогущая воля Провидѣнія выразилась наияснѣйшимъ и поразительнѣйшимъ образомъ въ этомъ ужасающемъ поворотѣ судьбы. Ослѣпленіе преступления и безумнѣйшаго высокомерія увлекло Наполеона въ предпріятіе, окончившееся для него такимъ позоромъ, долженствующее повлечь за собою его истребленіе. Эти небывалыя, ужасныя событія не чужды были чертъ, которыя могли-бы показаться смѣшными, если-бы возможно было смѣяться посреди необъятнаго кладбища, усѣяннаго скелетами и полуживыми призраками. Съ презрѣніемъ и негодованіемъ, рассказываютъ здѣсь, какъ собралъ Бертъе подъ бой разбитаго барабана около 60 чело-

вѣкъ солдатъ, пытаюсь удержать съ ними толпы бѣглецовъ, бѣжавшихъ, подобно безумнымъ, изъ воротъ Вильны при появленіи горсти казаковъ; какъ вошелъ въ Вильну Мюратъ, закутанный въ женскую шаль съ кучерскою шляпою на головѣ, съ палкою въ рукѣ; какъ пытался скрыть Наполеонъ свой стыдъ и ярость за поднятыми стеклами своей кареты; какъ смиренно и скромно держали себя его адъютанты; какъ благодарили они за каждый подносимый имъ кусокъ хлѣба. Въ Вильнѣ Наполеонъ приказалъ сжечь всѣ свои вещи, въ томъ числѣ и палатку, убранныю драгоценными коврами ¹⁾. Добыча, взятая русскими войсками, необъятна; полагаютъ, что на долю каждаго казака досталось около 300 дукатовъ“.

Желѣзный баронъ не принадлежалъ къ числу людей, готовыхъ прощать своихъ враговъ и плакать о нихъ. Онъ заботился о каждомъ изъ своихъ земляковъ, завлеченныхъ Наполеономъ въ Россію, но плохо было тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно пошли за завоевателемъ. Уже въ день пріѣзда Штейна въ Вильну къ нему явился молодой плѣнный офицеръ, оказавшійся его ближайшимъ землякомъ, изъ герцогства Клевскаго. Штейнъ принялъ его ласково, угостилъ его и спросилъ, что завлекло его въ Россію. „Я былъ офицеромъ прусской службы“, отвѣчалъ дворянинъ. „Послѣ паденія Пруссіи я отправился домой, поступилъ потомъ отъ скуки въ французскую службу и отправился съ французскимъ полкомъ въ Испанію“. При этихъ словахъ Штейнъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва. „Милостивый государь“, рѣзко прервалъ онъ

---

¹⁾ „Въ продолженіе всей ночи во дворѣ университета, противъ дворца, жгли императорскіе экипажи и массу разныхъ предметовъ: палатки, походныя кровати и проч., вмѣсто того, чтобы отдать ихъ жителямъ въ вознагражденіе за убытки, понесенные городомъ. Одинъ юный студентъ хотѣлъ купить у часоваго превосходный ящикъ съ математическими инструментами изъ золота (?) и съ императорскимъ гербомъ; солдатъ штыкомъ швырнулъ ящикъ въ огонь. Люди изъ свиты короля Неаполитанскаго не знали, что имъ дѣлать съ королевскою желто-золотою коляскою и, замѣтивъ въ окнѣ меня и г-жу Таффенъ, стали говорить: „предложимъ ее этимъ дамамъ“. Мы тотчасъ-же убѣжали... Коляска осталась въ гостинницѣ и Богъ знаетъ, кто завладѣлъ ею. На другой день при пробужденіи мнѣ объявили, что казаки уже въ городѣ“. Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1862 г., стр. 95.

говорившаго, у меня есть дѣла поважнѣе возни съ тѣми нѣмецкими дворянами, которые отъ скуки отправились съ французами въ Испанію. Богъ опредѣлилъ каждому его жизненный путь. Я пойду своею дорогою, а вы ступайте своею, хотябы она завела васъ въ самую Сибирь“¹⁾.

Проникнутый до мозга костей пламеннымъ патриотизмомъ и неугасимою ненавистью къ Наполеону, Штейнъ менѣе кого либо другаго способенъ былъ поддаться тѣмъ ужаснымъ впечатлѣніямъ, которыя производила тогда Вильна на всякаго свѣжаго человѣка. Непоколебимый, безстрашный, преисполненный одною великою идеею, онъ шелъ своимъ путемъ среди этого кладбища, среди этихъ массъ мертвецовъ и изнывающихъ страдальцевъ. За то люди, быть можетъ, не менѣе восторженные и упоенные успѣхомъ, но болѣе нервные и слабые, долгое время не могли освободиться отъ впечатлѣнія страшной обстановки, давившей ихъ, подобно чудовищному кошмару²⁾. Холодный ужасъ смерти поражалъ путешественника при самомъ въѣздѣ въ Вильну. „Я увидѣлъ, говоритъ Шишковъ, длинную, высокую, необычайнаго образа стѣну. Спрашиваю, что это такое? Мнѣ отвѣчали, что это наваленныя однѣ на другія, смерзшіяся вмѣстѣ, мертвыя тѣла, затѣмъ тутъ накиданныя, что выкапывать для зарыванія ихъ рвы требовало-бы, по причинѣ мерзлой земли, многого труда и времени“³⁾. Все послѣдующее гармонировало, какъ нельзя болѣе, съ этимъ страшнымъ вступленіемъ.

1) Mein Herr, ich habe was Beesseres in der Welt zu thun, als mich solcher deutscher Edelleute anzunehmen, die aus Langeweile gegen Spanien fechten gegangen sind. Gott hat im Leben verschiedene Wege ausgetheilt. Gehen Sie Ihren Weg, und wenn er Sie nach Sibirien führt; ich halte den meinigen“. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 266—267.

2) „О какое время! Оно омрачало всю мою будущность. Ничто не занимало меня, ни музыка, ни рисованіе; я могла только записывать въ дневникъ эти печальные дни. Мнѣ казалось, что больше ужъ не будетъ ни весны, ни цвѣтовъ, что небо само раздѣлитъ печаль земли; скорбь просачивалась въ мое сердце, какъ та сырость, которая точитъ стѣны. Я не смѣла взглянуть на луну, боясь увидѣть въ ней знаменіе кончины свѣта“. Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1862 г., стр. 99.

3) А. С. Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 166. Въ примѣчаніи къ изданію Киселева и Самарина мы читаемъ: „Въ Вильнѣ встрѣтили мы болѣе 17,000 труповъ, складенныхъ въ кучу и составлявшихъ высокую смерзшуюся стѣну (Ру-

Но особенно тяжелое впечатлѣніе производили госпитали, разбросанные по всей Вильнѣ¹⁾. Госпитали были устроены почти во всѣхъ виленскихъ монастыряхъ, въ зданіи университета, во многихъ частныхъ домахъ, но число раненыхъ и больныхъ было такъ колоссально, что для нихъ не хватало помѣщенія. Всѣ госпитали, безъ исключенія не снабжены были даже самыми необходимыми удобствами для больныхъ. Коекъ было очень мало, и большинство больныхъ лежало на полу, не прикрытомъ соломой. Помѣщенія госпиталей отапливались очень плохо. Вѣтеръ свободно свистѣлъ черезъ разбитыя окна и выломанныя двери. Больные оставались по цѣлымъ днямъ безъ всякаго призора и пищи. Лишь отъ времени до времени давали имъ по нѣскольکو сухарей. Они валялись на сыромъ и голомъ полу, въ сырыхъ, холодныхъ комнатахъ. Не было у нихъ ни соломы, ни дровъ, чтобы согрѣться, ни воды, чтобы утолить жажду²⁾. Въ медицинской помощи ощущался страшный недостатокъ. Въ громадномъ госпиталѣ Базиліанскаго монастыря, гдѣ лежали постоянно тысячи страдальцевъ, фигурировали всего два—три медика, изъ которыхъ самымъ старшимъ былъ какой-то молодой юноша, родомъ изъ Брабанта. Такіе медики очень рѣдко посѣщали госпитали и откровенно сознавались въ своемъ безсиліи сдѣлать что-либо для облегченія больныхъ. О леченіи не было, разумѣется, и помину. Молодой брабантскій хирургъ прямо говорилъ

кописъ Шишкова 1818 г.). Какъ ни очищали улицы, но не знали, что дѣлать съ двадцатью тысячами труповъ, въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ. По мѣрѣ возможности складывали ихъ въ телѣги и затѣмъ сваливали въ могилы; падала туда, они издавали глухой звукъ, какъ полѣно. Поговаривали о намѣреніи сжигать ихъ на кострахъ, но и Закретскаго лѣса не хватило-бы на это. Наконецъ виленскій губернаторъ подрядилъ землекоповъ для вырытія огромныхъ ямъ, что потребовало страшной работы, стоившей 40,000 фр., такъ какъ земля была глубоко промерзшая“. Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1862 г., стр. 99.

¹⁾ Подробности о виленскихъ госпиталяхъ можно найти въ военно-медицинскихъ сочиненіяхъ, относящихся къ этой эпохѣ. Особенное значеніе имѣетъ книга Рооса: Ein Jahr aus meinen Leben.

²⁾ Несчастные утоляли жажду снѣгомъ, который они собирали на дворѣ. Chambray, Histoire de l'expédition de Russie. T. III, стр. 146.

Ардту ¹⁾, что всего лучше помогаетъ ему смерть. Изъ двухъ-тысячъ человѣкъ, лежавшихъ въ его госпиталѣ, умирало, по его словамъ, ежедневно отъ 50 до 80 человѣкъ ²⁾. Больничной прислуги не существовало вовсе; некому было даже позаботиться объ уборкѣ мертвыхъ тѣлъ изъ залъ госпиталей. Трупы валялись обыкновенно по нѣсколько дней среди больныхъ и умирающихъ, отравляя воздухъ своимъ разложеніемъ. Иногда больные, собравши послѣдній остатокъ силъ, выбрасывали мертвецовъ изъ оконъ. Отъ времени до времени являлись особыя команды для очистки лазаретовъ. Они вытаскивали, обыкновенно, мертвецовъ во дворъ или на улицу и сваливали ихъ тутъ горами, какъ дрова. Вокругъ всѣхъ госпиталей образовались, такимъ образомъ, постепенно цѣлыя горы труповъ. Во дворѣ и въ корридорахъ Базилианскаго госпиталя лежало, напримѣръ, 7500 труповъ ³⁾. Всѣ дворы университетскаго госпиталя завалены были мертвецами. Мертвецы валялись кромѣ того и по всѣмъ палатамъ. Прислуга пользовалась даже трупами для предохраненія больныхъ отъ стужи. Разбитыя окна, трещины и отверстія въ стѣнахъ затыкались нерѣдко или цѣлыми трупами, или ногами, руками, туловищами и головами. Легко себѣ представить, какой ужасный, тлетворный запахъ распространяли вокругъ себя эти импровизированныя заслонки ⁴⁾.

Проѣзжая по улицамъ Вильны, среди восторженныхъ кликовъ войска и сбѣжавшагося отовсюду народа ⁵⁾, государь

¹⁾ Ардтъ такъ описываетъ свою встрѣчу съ этимъ хирургомъ: „Возвращаясь въ городъ, я встрѣтилъ порядочно одѣтаго юношу, къ которому я обратился съ какимъ-то вопросомъ; онъ оказался Брабантцемъ и старшимъ хирургомъ при лазаретѣ французскихъ плѣнныхъ, помѣщавшемся въ монастырѣ. Я прошелъ съ нимъ до входа въ это жилище горя, увидѣлъ кладбище монастыря, все заваленное трупами, и вернулся. Онъ сказалъ мнѣ, что въ лазаретѣ умираетъ ежедневно отъ 50 до 80 чел., это облегчаетъ ему работу“. Стр. 0116.

²⁾ „Въ больницахъ ежедневно умирало до пятисотъ человѣкъ“. Шишковъ, Т. I, стр. 166, прим. 2. По свидѣтельству врачей, изъ числа всѣхъ больныхъ выздоравливала едва лишь десятая часть. Тамъ-же.

³⁾ Wilson, Geheime Geschichte des Feldzug's von 1812 in Russland, стр. 306.

⁴⁾ Wilson, стр. 306.

⁵⁾ Поляки держали себя въ сторонѣ, но жиды встрѣчали государя съ восторгомъ. „Жиды во время этой войны выказали преданность Россіи; они не

не могъ, разумѣется, замѣтить и сотой доли тѣхъ ужасовъ, которые представляла тогдашняя Вильна. Государя везли по тѣмъ улицамъ, гдѣ трупы были убраны заблаговременно, гдѣ господствовали сравнительно чистота и порядокъ, гдѣ только горящія навозные костры напоминали о страшной заразѣ, свирѣпствовавшей въ городѣ. Скорбныя мысли, навѣяныя раздирающими душу путевыми сценами, оттѣснены были въ этотъ моментъ чувствами иного рода. Императоръ былъ вновь среди храбрыхъ своихъ воиновъ, покинутыхъ имъ около шести мѣсяцевъ тому назадъ. Какой небывалый поворотъ судебъ совершился за этотъ сравнительно короткій срокъ! Тогда все было проникнуто скорбью и отчаяніемъ, тогда Россія стояла, казалось, на краю пропасти; теперь все преисполнено было ликоваіемъ и восторгомъ, и освобожденная, побѣдоносная Россія собиралась возвратить свободу и жизнь поращенной Европѣ! Волнуемый самыми противоположными чувствами, императоръ въѣхалъ въ дворъ замка, гдѣ ожидала его торжественная встрѣча. Почетный караулъ Семеновскаго полка отдалъ честь. На ступеняхъ крыльца стоялъ престарѣлый фельдмаршалъ въ полной парадной формѣ, окруженный блестящимъ сонмомъ генераловъ. При звукахъ торжественнаго марша Кутузовъ преклонился предъ императоромъ и поднесъ ему строевой рапортъ. Александръ поздоровался сначала съ Семеновцами, затѣмъ онъ дружески обнялъ Кутузова и, взявъ его подъ руку, прошелъ съ нимъ въ кабинетъ. Прошло около часу въ уединенной бесѣдѣ государя съ фельдмаршаломъ. Чтó говорилъ государь съ своимъ полководцемъ, на сколько высказалось при этомъ его недовольство на медленный ходъ нашего преслѣдованія, на ошибки и бездѣйствіе нашей главной квартиры,—сказать трудно. Лю-

---

отпали отъ нея сердцемъ какъ поляки, ибо хваленная польская свобода не представляла имъ той обезпеченности собственности, коею пользуются они подъ русскою властью. Повидимому у нихъ было вѣрное политическое чутье, ибо они съ самаго начала отнеслись враждебно къ французамъ и, несмотря на денежные приманки, въ большинствѣ случаевъ не соглашались быть шпионами и измѣнниками". Арндтъ, стр. 0120. Самъ Александръ, въ разговорѣ съ гр. Тизенгаузень, упоминалъ съ похвалою о вѣрности жидовъ. Мемуары Шуазель-Гуфье, стр. 118.

ди, стоявшіе очень близко къ Кутузову, рассказывали впоследствии, что государь прямо обвинялъ фельдмаршала въ нераспорядительности и бездѣйствіи, дозволившихъ Наполеону и остаткамъ его арміи ускользнуть изъ предѣловъ Россіи. Кутузовъ оправдывался и доказывалъ, что онъ дѣйствовалъ лишь осторожно и осмотрительно, и не считалъ себя вправѣ поступать иначе, имѣя передъ собою такого опаснаго противника, какъ Наполеонъ ¹⁾. Какъ-бы то ни было, но и упреки государя и возраженія главнокомандующаго остались для всѣхъ глубокою тайною. Никто не присутствовалъ при разговорѣ, а оба собесѣдника хорошо умѣли скрыть отъ окружающихъ волновавшія ихъ чувства. Прицая Кутузова наединѣ, императоръ считалъ своимъ долгомъ выразить ему публично свою признательность, возложить на его грудь величайшую военную награду. Этому требовали громко и общественное мнѣніе всей Россіи, и дѣйствительный, видимый результатъ кампаніи. Едва только фельдмаршалъ вышелъ изъ кабинета, какъ графъ Толстой поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ знаки ордена св. Георгія 1-й степени. Передъ этимъ торжественнымъ актомъ монаршей милости должны были разсѣяться всѣ сомнѣнія скептиковъ и ожиданія затаенныхъ враговъ маститаго вождя.

Императоръ Александръ не любилъ торжественныхъ пріемовъ и встрѣчъ. Даже въ эти великія минуты своей жизни онъ старался покончить, какъ можно скорѣе, съ формальностями и спѣшилъ отвести душу въ задушевной бесѣдѣ съ лицами, не занимавшими никакого официальнаго положенія. Графиня Тизенгаузенъ, обратившая на себя вниманіе государя уже лѣтомъ 1812 г.,—женщина ²⁾, блиставшая не одною

¹⁾ Подробности эти находятся въ запискахъ князя Голицына, состоявшаго при Кутузовѣ въ 1812 г.

²⁾ Отецъ и братья гр. Тизенгаузенъ перешли на сторону Наполеона въ началѣ кампаніи, а теперь при приближеніи русскихъ бѣжали изъ города. Графиня, въ то время еще молодая дѣвица, осталась въ Вильнѣ, намѣреваясь ходатайствовать за отца и братьевъ. Она имѣла право рассчитывать на успѣхъ предъ Александромъ, такъ какъ она одна изъ всѣхъ полекъ не преклонилась передъ Наполеономъ и отважилась даже надѣть въ его присутствіи шифръ, полученный ею въ русскомъ институтѣ. Кутузовъ по прибытіи въ Вильну посѣ-

только красотою, но еще болѣе умомъ и непринужденными граціозными манерами, удостоилась и на этотъ разъ милостиваго вниманія императора. Александръ посѣтилъ графиню уже въ первый день по пріѣздѣ своемъ въ Вильну. Послѣ обычныхъ привѣтственныхъ фразъ императоръ обратился къ графинѣ съ такими словами:

„У меня было много непріятностей, я изстрадался. Въ Петербургѣ не обошлось безъ волненій, нашлись недовольные первоначальнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій. Въ предшествовавшее моему царствованію и при императрицѣ Екатеринѣ занимались болѣе придворными интригами, теперь-же всѣ желаютъ проникнуть въ тайны правленія и политики,—какъ ихъ тутъ уладить? Я не обладаю счастливою философіею Наполеона; несчастная эта кампанія стоитъ мнѣ десять лѣтъ жизни“²⁾).

Разговоръ естественно обратился на Наполеона. „Какое впечатлѣніе произвелъ онъ на васъ?“ спросилъ императоръ графиню.

„Его лицо, отвѣчала она, не оправдало моихъ ожиданій. Я думала увидѣть на немъ выраженіе его геніальности“.

„Именно такое-же впечатлѣніе произвелъ онъ и на меня“, сказалъ императоръ Александръ. „Замѣтили-ли вы его свѣтло-сѣрые глаза: въ нихъ есть что-то рѣзкое,—не выдержи-ваешь этого взгляда“.

„Ничего не нашла я въ немъ величественнаго. Не смотря на чрезмѣрную доброту Вашего Величества, я болѣе робѣю въ вашемъ присутствіи, чѣмъ въ присутствіи Наполеона, хо-

---

тилъ графиню и отнесся къ ней съ большимъ участіемъ. Узнавъ о пріѣздѣ императора въ Вильну, графиня воскликнула со слезами: „Ангелъ здѣсь, мы спасены!“. Въ тотъ-же день явился къ графинѣ графъ Толстой съ порученіемъ передать ей благодарность Его Величества и тысячу привѣтствій. Вечеромъ пріѣхалъ самъ государь и объяснилъ свое посѣщеніе желаніемъ выразить ей свою благодарность. „Какъ вы были храбры, не боясь того, передъ кѣмъ даже мужчины трепещутъ“. Мемуары изд. 1862 г., стр. 102—103.

²⁾ Изъ втораго изданія мы узнаемъ, что Александръ говорилъ съ графиней очень много объ истекшей кампаніи, о своей твердости, о планѣ военныхъ дѣйствій и объ ошибкахъ, сдѣланныхъ Наполеономъ. Такъ какъ этихъ подробностей нѣтъ въ первомъ изданіи, то трудно поручиться за ихъ точность.

тя являясь къ нему, я знала, что онъ обращается съ дамами не любезно, слишкомъ безцеремонно, даже грубо“.

„Развѣ вы меня боитесь?“

„Боюсь немилости Вашего Величества“.

„Видѣли-ли вы короля Неаполитанскаго?“

„Видѣла его мелькомъ изъ окна. Онъ мнѣ показался театраленъ въ его желтыхъ сапогахъ и шляпѣ съ перьями на манеръ Генриха IV“.

„Да, онъ перенялъ костюмъ Генриха IV, не усвоивъ его чувствъ. Жаль, что вамъ не удалось поговорить съ нимъ, у него гасконское произношеніе. При первой моей встрѣчѣ съ Наполеономъ я увидѣлъ подлѣ него турка, котораго мнѣ тотчасъ представили подъ именемъ великаго герцога Бергскаго, зятя Наполеона. Въ другой разъ я его видѣлъ въ испанскаго покроя мундирѣ съ зелеными украшеніями“.

Разговоръ коснулся роли Мюрата въ послѣдней кампаніи. Александръ замѣтилъ:

„Наполеонъ слишкомъ снисходителенъ къ нему, ему бы слѣдовало его разстрѣлять; онъ его погубилъ, уничтоживъ французскую кавалерію“.

Графиня передала императору нѣсколько подробностей о пребываніи Наполеона въ Вильнѣ. Александръ слушалъ спокойно, не лишеныя комизма, подробности о балахъ и пріемахъ солдатскаго императора; но когда рѣчь коснулась строгаго этикета, заведеннаго Наполеономъ, когда онъ услышалъ, какихъ услугъ требовалъ грубый корсиканецъ отъ своихъ приближенныхъ и какъ Колинкуръ долженъ былъ держать подножку его кареты, государь вспыхнулъ и прервалъ графиню такими словами:

„Какъ можно унижать до такой степени достоинство посла!—И что за удобство, когда прислуживаютъ придворные? Мнѣ гораздо лучше услуживаетъ мой камердинеръ, чѣмъ всѣ эти придворные полотеры. Къ счастью, что мѣсто при дворѣ не есть должность и не можетъ наполнять всей дѣятельности человѣка; теперь придворные начали занимать мѣста въ военной и административной части“.

Разговоръ вновь обратился къ Наполеону и къ событіямъ

истекающей войны. Государь съ поразительной вѣрностью указалъ на главныя причины катастрофы, постигшей Наполеона. „Какъ могъ, замѣтилъ онъ прежде всего, Наполеонъ вторгнуться въ Россію съ 600,000 человекъ, не взявъ съ собою никакихъ запасовъ, не обезпечивъ ничѣмъ продовольствія своихъ массъ. Не мудрено, что Наполеону пришлось отвѣчать тѣмъ, которые требовали отъ него строгихъ мѣръ противъ мародеровъ: что-жь мнѣ съ ними дѣлать? Нужно же имъ кормить себя“.

Въ героизмѣ народа русскаго усматривалъ Александръ вторую и важнѣйшую причину гибели завоевателя. Онъ пришелъ въ умиленіе, говоря о преданности простаго русскаго народа.

„О, мои бородачи, воскликнулъ онъ съ восторгомъ, они гораздо лучше насъ! Они сохраняютъ патріархальныя нравы, вѣру въ Бога и безграничную преданность своему государю“¹⁾.

Ставя такъ высоко свой народъ, государь относился чрезвычайно строго и къ самому себѣ и къ окружающей его средѣ.

„Надобно быть на моемъ мѣстѣ“,—говорилъ онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ,—„чтобы ясно представить себѣ, какая отвѣтственность лежитъ на государѣ,—чтобы понять мои чувства, когда я думаю о днѣ, въ который придется мнѣ дать отчетъ Богу въ жизни каждаго солдата. Нѣтъ, престоль—не мое призваніе; если-бы я могъ съ честью измѣнить мое состояніе, я-бы охотно на него согласился. Мнѣ такъ плохо помогаютъ въ осуществленіи моихъ плановъ, что у меня подчасъ является желаніе разможжить себѣ голову объ стѣну. Меня окружаютъ эгоисты, которые пренебрегаютъ добромъ и интересами государства, заботясь лишь о своихъ личныхъ выгодахъ и повышеніи“²⁾.

1) Въ изданіи 1862 г. добавлено: „Они не поддались на приманку французовъ, обѣщавшихъ имъ свободу“. См. русскій переводъ мемуаровъ, стр. 118.

2) Александръ, замѣчаетъ авторъ мемуаровъ во второмъ изданіи, питалъ глубокое презрѣніе ко всѣмъ внѣшнимъ знакамъ отличія. „Александръ пожаловалъ князю Волконскому какую-то ленту, голубую или красную. Тотъ былъ такъ радъ, что императоръ пришелъ въ совершенное изумленіе“.—„Любезный Волконскій, можно-ли до такой степени радоваться какому-нибудь кусочку ленты?“

Императоръ говорилъ съ возрастающимъ увлеченіемъ. Высокое релігіозное чувство, наполнявшее его душу,—чувство, возбужденное Библіею и событіями послѣдняго времени, рвалось въ немъ наружу.

„Отчего это“, воскликнулъ онъ, „всѣ государи и народы Европы не условятся жить по братски и помогать другъ другу въ своихъ нуждахъ? Торговля сдѣлалась-бы общимъ достояніемъ этой громадной семьи! Члены ея хотя-бы и различались вѣроисповѣданіями, но вѣротерпимость соединяла-бы ихъ. Для Бога, я думаю, безразлично—призываютъ-ли Его люди на греческомъ, или на латинскомъ языкѣ, лишь-бы только исполняли они свои обязанности въ отношеніи Его, да были честны. Не всегда длинная молитва бываетъ пріятна Богу“ ¹⁾.

„Но моя молитва, Государь, отвѣчала графиня, бываетъ очень длинная, когда я молюсь за Васъ“ ²⁾.

Государь благодарилъ находчивую польку съ своею обыкновенною любезностью. Прощаясь съ нею, онъ замѣтилъ: „Вашъ городъ и дворянство предлагали мнѣ балъ на завтра, по случаю дня моего рожденія; но я не счелъ возможнымъ принять ихъ предложеніе. Мнѣ кажется, при настоящихъ об-

„Государь, отвѣчалъ князь, я радуюсь тому почету, который съ нимъ связанъ и который оказалъ мнѣ Вами“. Стр. 115—116.

¹⁾ Во второмъ изданіи мемуаровъ мы читаемъ: „Императоръ говорилъ, какъ истинный мудрецъ, что не желаетъ иного, какъ счастья человѣчества. Казалось, онъ только и мечталъ о восстановленіи на землѣ золотого вѣка: прелестная мечта для государя! Ему хотѣлось, чтобы всѣ любили другъ друга, какъ братья, помогая обоюдно въ нуждахъ, и чтобы свободная торговля составляла основу общественнаго союза. Я позволила себѣ сказать, что если-бы люди буквально слѣдовали ученію Евангелія, столь мягкому, естественному и всѣмъ доступному, то не нужно-бы было другихъ законовъ для управленія государствами“. Мемуары Шуазель-Гуфье, стр. 114.

²⁾ Графиня сама сочинила молитву за императора. Вотъ ея текстъ, помѣщенный во второмъ изданіи мемуаровъ: „Боже! прійми Александра подъ Свой покровъ! Да поддержи его промыслъ Твой силою своею въ сраженіяхъ и мудростию въ совѣтахъ! Сохрани умъ его отъ опьяненія славою, столь пагубной для монарховъ и столь вредной для счастья народовъ; просвѣти его свѣтомъ Твоимъ въ дѣлахъ, творимыхъ во имя Твое и содержи сердце его въ всемогущихъ рукахъ Твоихъ“. Стр. 120.

стоятельствахъ, не только танцы, но самый звукъ бальной музыки не можетъ быть пріятенъ“.

Разговоръ императора Александра съ графинею Тизенгаузенъ имѣетъ весьма важное значеніе для занимающаго насъ вопроса. Мы видимъ изъ него ясно, какое неизгладимое впечатлѣніе произвели на императора потрясающія событія отечественной войны. Событія эти убѣдили его окончательно въ ничтожествѣ той среды, при помощи которой мечталъ онъ въ годы юности преобразовать свою имперію. Онъ понялъ, гдѣ коренятся главныя его силы; онъ узналъ, какъ должно, тѣхъ бородачей, которыхъ думалъ онъ цивилизовать прежде на англо-французскій манеръ. Онъ созналъ всю тяжесть лежащей на немъ отвѣтственности, и съ сокрушеннымъ сердцемъ позналъ свое страшное одиночество среди эгоистовъ, толпившихся вокругъ его трона. Въ религіи, въ теплой, живой вѣрѣ во всеблагій Промыселъ, обрѣлъ онъ единственный источникъ силы и утѣшенія. На религіи думалъ онъ основать свое владычество, на евангельскихъ началахъ любви думалъ онъ построить международныя отношенія, возстановить разрушенную Наполеономъ великую семью европейскихъ народовъ. Идея священнаго союза между государями,—союза, основаннаго на высочайшей заповѣди Христа Спасителя: „возлюби ближняго, какъ самого себя, а Бога больше самого себя“, родилась въ душѣ его безъ всякаго посторонняго воздѣйствія, безъ участія восторженныхъ пророчицъ и набожныхъ мистиковъ—профессоровъ философіи ¹⁾. Эта идея явилась прямымъ и чистымъ продуктомъ его внутренней борьбы, его тяжелыхъ страданій, его горькихъ опытовъ и разочарованій. Она зародилась въ его душѣ въ тотъ великій моментъ, когда въ виду зарева Москвы, среди ужасовъ торжествующаго нашествія, онъ далъ твердый обѣтъ передъ Богомъ и передъ своею совѣстью не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока Россія и Европа не освободятся отъ терзающаго ихъ исполина. Она окрѣпла въ немъ и проникла все

---

¹⁾ Мы увидимъ впоследствии, въ чемъ заключалось дѣйствительное значеніе этихъ пророчицъ и мистиковъ.

его существо въ тѣ тяжелые дни, когда, оставленный всѣми, окруженный трусами и эгоистами, онъ находилъ опору лишь въ горячей молитвѣ и чтеніи слова Божія, а сочувствіе лишь въ немногихъ избранныхъ, проникнутыхъ столь-же твердою вѣрою, какъ и онъ самъ. Она созрѣла и приняла форму вполне сознательную, когда на ледяныхъ поляхъ онъ узрѣлъ воочию страшный судъ Божій и увидѣлъ во всей ужасающей наготѣ послѣдствія войны для несчастнаго, жалкаго человѣчества. Отнынѣ онъ ведетъ войну лишь для того, чтобы навѣки положить конецъ войнѣ, чтобы основать на землѣ царство любви, братства и мирнаго служенія единому Богу, Отцу страждущаго, терзаемаго доселѣ сильными міра сего, человѣчества ¹⁾.

¹⁾ Свидѣтельство гр. Тизенгаузенъ, оставляемое до сихъ поръ безъ вниманія историками, рѣшаетъ положительно вопросъ, кому принадлежала первая идея священнаго союза. Она не принадлежала ни королю Прусскому, какъ думали это одни, ни г-жѣ Криденеръ, какъ утверждали это другіе, ни Францу Баадру, какъ предполагали это третьи, а самому императору Александру. Идея эта возникла не въ 1813 г., 14, или даже 15 г., а уже въ 1812 г. Александръ перенесъ войну за предѣлы имперіи, одушевляемый и подвигаемый этою идеею, а послѣдующія событія и вліянія способствовали лишь дальнѣйшему развитію и осуществленію этой идеи на практикѣ.

Въ виду такой важности свидѣтельства гр. Тизенгаузенъ, серьезный историкъ долженъ отнестись къ нему съ величайшимъ вниманіемъ, но въ тоже время и осторожностью. Возникаетъ вопросъ: вѣрно-ли передавала графиня слова государя и не было-ли у нея какихъ-нибудь побужденій скрывать истину, или-же исказить ее? Намъ кажется, что этотъ вопросъ разрѣшается самъ собою при внимательномъ чтеніи мемуаровъ. Графиня говоритъ объ Александрѣ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, но это чувство не вытекаетъ у нея изъ какого-нибудь мутнаго или недостойнаго источника. Ея отношенія къ государю высоко-нравственнаго свойства. Она поражена и увлечена высокими душевными свойствами Александра; онъ кажется ей ангеломъ, ниспосланнымъ свыше для страждущаго человѣчества. Графиня была, какъ извѣстно, пламенная польская патриотка; подобно другимъ своимъ землякамъ она ожидала отъ Наполеона возстановленія Польши; но изъ ея мемуаровъ не видно, чтобы она благоговѣла предъ Александромъ, какъ возстановителемъ Польши, хотя она и ставила очень высоко его заслуги по отношенію къ Польшѣ. У графини не было ни малѣйшаго повода приписывать Александру слова и выраженія, которыхъ онъ не употреблялъ. Все, что передаетъ она намъ изъ разсужденій и разговоровъ въ Вильнѣ, въ декабрѣ 1812 г., подходит какъ нельзя болѣе и къ характеру императора и къ его тогдашнему настроенію, и, что самое важное, все подтверждается, какъ нельзя болѣе, другими свидѣтельствами. Такъ могъ говорить только императоръ Александръ и никто иной не могъ приписать ему

Вечеромъ того-же самаго дня императоръ имѣлъ и другую продолжительную бесѣду,—бесѣду совершенно иного свойства и съ совершенно инымъ человѣкомъ, нежели восторженная польская графиня. Англійскій генераль Вильсонъ, этотъ вѣчный антагонистъ Кутузова, этотъ неутомимый и злостный цензоръ каждаго шага стараго фельдмаршала, успѣлъ добиться аудіенціи у государя въ самый день пріѣзда его въ Вильну ¹⁾. Императоръ принялъ его необыкновенно любезно.

подобныхъ мыслей и словъ. Само собою понятно, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ идетъ не о буквальной точности въ передачѣ словъ и выражений императора, а о точности въ отношеніи общаго смысла. Эта послѣдняя точность стоитъ выше всякихъ сомнѣній, тогда какъ точность буквальная можетъ казаться иногда сомнительною. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно важны слѣдующія соображенія. Мемуары Шуазель-Гуфье (такъ называлась впоследствии графиня по имени своего мужа) существуютъ въ двухъ изданіяхъ. Первое изданіе вышло въ Брюсселѣ въ 1829 г., тогда какъ второе предпринято было авторомъ въ 1862 г. Между обоими изданіями существуетъ весьма значительное различіе. Оцѣнка событій во второмъ изданіи совсѣмъ иная, быть можетъ, болѣе вѣрная, во всякомъ случаѣ болѣе серьезная, нежели въ первомъ; за то прежняя наивность тона, прежняя свѣжесть впечатлѣній изгладилась безвозвратно. Этого мало. Порядокъ изложенія совсѣмъ иной; сцены и разговоры, носившіе въ первомъ изданіи цѣлостный характеръ, разорваны на части, поставлены въ иную связь, приурочены къ другому времени, во второмъ. Даже многія подробности, попадавшіяся въ первомъ изданіи, исчезаютъ безслѣдно во второмъ и замѣняются другими. Самъ авторъ, въ предисловіи ко второму изданію, объясняетъ намъ причину такого поразительнаго различія. Оказывается, что при составленіи втораго изданія онъ не имѣлъ подъ руками ни рукописи перваго изданія и ни одного его печатнаго экземпляра, сдѣлавшагося въ это время библіографическою рѣдкостью. Письменные замѣтки и дневники, по которымъ авторъ составлялъ первое изданіе, во время составленія втораго также не существовали уже во всей полнотѣ; автору пришлось, такимъ образомъ, возстановлять мемуары по памяти, которая естественно могла измѣнять ему во многихъ случаяхъ. Въ виду такого обстоятельства, слѣдуетъ отдавать во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ рѣшительное предпочтеніе редакціи перваго изданія, и пользоваться вторымъ изданіемъ не иначе, какъ съ болѣею осмотрительностью. Вотъ почему мы пользовались въ текстѣ исключительно первымъ изданіемъ и помѣщали лишь подъ строкою черты и подробности, взятая изъ втораго. Слова государя, заключающія въ себѣ первую мысль о священномъ союзѣ, помѣщенные у насъ въ текстѣ, находятся въ первомъ изданіи, причемъ авторъ замѣчаетъ, что все это было сказано государемъ въ первое его свиданіе съ авторомъ, тогда какъ во второмъ изданіи таже самая мысль высказана не только въ иной формѣ, но и отнесена совсѣмъ къ другому разговору.

¹⁾ Вильсонъ утверждаетъ, впрочемъ, что государь самъ потребовалъ его къ себѣ: По его словамъ бесѣда началась такими словами Александра: General,

Онъ выразилъ ему полнѣйшее свое удовольствіе по поводу образа его дѣйствій въ нашей главной квартирѣ, особенно-же благодарилъ его за его частыя, правдивыя и подробныя донесенія.

„Я знаю, что вы всегда писали мнѣ правду,— правду, которая никогда не дошла-бы до меня черезъ посредство другихъ лицъ“. „Я знаю, продолжалъ государь, что фельдмаршалъ избѣгалъ по возможности предпринимать противъ непріятеля что-либо рѣшительное. Всѣ его побѣды были вынужденныя, навязанныя ему. Но московское дворянство поддерживаетъ его, оно усматриваетъ въ немъ носителя національной славы этой войны“. Сказавъ еще нѣсколько рѣзкихъ словъ о Кутузовѣ ¹⁾, императоръ замѣтилъ: „Онъ старый человѣкъ и я желалъ-бы, чтобы вы оказали ему подобающее почтеніе и не оттолкнули его предупредительности. Я хочу избѣгнуть даже самаго признака гнѣва и недовольства. Исполненный благодарности къ Провидѣнію, я вступаю отнынѣ на новый путь. Прощеніе всѣмъ—вотъ мой теперешній девизъ“.

ich habe Sie in mein Cabinet gerufen, um Ihnen ein schmerzliches Bekenntniss zu machen; aber ich verlasse mich auf Ihre Klugheit und Ehre. Ich hätte es mir gern erspart, aber ich konnte es nicht ertragen in Ihren Augen in meinem Verhalten inconsequent zu erscheinen, was doch der Fall sein müsste, wenn ich meine Beweggründe nicht auseinander setzte.—Geheime Geschichte des Feldzug's in Russland von 1812, стр. 307.

¹⁾ Ich muss daher diesen Mann in einer halben Stunde mit dem Grosskreuz des Georgenordens schmücken und dadurch die Statuten desselben verletzen, denn es ist die höchste Ehre und bis jetzt die reinste des Reiches. Doch ich will Sie nicht einladen anwesend zu sein. Ich würde mich zu gedemüthigt fühlen, aber ich habe keine Wahl, ich muss mich einer Nothwendigkeit unterwerfen. Ich werde jedoch mein Heer nicht wieder verlassen, und für die Zukunft soll der Marschall nicht wieder Gelegenheit zu falscher Leitung haben“. Само собою понятно, что подлинность этихъ словъ лежитъ вполнѣ на отвѣтственности генерала Вильсона, добросовѣстность котораго заподозрѣна уже нами въ другихъ случаяхъ. Къ тому-же въ данномъ случаѣ оказывается и противорѣчіе съ другими свидѣтельствами. Изъ нихъ мы знаемъ, что государь пожаловалъ Кутузову орденъ св. Георгія тотчасъ-же по приѣздѣ въ Вильну, слѣдовательно ранѣ своего разговора съ генераломъ Вильсономъ, а между тѣмъ Вильсонъ говоритъ о наградѣ фельдмаршала, какъ о дѣлѣ, предстоящемъ черезъ полчаса. Во всякомъ случаѣ не надо забывать, что вся книга Вильсона есть не болѣе, какъ памфлетъ на кн. Кутузова. См. Geheime Geschichte des Feldzug's in Russland von 1812. Стр. 307—309.

Императоръ сдержалъ свое слово. На другой день, 12 декабря, въ день рожденія государя, явилась въ замокъ въ числѣ другихъ поздравляющихъ и депутація литовскаго дворянства. Государь принялъ ее милостиво, хотя и далъ ей понять, что поведеніе литовскихъ пановъ и шляхты очень хорошо ему извѣстно и оцѣнено имъ по заслугамъ. „Я имѣю поводъ“,—сказалъ онъ депутатамъ,—„быть недовольнымъ очень многими литовцами; похвалить приходится немногихъ изъ нихъ. Предпочитаю забыть прошедшее, въ надеждѣ, что вамъ не прійдется вторично прибѣгать къ моему прощенію“ ¹⁾. Въ тотъ-же день государь подписалъ манифестъ, возвѣщавшій о дарованной имъ полной амнистіи всѣмъ полякамъ и литовцамъ, подданнымъ имперіи, не исключая и тѣхъ, которые запятнали себя открытымъ и явнымъ нарушеніемъ присяги. „Пусть“,—говорилось въ манифестѣ,—„участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи всенародныхъ враговъ и да приносить съ неугнетеннымъ сердцемъ чистѣйшее Всевышнему благодареніе“ ²⁾.

При каждомъ удобномъ случаѣ государь спѣшилъ заявить, что оконченная побѣдоносная война велась не въ интересахъ одной Россіи, а въ интересахъ всего человѣчества, что испровергнуть былъ не врагъ Россіи, а врагъ всенародный. Когда утромъ 12-го числа въ замокъ собрались всѣ генералы, то императоръ, благодаря ихъ за подъятые труды и подвиги, сказалъ имъ, между прочимъ: „Господа вы спасли не одну Россію; вы спасли Европу“ ³⁾. Государь принялъ приглашеніе фельдмаршала на торжественный обѣдъ. За столомъ старый вождь, очарованный любезностью государя, сіялъ отъ радости и счастья. Во время задравныхъ тостовъ раздались громкіе залпы артиллеріи. „Ваше Величество!“ обратился Кутузовъ къ государю,—„наши артиллеристы палятъ французскимъ порохомъ изъ отбитыхъ у французовъ орудій“. Государь улыбнулся благосклонно. Его любезность простерлась

¹⁾ Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1829 г. См. „Русская Старина“ за 1877 г. Т. XX, стр. 604.

²⁾ Текстъ манифеста приведенъ нами вполнѣ въ предыдущей статьѣ.

³⁾ Богдановичъ: „Исторія Отечественной войны“. Т. III, стр. 347.

до того, что онъ далъ тутъ-же фельдмаршалу слово посѣтить устраиваемый имъ балъ.

Балъ отличался неслыханною пышностью и торжественностью. Польско-литовская знать, плясавшая еще такъ недавно до упаду на балахъ французскихъ сановниковъ, работливо, подобострастно тѣснилась теперь вокругъ побѣдителей ¹⁾. Когда императоръ вступилъ въ бальную залу, то, по мановенію Кутузова, повергнуты были къ стопамъ его отбитыя у непріятеля знамена. Такая овація видимо не соотвѣтствовала настроенію государя; она шла въ разрѣзъ съ мыслью, наполнявшею все его существо: „не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу“. Тщетно старались свидѣтели этой достопамятной сцены подмѣтить на лицѣ императора какое-либо движеніе тщеславія, гордаго самосознанія побѣдителя; оно было спокойно, какъ и всегда,—въ немъ свѣтилось лишь чувство грусти и сожалѣнія о безчисленныхъ жертвахъ этихъ трофеевъ ²⁾.

Александръ прислушивался къ радостнымъ и шумнымъ восклицаніямъ, раздававшимся вокругъ него. Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ генераловъ громко говорили о нашихъ подвигахъ и трофеяхъ. „Въ чемъ заключается тайна нашихъ баснословныхъ успѣховъ? выражались они, безъ сомнѣнія, въ непреклонной волѣ и твердости мощнаго государя нашего, а затѣмъ въ несравненномъ мужествѣ воинства русскаго“. Государь подошелъ къ одному изъ говорящихъ такимъ образомъ; цѣлый кружокъ генераловъ и офицеровъ столпился вокругъ него. Лицо Александра сіяло ка-

¹⁾ Описаніе бала см. въ мемуарахъ Шуазель-Гуфье. Во второмъ изданіи мы читаемъ: „Я была какъ во снѣ въ этой залѣ, гдѣ шесть мѣсяцевъ тому назадъ видѣла совершенно иное общество. Поразительная разница между двумя императорами; быстрота, съ которою произошла перемена обстановки; самое мѣсто, гдѣ все это я видѣла,—произвели на меня впечатлѣніе, которое я не въ состояніи объяснить. Видѣ множества русскихъ военныхъ людей,—между ними было только четверо—пять поляковъ, переносилъ меня въ Петербургъ“. Стр. 109. Слова свидѣтельницы о четырехъ—пяти полякахъ не должны быть понимаемы буквально; во всякомъ случаѣ громадное большинство дамъ на балу были польки.

²⁾ См. Мемуары Шуазель-Гуфье, второе изданіе, стр. 110.

кимъ-то неземнымъ блескомъ. „Господа генералы“,—сказалъ онъ торжественно,—„вы теперь сами видите, какъ обмерзлые и окоченѣлые трупы французовъ валяются здѣсь на улицахъ Вильны; такое ихъ множество зловоніемъ своимъ заражаетъ даже самый воздухъ въ городѣ. И какъ-же вы думаете, господа, отъ нашихъ-ли ядеръ, нашею-ли побѣдоносною рукою сражены сіи несчастные иноземные пришельцы? Конечно, вы этого на себя не возьмете. Слѣдовательно, продолжалъ государь, указывая на небо, Ему лишь Великому въ браняхъ предлежитъ побѣда. Господь Іисусъ есть только истинный Побѣдитель и Освободитель родины отъ лютаго враговъ нашествія ¹⁾).

Замѣтивъ въ числѣ дамъ графиню Тизенгаузенъ, императоръ подошелъ къ ней и, приглашая ее на танецъ, сказалъ съ ироніею: „Вамъ должно быть странно видѣть меня танцующимъ послѣ того, что говорилъ я вамъ вчера, но что дѣлать! Пришлось потѣшить старика. Старикъ радуется,—холодъ ему помогъ“ ²⁾).

Государь тяготился шумнымъ весельемъ и торжественными оваціями. Тихая радость, наполнявшая его душу, благоговѣйная благодарность Промыслу силились излиться въ дѣлахъ христіанскаго милосердія. Онъ чувствовалъ, что теперь не время плясать и ликовать, что его мѣсто не въ бальной залѣ, а среди тысячъ страдальцевъ, наполнявшихъ Вильну. Государь узналъ объ ужасномъ положеніи виленскихъ госпиталей и поспѣшилъ лично подать руку помощи несчастнымъ. Недоступный чувству страха передъ заразою, напа-

¹⁾ См. Разказы князя А. Н. Голицына. Изъ записокъ Ю. Н. Бартечева, „Русскій Архивъ“ 1886 г. книга 5, стр. 91. Въ свидѣтельствѣ этомъ не сказано, когда и гдѣ сказаны были означенныя слова государя; упомянуто лишь, что они произнесены были въ Вильнѣ въ эпоху окончательнаго изгнанія французовъ изъ Россіи. Мы полагаемъ, что поводъ къ такой рѣчи могъ быть скорѣе всего паданъ на балу, на которомъ повергнуты были къ ногамъ государя непріятельскіе трофеи, хотя и не отрицаемъ, что это могло случиться и въ другомъ мѣстѣ.

²⁾ Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе первое. „Кутузовъ представилъ потомъ императору жену одного военнаго—молодую особу, храбро сопровождавшую своего мужа во всѣхъ стычкахъ. Я восторгалась ею, но императоръ повернулся ко мнѣ и сказалъ: „Я не сочувствую этого рода отвагѣ въ женщинѣ. Можно высказать ее болѣе достойнымъ образомъ и болѣе приличнымъ ея полу“. Второе изд., стр. 110.

давшего на самыхъ безстрашныхъ, отклоняя всѣ боязливья предостереженія окружающихъ ¹⁾, Александръ въ теченіи нѣсколькихъ дней неутомимо обходилъ виленскіе госпитали. Замѣтивъ, что его приближенные, не исключая и его молодыхъ адъютантовъ, сопутствуютъ ему крайне неохотно въ его обходахъ, онъ освободилъ ихъ отъ этой обязанности. „Молодежь,“ — говаривалъ онъ при этомъ, — „готовая съ восторгомъ идти на штурмъ, или броситься въ бой, находитъ какой-бы то ни было предлогъ уклониться отъ этой тяжелой обязанности“ ²⁾.

Обязанность была, дѣйствительно, невыразимо тяжелая! Только одно глубокое чувство вѣры могло помочь монарху Россіи вступить безтрепетно въ эти притоны страданія и смерти, при одномъ описаніи которыхъ стыла кровь въ жилахъ. „Я вошелъ“, — рассказывалъ потомъ самъ Александръ, — „въ госпиталь, устроенный въ зданіяхъ университета, поздно вечеромъ. Одна только лампа освѣщала темные своды, подъ которыми, вышиною въ уровень со стѣнами, свалены были въ кучѣ тѣла умершихъ. Не могу передать вамъ того ужаснаго чувства, которое охватило меня, когда я увидѣлъ, что нѣкоторыя изъ тѣлъ еще оказывали признаки жизни, что они еще шевелились“ ³⁾. Государь съумѣлъ подавить нахлынувшія на него чувства ужаса и непобѣдимаго отвращенія. Отдавъ тутъ-же строгій приказъ о немедленномъ удаленіи и погребеніи труповъ, онъ безстрашно вступилъ въ полуосвѣщенные залы, гдѣ среди мрака, холода и удушающихъ міазмовъ валялись тысячи полуживыхъ страдальцевъ. „Такова была участь плѣнныхъ, говоритъ французъ-современникъ, когда

¹⁾ „На мое замѣчаніе, что императоръ подвергаетъ себя опасности, лично посѣщая госпитали, что и принцъ Ольденбургскій умеръ отъ тифа, государь сказалъ: „Мой зять не отличался здоровьемъ. При хорошемъ здоровьи, и притомъ челоѣку не мнительному нечего бояться“. Мемуары Шуазель-Гуфье, 2-е изданіе, стр. 114.

²⁾ Предполагая, что Наполеонъ заботился хотя сколько-нибудь о своихъ больныхъ и раненыхъ, государь замѣтилъ при этомъ случаѣ: „Я хочу сообщить Наполеону, какъ плохо исполнялись его приказанія даже тѣми, кому онъ довѣрялъ“. Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе первое, стр. 605.

³⁾ Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе первое, стр. 605.

Александръ, слѣдуя лишь внушенію своего сердца, пожелалъ видѣть собственными глазами ихъ положеніе; онъ не утратился посѣтить эти зловонныя ужасныя жилища, въ которыхъ зараженный воздухъ былъ губительнымъ проводникомъ болѣзни. Боже! какое зрѣлище открылось взорамъ властителя, упоеннаго торжествомъ побѣды! Монархъ Россіи! Въ этотъ день ты совершилъ одинъ изъ лучшихъ подвиговъ твоей жизни“ ¹⁾).

Не слѣдуетъ думать, чтобы государь ограничился однимъ бѣглымъ обзоромъ госпиталей, какъ поступаютъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ знатныя и коронованныя особы. Онъ совершалъ свой великій подвигъ не для свѣта, и даже не для примѣра другимъ. Влекомый теплымъ чувствомъ христіанской любви, онъ явился въ полномъ смыслѣ этого слова ангеломъ-утѣшителемъ и спасителемъ страдальцевъ. Онъ посѣщалъ госпитали не разъ, и не два, а много разъ въ теченіи двухъ недѣль. Онъ не только принялъ всѣ возможныя мѣры для очищенія госпиталей отъ труповъ, для снабженія несчастныхъ пищею, лекарствами и другими потребностями, но и старался облегчить страдальцевъ словомъ любви, участія, надежды. То и дѣло останавливался онъ у постелей больныхъ, милостиво разговаривалъ съ ними, спрашивалъ объ ихъ нуждахъ, о семьяхъ и родныхъ, покинутыхъ на далекой родинѣ. Для всякаго находилъ онъ подходящія выраженія участія. Однимъ, ожидавшимъ выздоровленія, давалъ денегъ на дорогу; другимъ приказывалъ доставить необходимыя удобства; третьимъ, близкимъ къ смерти, обѣщалъ передать ихъ послѣднія желанія далекимъ роднымъ. Скоро плѣнники привыкли къ частымъ посѣщеніямъ статнаго, почти юношески красиваго офицера, не смотря на его посѣдѣвшіе и рѣдкіе волосы. Лишь немногіе изъ нихъ догадывались, что передъ ихъ скорбными одрами является одинъ изъ величайшихъ монарховъ міра, что грозный побѣдитель Наполеона разговариваетъ съ ними такъ просто и фамиллярно, заботится такъ отечески объ ихъ нуждахъ. Но всѣ, узнававшіе и не узна-

¹⁾ Chambray, Histoire de l'expédition de Russie. Т. III, стр. 147.

вавшіе государя, привѣтствовали съ одинаковымъ восторгомъ его появленіе. При его видѣ всѣ лица сіяли радостью, и ни одинъ изъ страдальцевъ не боялся обратиться къ нему съ просьбою какого-бы то ни было свойства. Однажды государь вошелъ въ палату госпиталя, когда одинъ умирающій офицеръ, испанецъ, кончалъ диктовать письмо своему товарищу. Замѣтивъ государя, онъ обратился къ нему съ такими словами: „г. офицеръ, потрудитесь сами переслать мое письмо; это послѣдній привѣтъ, посылаемый мною женѣ въ Испанію“ ¹⁾).

Но несчастіе гнѣздилося не въ однихъ стѣнахъ госпиталя: и на улицахъ Вильны скиталось не мало бездомныхъ, оставленныхъ на произволъ судьбы страдальцевъ. Особенно ужасно было положеніе тѣхъ женщинъ, которыя сопровождали вмѣстѣ съ своими дѣтьми отступленіе великой арміи. Потерявъ на пути своихъ мужей, они дошли теперь до крайней степени бѣдствія. Голодные, оборванные, лишенные пристанища, онѣ умирали, въ буквальномъ смыслѣ слова, отъ голода на улицахъ чужаго города. Одна изъ такихъ несчастныхъ съ двумя малолѣтними дѣтьми, встрѣтивъ государя, возвращающагося со смотра, бросилась ему въ ноги, обливаясь слезами, прося помощи. При видѣ несчастной и ея посинѣвшихъ отъ холода малютокъ, государь самъ не могъ удержаться отъ слезъ и тутъ-же распорядился пристроить всю семью. Плѣнный французскій солдатъ рассказывалъ впоследствии, какъ умирая отъ голода, онъ встрѣтилъ однажды на улицахъ Вильны молодаго русскаго офицера. Лицо офицера показалось ему такимъ добрымъ, что онъ рѣшился остановить его и попросить на хлѣбъ. Офицеръ велѣлъ идти ему на царскую кухню и сказать тамъ: „братъ Великаго князя приказалъ мнѣ дать поѣсть“.—„Меня тамъ отлично угостили“, добавилъ простодушно рассказчикъ, не подозрѣвая, что братъ Великаго князя былъ самъ русскій императоръ ²⁾).

¹⁾ Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе первое, стр. 604.

²⁾ Всѣ эти подробности см. въ первомъ изданіи мемуаровъ Шуазель-Гуфье, стр. 604.

Императоръ нашелъ себѣ, въ тяжеломъ и великомъ дѣлѣ христіанской любви, ревностнаго помощника въ лицѣ своего брата, цесаревича Константина. Великій князь Константинъ Павловичъ, столь мало напоминавшій по характеру своего царственнаго брата, человѣкъ въ высшей степени вспыльчивый и раздражительный, походилъ, однако-же, на него своимъ участіемъ къ судьбѣ несчастныхъ плѣнниковъ, томившихся въ виленскихъ госпиталяхъ. Возбуждаемый высокимъ примѣромъ самого императора, неустрашимый подобно ему, онъ неумоимо посѣщалъ госпитали, утѣшалъ солдатъ и раздавалъ имъ милостыню, а больныхъ офицеровъ помѣщалъ на отдѣльныхъ квартирахъ и даже въ покояхъ, занимаемыхъ имъ лично ¹⁾).

„Онъ самъ,—говоритъ французскій генераль Водонкуръ,— навѣщалъ страждущихъ, утѣшая ихъ привѣтливостью и ласкою. Онъ вынесъ на рукахъ изъ пылавшаго строенія одного изъ офицеровъ, между тѣмъ какъ камердинеръ его спасалъ другаго. Побуждаемый великодушнымъ влеченіемъ своего сердца, онъ не обращалъ вниманія на смертельную заразу и самъ подвергся ей. Многіе изъ французскихъ офицеровъ, вырванные его человѣколюбіемъ изъ челюстей смерти, ему обязаны жизнью: въ числѣ ихъ и я приношу ему долгъ справедливой признательности“ ²⁾).

Совершая великіе подвиги христіанской добродѣтели, императоръ Александръ хорошо сознавалъ, однако-же, что размѣры бѣдствія такъ велики, что недостаточно для его смятенія одного его личнаго участія, что необходимо принять болѣе общія и постоянныя мѣры для борьбы съ эпидеміею и спасенія несчастныхъ. Съ этою цѣлью императоръ возложилъ попеченіе о плѣнныхъ на одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ, графа Сенъ-Приеста. Сенъ-Приестъ, самъ фран-

---

¹⁾ См. Chambray, Histoire de l'expédition de Russie. Тамъ-же читаемъ: „Вскорѣ всѣ государи, войска которыхъ служили въ арміи Наполеона, начали присылать деньги для облегченія страданій столь необычайныхъ и столь мало заслуженныхъ. Одинъ Наполеонъ не прислалъ ничего“. Т. III, стр. 148.

²⁾ Vaudoncourt. Memoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812, стр. 324.

цузъ, эмигрантъ, оказался вполне достойнымъ исполнителемъ челоуѣколюбивыхъ желаній императора. Находчивый, энергическій, неутомимо дѣятельный, онъ отличался въ тоже время теплымъ челоуѣколюбіемъ. Благодаря его неусыпнымъ заботамъ, виленскіе госпитали начали пріобрѣтать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе благообразный видъ. Массы валявшихся повсюду труповъ были удалены изъ сосѣдства госпиталей и мало по-малу или погребены, или сожжены. Оказалось, что въ Вильнѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ валялось около 40,000 мертвыхъ тѣлъ. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ міазмовъ, распространяемыхъ трупами, вмѣстѣ съ водвореніемъ хотя нѣкоторой чистоты въ госпиталяхъ, начала уменьшаться и страшная смертность между плѣнными. Всѣмъ плѣннымъ, какъ больнымъ, такъ и здоровымъ, обезпечено было надлежащее содержаніе. Государь строго предписалъ, чтобы въ госпиталяхъ не дѣлали никакого различія между нашими и непріятельскими больными; онъ требовалъ, чтобы заботились обо всѣхъ съ одинаковымъ стараніемъ и любовью. Государь далъ понять, что онъ сумѣетъ оцѣнить и наградить смиренные подвиги христіанскаго челоуѣколюбія у одра больныхъ и страждущихъ воиновъ, столь-же щедро, какъ и дѣла воинской доблести на полѣ чести ¹⁾).

Государю казалось, по временамъ, что не смотря на всѣ старанія, онъ не успѣетъ найти себѣ на поприщѣ христіанской добродѣтели такихъ-же неутомимыхъ самоотверженныхъ сотрудниковъ, какъ на поляхъ брани. Особенно мало надеждъ возлагалъ онъ въ этомъ отношеніи на такъ называемое высшее общество. „Вы не можете себѣ представить“,—говорилъ онъ въ это время,—„какъ испорчено наше общество:

¹⁾ Сенъ-Пріестъ оправдалъ дѣйствительно довѣріе государя, но нельзя сказать того-же о другихъ французахъ, привлеченныхъ Александромъ къ дѣлу милосердія. „Эти презрѣнные, замѣчаетъ графиня Тизенгаузенъ, получившіе отъ императора значительныя суммы денегъ, пренебрегая его благороднымъ довѣріемъ и не заботясь о своихъ несчастныхъ соотечественникахъ, катались по улицамъ въ саняхъ, говоря кучерамъ, не понимавшимъ ихъ: „легче, любезный, не вывали меня; въ кафе Миланъ, или Венецію!“ Здѣсь они угощались на счетъ Его Величества и въ ущербъ несчастныхъ больныхъ“. Мемуары Шуазель-Гуфье, изд. второе, стр. 108.

не вѣрять въ дружбу, въ возможность безкорыстной привязанности“¹⁾. Главнѣйшею причиною такого нравственнаго паденія императоръ считалъ господствующую систему воспитанія. „Чему учится молодежь, какъ готовится она къ жизни“,— задавалъ онъ вопросъ. „Очень и очень не многому. Научившись танцовать и болтать по французски, молодые баричи воображаютъ, что научились уже всему“²⁾. Императоръ хорошо понималъ, что новѣйшіе педагоги, замѣнившіе высокое христіанское воспитаніе плоскою раціоналистическою моралью и старавшіеся облегчить до послѣдней степени возможности приемы обученія, отучили людей отъ всякаго самостоятельнаго труда и превратили ихъ въ бездушныя машины³⁾.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Мемуары Шуазель-Гуфье, первое изданіе, стр. 606. Во второмъ изданіи читаемъ: „Вы не можете повѣрить, до какой степени нравы мужчинъ развращены. Они не хотятъ вѣрить, что можно любить женщину для ней самой, женщину, которая вамъ ни жена, ни мать, ни сестра, ни... Онъ не захотѣлъ произнести слово любовница“. Стр. 118.

²⁾ Мемуары, изданіе первое, стр. 606.

³⁾ „Говоря о новѣйшей педагогикѣ, слишкомъ заботящейся облегчить трудъ при изученіи науки, онъ сказалъ о системѣ Песталоцци: „Желая упростить начальные приемы, онъ доводитъ молодежь до состоянія машины“. Мемуары Шуазель-Гуфье, 1-е изданіе, стр. 606. Во второмъ изданіи сказано: „говорилъ онъ также о философіи Вольтера и Руссо (онъ любилъ послѣдняго), о Шатобрианѣ и г-жѣ Сталь и прибавилъ, что они отказались отъ своихъ мыслей о самоубійствѣ; о Кантѣ и его непонятной философіи, о Песталоцци, объ алгебранческой системѣ Пуффендорфа, которая казалась ему слишкомъ машинальною и мѣшающею думать“. Стр. 116.

ЭНЦИКЛИКА ПАПЫ ЛЬВА XIII.

(Окончаніе *).

Энциклика папы Льва XIII отъ 1 ноября 1835 г. объ устройствѣ христіанскаго государства осталась почти незамѣченною какъ со стороны русскаго общества, такъ и со стороны русской прессы. Иное впечатлѣніе папская энциклика произвела на Западѣ. Католическое общество и католическая пресса, равно какъ и католическіе представители политическихъ партій, въ томъ числѣ и прусскаго центра во главѣ съ Виндгорстомъ, разумѣется, привѣтствовали появленіе папской энциклики, какъ событіе, которое должно произвести переворотъ и въ исторіи, и въ политической жизни католическихъ народовъ; католическая пресса называетъ ее прямо писаніемъ богодухновеннымъ, составленнымъ папою по внушенію Духа Святаго—*von hl. Geiste inspirirte Encyklica*, какъ выражается напр. д-ръ Люціусъ **). Впрочемъ, разсматривая указанія этой энциклики только на государственное устройство безъ отношенія къ папской власти, на святость и неприкосновенность власти народоправителей, на отношеніе къ ней подчиненныхъ народовъ, даже и свѣтская консервативная пресса *не враждебно* отнеслась къ этому „новому моральному директиву для правительствъ, исходящему отъ наивысшаго Законодателя всѣхъ князей и народовъ“, находя въ ней разъясненіе со стороны

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1836 г. № 7.

***) Salzburg. Kirchenbl., 1836, № 1260.

главы римско-католической церкви относительно того, „*чего* недостаетъ новѣйшимъ государствамъ и *что* для нихъ крайне необходимо“. Съ этой стороны, если вѣрять католической прессѣ, которая—къ слову сказать—весьма часто лжетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ *),—папская энциклика понравилась даже самимъ туркамъ. Такъ ливанскій генераль-губернаторъ, Васса-паша, будто-бы отозвался о папской энцикликѣ такимъ образомъ: „по богатству мыслей, формѣ и стилю, эта энциклика есть по истинѣ образцовое произведеніе. Ея идеи святы (?) и возвышены (?), а проникающій ихъ духъ подымается надъ идеями управляющихъ общественными дѣлами тѣмъ выше, чѣмъ выше поставлены цѣли, къ которымъ онъ стремится, чѣмъ острѣе логика доказательствъ и чѣмъ мягче и скромнѣе изложеніе выводовъ. Папа является либераломъ (!) болѣе священнымъ образомъ, чѣмъ виновники новѣйшаго государства и болѣе милосерднымъ, чѣмъ филантропы новѣйшей философіи“ **). Высказывалъ-ли что либо подобное какой-то турецкій паша, или же это обычная ложь католической прессы,—для насъ, разумѣется, все равно,—правды въ этомъ „отзывѣ“ нѣтъ ни сколько, но это показываетъ намъ, какъ высоко цѣнить папскую энциклику сама католическая пресса. Иное сужденіе высказываетъ заграничная *свѣтская* печать о папской энцикликѣ относительно притязаній Льва XIII на превосходство церковной власти предъ свѣтскою и на необходимость подчиненія ей послѣдней. Этотъ nepозволительный анахронизмъ былъ покрытъ не только цѣлымъ рядомъ насмѣшекъ, но даже и издѣвательствъ. И нечего удивляться этому явленію. Смѣшно даже было-бы, если-бы въ наше время, имѣя предъ своими глазами приговоръ папству, написанный безпристрастною рукою исторіи, *свѣтская* печать стала серьезно и съ достоинствомъ

*) Salzburg. Kirchenbl. въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ своихъ, напр., сообщаетъ изъ Россіи, какую нетерпимостію дышетъ русское правительство къ иновѣрцамъ и иностранцамъ: *католикамъ и протестантамъ* оно запретило употребленіе вѣнковъ при погребеніяхъ умершихъ, всѣхъ „не натурализованныхъ“ вѣмцевъ изгнало изъ предѣловъ своего государства, многихъ польскихъ католическихъ патеровъ сослало въ Сибирь за преподаваніе таинства причащенія и т. п.

***) Salzburg. Kirchenbl., 1886, стр. 92.

опровергать доводы энциклики о превосходствѣ папской власти и о подчиненіи ей власти свѣтскихъ государей. Серьезно вопросъ этотъ уже рѣшенъ и рѣшенъ безповоротно. По нашему мнѣнію, достаточно уже и того, что болѣе благоразумные представители свѣтской не католической прессы не обратили на папскую энциклику *никакого* вниманія. Мы также взялись за перо не потому, что находимъ нужнымъ опровергать собственно папскіе доводы о превосходствѣ папской власти и о подчиненіи папѣ германскаго императора, но лишь потому, что въ своей энцикликѣ папа постоянно отождествляетъ интересы своего властолюбія съ интересами *христіанской Церкви*, свои софизмы съ *ученіемъ Христовымъ*; при этомъ къ своимъ насильственно сдѣланнымъ выводамъ папа по мѣстамъ подводитъ своихъ читателей такъ хитро и такъ тонко, что для нѣкоторыхъ, пожалуй, и нетрудно принять эту поддѣлку за чистую монету. Поэтому мы поставили своею цѣлію показать, что властолюбивыя притязанія папы не только не имѣютъ для себя никакого основанія въ ученіи Христовомъ, но и совершенно противорѣчатъ ему, а слѣдовательно противорѣчатъ и духу истинной вселенской апостольской православной Церкви.

Заслуживаетъ вниманія тотъ сдержанный тонъ, съ которымъ разсуждаетъ о папской энцикликѣ самая враждебная папству нѣмецкая газета—„*Neue Freie Presse*“,—которая, по своимъ нападкамъ на папъ, не уступаетъ даже и самому „*Kladderadatsch*’у“. „Предъ нами, говоритъ газета, лежитъ манифестъ святаго отца, возобновляющій притязанія римской церкви на высшую власть надъ государствами и въ тоже время всячески призывающій католиковъ къ политической дѣятельности. Не въ запальчивыхъ выраженіяхъ, напротивъ, въ спокойномъ, пастырскомъ тонѣ раздается этотъ зовъ къ борьбѣ намѣстника Христова, соотвѣтствующій вполнѣ характеру Льва XIII. Его прежнее дипломатическое поприще приучило его къ извѣстной сдержанности, къ приличному тону, который съ такою выгодною отличается отъ сказанныхъ и писанныхъ громовыхъ раскатовъ наивнаго Ріо Норо (Пія Девятаго); этого же тона придерживается и новѣйшее объявленіе, иллюстрація начала: „*Fortiter in re, suaviter in modo*“, которое, по видимому, и

есть девизъ папы. Такимъ тактомъ, какъ свидѣтельствуется исторія послѣднихъ лѣтъ, Левъ пріобрѣлъ для интересовъ церкви болѣе, чѣмъ его предшественники въ этомъ столѣтіи. Всѣ его дѣйствія указываютъ въ немъ политика, самостоятельнаго мыслителя. Изъ этой энциклики, которая болѣе похожа на дипломатическую ноту, чѣмъ на энциклику, мы также познаемъ образъ автора. Кажется, какъ будто видишь предъ собою блѣдное, сухощавое и безкровное лицо папы, съ пронизывающими глазами, широкимъ лбомъ надъ орлинымъ носомъ и заискивающею улыбкою, съ видомъ смиренія, въ то самое время, какъ бѣлая, сухощавая рука пишетъ въ нѣжныхъ выраженіяхъ— „Sint ut sunt, aut non sint“,—и пишущій, на основаніи тысячелѣтняго господства папъ надъ умами, высказываетъ свои притязанія на міровое господство. Левъ XIII не герой, какъ Григорій и Иннокентій, но онъ наслѣдникъ ихъ традицій и весьма достойный ихъ преемникъ по своимъ успѣхамъ“.

Нѣмецкая газета вѣрно поняла поведеніе папы Льва XIII. Что папа съ католической точки зрѣнія долженъ вести борьбу,—это, разумѣется, понятно само собою; къ этому обязываетъ *каждаго* папу самая исторія папства. Ни одинъ папа, кто-бы и какой-бы онъ ни былъ, даже не можетъ не вести борьбы съ свѣтскою властію, не можетъ не сталкиваться съ нею,—этого требуетъ само католичество, безъ этого папа пересталъ-бы быть папою. Измѣняется и долженъ измѣняться лишь одинъ характеръ этой борьбы, всецѣло зависящій отъ условій, въ которыя поставленъ папа, и отъ личныхъ особенностей самого папы, но цѣль борьбы, направленіе ея всегда остаются однѣ и тѣже. Въ настоящее время вовсе не таково положеніе самого папы, чтобы онъ былъ „героемъ“ въ родѣ Григорія или Иннокентія, и Левъ XIII не похожъ на Пія IX, чтобы продолжать несдержанную и безтактную политику своего предшественника. Онъ ясно понялъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, онъ можетъ достигнуть чего-либо лишь тогда, когда дѣйствительно онъ будетъ поступать *fortiter in re, suaviter in modo*. Такъ Левъ и дѣлаетъ. Но было-бы слишкомъ легкомысленно дѣятельность папы въ этомъ отношеніи ограничивать лишь одною его эн-

цикликою отъ 1 ноября прошлаго года. Каждый шагъ, каждое дѣйствіе папы, каждая рѣчь его, каждое его посланіе, проникнуто одною и тою-же мыслию, одною и тою-же идеею. Борьба ведется тамъ, гдѣ ее, повидимому, и подозрѣвать нельзя, и, нужно сказать, ведется умно, тонко, хитро, систематично, ведется не такъ гордо и заносчиво, какъ при Григоріи или Иннокентіи, но едва-ли слабѣе и менѣе твердо, чѣмъ и при этихъ корифеяхъ папства. Проповѣдь, школа, засѣданія папской консисторіи, празднества и юбилеи, частныя письма и окружныя посланія, пресса и парламенты, частная жизнь папы, научныя занятія и дѣла христіанскаго милосердія, пилигримства и папскія аудіенціи, даже самое стѣсненное положеніе папы,—все это обращено въ орудіе борьбы, все это направлено къ одной общей цѣли,—при чемъ прикрито такимъ непроницаемымъ покрываломъ мнимо-христіанскаго смиренія, преданности, любви, состраданія и самоотреченія, что истинное положеніе дѣлъ доступно далеко не всякому.

Правда, если вѣрять католической прессѣ, положеніе папы въ Римѣ весьма тяжело; католическая пресса нерѣдко сообщаетъ о такихъ явленіяхъ, которыя могутъ возмутить не католиковъ только, но и иновѣрцевъ, и которыя возмущаютъ даже самихъ протестантовъ. Но и своимъ стѣсненнымъ положеніемъ папа Левъ XIII—повторяемъ—умѣетъ пользоваться, какъ орудіемъ для достиженія своей цѣли, для возвышенія своего авторитета въ глазахъ католическаго міра. Чтобы понять это, намъ необходимо остановиться нѣсколько на томъ, какимъ представляется въ настоящее время положеніе главы римско-католической церкви, по сообщеніямъ католической прессы,—при этомъ мы будемъ имѣть въ виду не болѣе, какъ лишь прессу прошлаго и текущаго года.

Еще въ 1881 году папа Левъ XIII въ своей рѣчи къ кардиналу di-Pietro говорилъ: „Верховный понтифексъ не можетъ принять положенія, которое-бы поставляло его въ зависимость отъ благоусмотрѣнія иностранной державы“,—и затѣмъ прибавилъ: „я не могу оставить этого дворца въ своемъ епископскомъ городѣ, не навлекая на себя неслыханныхъ упрековъ за высшую должность. *Я плѣнникъ въ Ватиканѣ, не плѣнникъ*

въ обыкновенномъ смыслѣ, но плѣнникъ по обязанности, потому, что я долженъ уважать достоинство верховнаго главы церкви. А между тѣмъ верховный глава церкви долженъ быть совершенно свободенъ; онъ долженъ пользоваться этою абсолютною свободою потому, что на немъ лежитъ отвѣтственность не только за церковь, но за весь католическій міръ, за католическія народности, государства, которыя имѣютъ католическихъ подданныхъ. Это признавало и само итальянское правительство. Его король, его министры, какъ сообщалъ, 7 сентября 1870 года, державамъ графъ Висконти-Веноста, торжественно приняли на себя отвѣтственность за охрану святаго престола. 8 сентября король писалъ папѣ: верховный глава церкви на берегу Тибра долженъ пользоваться славною и ни отъ какого человѣческаго самодержавія независимою резиденцію. Это письмо было опубликовано въ „Gazzetta Ufficiale“ 20 сентября того же года и—въ тотъ же самый день генералъ Кадорна началъ бомбардировать святой городъ!“ Съ тѣхъ поръ, говорятъ католическія газеты, итальянское правительство совершаетъ „преступленіе за преступленіемъ въ отношеніи къ каедрѣ Петра“. Безпрепятственно могутъ совершать въ Римѣ процессіи и всевозможныя неистовства различныя секты, безпрепятственно расхаживаютъ по улицамъ Рима „банды республиканцевъ“ (!), безпрепятственно развѣваются на римскихъ улицахъ масонскія знамена, только одинъ папа и католики будто-бы стѣснены въ свободномъ отправленіи религіозныхъ церемоній. При заложеніи памятника узурпатору (т. е. Виктору Эмануилу) итальянскій министръ-президентъ навесъ, по словамъ католическихъ газетъ, „неслыханныя оскорбленія какъ папѣ Льву XIII, такъ и папству вообще“. Закладка памятника Виктору Эмануилу была совершена 22 марта прошлаго года въ присутствіи двора, представителей итальянскаго правительства и дипломатическаго корпуса. Министръ-президентъ Депретисъ по этому случаю произнесъ рѣчь, которая среди католическаго духовенства произвела цѣлую бурю. Его слова были приняты за открытое объявленіе войны Ватикану и католической церкви. Онъ объявилъ Римъ городомъ итальянскихъ королей и столицей Италіи, при чемъ напомнилъ слова Викто-

ра Эмануила: „мы здѣсь, и здѣсь останемся“. Эта рѣчь была отвѣтомъ двора и правительства на аллокуцію папы къ кардинальской коллегіи о незаконности перехода Рима въ руки итальянскаго правительства и о притѣсненіяхъ Ватикана. Предъ самымъ праздникомъ Пасхи въ прошломъ году римскій городской префектъ, подъ угрозою строжайшаго наказанія, воспретилъ католикамъ совершать по римскимъ улицамъ свои церковныя процессіи. Какъ-же отнесся папа къ этому притѣсненію? Въ высшей степени умно, хитро, тонко и тактично: съ его стороны не послѣдовало непосредственно ни прямаго и рѣзкаго протеста, ни упрека, ни сожалѣнія: все, повидимому, было перенесено съ христіанскимъ смиреніемъ, кротостію и безъотвѣтною покорностію. Только одинъ кардиналъ-викарій и то не отъ папы, а непосредственно отъ себя, и не ко всему католическому міру, а лишь къ священникамъ Рима и его окрестностей издалъ посланіе *), перепечатанное, конечно, во всѣхъ католическихъ газетахъ, о томъ, что итальянское правительство не исполняетъ своихъ обѣщаній относительно религіи и ея видимаго главы на землѣ, что оно попираетъ всѣ божескіе и человѣческіе законы, что оно отняло „у клира свободу въ литургической формѣ приводить къ больнымъ божественнаго Искупителя“, ради сохраненія какого-то общественнаго порядка, что это должно возмутить всѣхъ католиковъ, которыхъ какъ тѣло нельзя отдѣлять отъ головы церкви, что къ религіознымъ церемоніямъ христіанъ съ уваженіемъ относятся даже турки, что католики въ этомъ случаѣ съ полнымъ правомъ могли-бы и не повиноваться своему правительству, какъ апостолы не повиновались нѣкогда членамъ синедріона (Дѣян. V, 20), но что это не желательно лишь ради того, дабы избѣжать спора, который можетъ окончиться ко вреду невинныхъ и можетъ повлечь оскорбленія противъ нашего Господа Иисуса Христа во всесвятѣйшемъ таинствѣ“. Свое посланіе кардиналъ-викарій закончилъ однако-же увѣренностію, что „возраждающійся духъ благочестія и соединенныя молитвы клира и народа все ближе и ближе придвигаютъ тотъ часъ,

*) 15 апрѣля 1885 года (по новому стилю).

когда нашъ Господь Иисусъ Христосъ пройдетъ по улицамъ Рима снова, какъ владыка, а не какъ плѣнникъ“.

Что положеніе папы въ Римѣ дѣйствительно крайне стѣснительно, объ этомъ впрочемъ говорятъ не одни только католики, но и протестанты. Мрачными красками, напр., описываетъ положеніе папы протестантъ Максъ Ульрихъ фонъ-Бозъ въ своихъ „Римскихъ воспоминаніяхъ“, помѣщенныхъ имъ въ прошломъ году на страницахъ— „Germania“. Этотъ протестантъ побывалъ въ Римѣ и вынесъ оттуда самое тяжелое впечатлѣніе. „Рима нашихъ отцевъ, говоритъ онъ, церковнаго города всякаго образованнаго человѣка, всякаго христіанина, болѣе не существуетъ... Папа въ своей резиденціи, въ своемъ дворцѣ, изъ котораго его предшественники въ теченіи столѣтій управляли міромъ, теиерь плѣнникъ, хотя и не въ смыслѣ „Кладдерадача“—на хлѣбъ и водѣ. Онъ не можетъ осмѣлиться оставить своего дворца, не подвергая опасности своей жизни, не можетъ показаться у окна, если не желаетъ подвергать себя оскорбленіямъ со стороны раздраженнаго народа... Послѣ состоявшагося избранія Левъ XIII уже не могъ, какъ это водилось въ старину, съ балкона Св. Петра преподать своего благословенія *urbi et orbi!*“ Папа нигдѣ не находитъ для себя никакой защиты, закона, покровительства. Демократическіе листки, какъ и правительственные журналы, осыпаютъ безнаказанно насмѣшками и издѣвательствами какъ личность, такъ и дѣйствія папы, научая народъ видѣть въ папѣ и церкви самыхъ заклятыхъ враговъ своего объединенія. Правительство отняло многія церкви и монастыри, изъ которыхъ иные оно обратило въ казенныя зданія, другія совершенно разрушило подъ видомъ расчищенія города, устройства памятника Виктору Эмануилу и т. п. Даже престолы въ церквахъ помѣшали итальянскому правительству и одинъ изъ нихъ самовольно перенесенъ въ музей рѣдкостей. Монастырскія книги и драгоцѣнныя манускрипты вагонами перевозятся во вновь основанную *Bibliotheca Vittorio Emanuele*, при чемъ, говорятъ, многіе экземпляры пропали безъ вѣсти. Наконецъ дошло дѣло и до римскихъ катакомбъ. Катакомбы имѣютъ весьма важное значеніе и для религіознаго чувства, какъ могилы первохри-

стіанскихъ мучениковъ, и для церковной науки и искусства (живопись, надписи, символика), и даже наконецъ для исторіи гражданской. И эти христіанскіе драгоцѣнныя памятники, съ разрѣшенія итальянскаго правительства, нынѣ разрушаются, на нѣкоторыхъ изъ нихъ производятся различныя загородныя строенія, въ другія проведены каналы для стока городскихъ нечистотъ, а между тѣмъ съ какимъ вниманіемъ тоже самое правительство охраняетъ различные памятники Рима языческаго, которые находятся въ какомъ-нибудь отношеніи къ именамъ Цезаря, Нерона или другаго какого-нибудь древняго героя! „Всѣ протесты ученыхъ, говоритъ Salzburger Kirchenblatt (1885, № 43), идутъ мимо ушей и потому ничего не остается иного, какъ предъ всѣмъ образованнымъ міромъ объявить варварами либеральныхъ повелителей новѣйшей Италіи, которые хуже, чѣмъ орды переселенія народовъ и фанатическія толпы Магомета“.

Такимъ-же характеромъ враждебности къ папѣ и католичеству отличается какъ общественная жизнь римлянъ, такъ и общественныя увеселенія, которыя уже прямо нужно назвать профанаціями и религіи и нравственности. Для этого достаточно только перечислить названіе тѣхъ театральныхъ пьесъ, которыя чаще всего ставятся на римской сценѣ и приводятъ римлянъ иногда въ неописанный восторгъ. Вотъ эти пьесы— „Краковская монахиня“, „Мушкетеры въ монастырѣ“ (женскомъ), „Сикстъ V“, „Ужасы инквизиціи“, а недавно на сценѣ театра *святаго города* была поставлена и „Марія Магдалина“. Но мало оказалось и этого: нужно было вывести на театральныя подмостки еще и великаго апостола языковъ—Павла. И дѣйствительно явилась театральная пьеса подъ заглавіемъ— „Павелъ“, а чтобы здѣсь не произошло недоразумѣнія, чтобы этого Павла не смѣшали съ какимъ-нибудь другимъ лицомъ, при второмъ представленіи заглавіе пьесы было обозначено въ афишахъ еще точнѣе— „Святый Павелъ“. Образъ великаго апостола искаженъ, говорятъ, въ этой пьесѣ до неузнаваемости и совершенно противорѣчитъ повѣствованію книги дѣяній апостольскихъ; тѣмъ не менѣе итальянская печать признала эту скандальную пьесу почти образцовымъ произведеніемъ поэтическаго творчества.

Но бѣда не приходитъ одна. Тоже нужно сказать и о положеніи римскаго папы. Помимо внѣшнихъ стѣсненій, въ самой католической церкви явились неурядицы и секты, носящія характеръ протестовъ противъ деспотизма папской власти и церковнаго главенства папы. Мы не будемъ говорить о старо-католикахъ, которые также вышли изъ отрицанія папской власти и главенства, но, распространившись главнымъ образомъ среди германскихъ народностей, не могли удержаться на собственной почвѣ и почти слились уже съ протестантами, хотя все-таки и число собственно старо-католиковъ еще весьма значительно въ настоящее время даже по указанію католическихъ газетъ *); не будемъ говорить и объ отпаденіи въ прошломъ году нѣкоторыхъ священниковъ во Франціи, отторгнувшихъ отъ католической церкви болѣе двухъ тысячъ французовъ. Но мы не можемъ не обратить вниманія на католическія секты, явившіяся въ Италіи среди самой римско-католической церкви. Мы говоримъ о такъ называемой „итальянской католической церкви“, появленіе которой сильно взволновало папу и было предметомъ обсужденія въ нѣсколькихъ прошлогоднихъ засѣданіяхъ кардинальской коллегіи. Основателемъ этой церкви самъ папа (въ своей аллокуціи отъ 7-го января 1885 г.) считаетъ прелата—*Savarese*. По своему происхожденію, прелатъ Savarese—неаполитанецъ и человѣкъ еще не старій; ему не болѣе 50 лѣтъ отъ роду. Обладая прекрасными отъ природы способностями и получивъ серьезное образованіе, онъ уже рано зарекомендовалъ себя на ученомъ поприщѣ своими учеными трудами. Между прочимъ ему принадлежитъ трудъ: „Демократія, церковь и идея христіанства въ политикѣ“,—обратившій на себя вниманіе образованнаго міра. По его убѣжденію, римско-католическая церковь уклонилась отъ истинной вселенской Христовой Церкви исключительно вслѣдствіе честолюбія и властолюбія римскихъ первосвященниковъ. Церковь безъ папы—вотъ истинная церковь, по ученію новаго католи-

---

*) А именно въ Пруссіи—6336, въ Баденѣ—4144, въ Баваріи—1525, въ Рейнпфальцѣ—742, въ Гессенѣ—261, въ Бургенфельдѣ—82, а всего 13190; по это число, кажется, должно быть еще увеличено въ довольно значительной мѣрѣ.

ческаго реформатора; другія незначительныя отступленія католичества отъ вселенскаго принципа, вмѣстѣ съ главенствомъ и деспотизмомъ римскихъ папъ, отпадутъ сами собою. Только папство, а не церковь Христова, могло вступать въ борьбу съ свѣтскою властію; повиноваться властямъ Христосъ вмѣнилъ въ обязанность каждому своему послѣдователю, каждому христіанину, а тѣмъ болѣе епископу, который долженъ быть образцомъ для мірянъ. Таковую-же заповѣдь оставили намъ апостолы даже и въ отношеніи къ государямъ, исповѣдующимъ не христіанскую религію. Нынѣшнее итальянское правительство есть правительство совершенно законное, установленное волею Божіею, а потому ему слѣдуетъ повиноваться, какъ самому Богу. Вотъ главные пункты ученія прелата Savarese. Не переставая именоваться прелатомъ, monsignore Savarese все время продолжаетъ совершать мессы въ Via Nazionale, но уже не на латинскомъ, а на итальянскомъ языкѣ; его воодушевленные проповѣди, произносимыя также на итальянскомъ, простымъ и понятнымъ для народа языкѣ, приводятъ въ восторгъ цѣлыя массы народа. Кромѣ того, онъ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ бывшаго каноника церкви св. Петра *Campello*. На отлученіе отъ церкви, произнесенное папою, католическій реформаторъ отвѣтилъ дерзкимъ и самоувѣреннымъ печатнымъ письмомъ. По заявленію самого папы, отъ римско-католической церкви отпали уже многіе священники какъ Рима, такъ и его окрестностей. Народъ отпадаетъ массами. Правительство оказываетъ этой новой „итальянской католической“ или „свободной“ церкви свою полную поддержку и защиту и даже недалеко отъ той мысли, чтобы объявить ее церковію государственною, тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ папа не увѣдомлялъ итальянскаго правительства оффиціально о своемъ избраніи и восшествіи на папскій престолъ.

Но не одно только итальянское правительство враждебно относится къ папѣ. Тоже самое нужно сказать и о другихъ европейскихъ государствахъ. Отношенія къ Германіи нѣсколько стали улучшаться лишь въ послѣднее время, но чѣмъ кончится дѣло, — предвидѣть мудрено. На симпатіи Бисмарка, вступившаго въ сношенія съ Римомъ и въ то же время относяща-

гося сурово къ столь любезнымъ Риму полякамъ, смотрятъ недовѣрчиво и сами католики. Не смотря на полученіе ордена Христа, говоритъ Salzburger Kirchenblatt, Бисмаркъ останется Бисмаркомъ до самой своей смерти“ (1886, № 2). Въ февралѣ настоящаго года Бисмаркъ внесъ законопроектъ о нѣкоторыхъ привилегіяхъ для католическаго духовенства — освобожденіе отъ научнаго государственнаго испытанія, дозволеніе учреждать гимназіи и университеты богословскаго характера и т. п. И вышеприведенный листокъ (№ 8) говоритъ: „послѣ этого приходится лишь развести руками! Миръ съ Римомъ и война съ поляками“, — какъ допустить это? „Миръ съ церковію и варварство противъ бѣдныхъ и безпомощныхъ“, — какъ гармонируетъ это одно съ другимъ? Открыто сказать, мы боимся да найцевъ, когда они въ рукахъ несутъ подарки. Ибо эти подарки прійдется купить слишкомъ дорогою цѣною... Бисмаркъ ничего никогда не дастъ, если оны *большаго* не надѣется получить назадъ... „Поджидать“ — вотъ наилучшій рецептъ, чтобы охранить себя отъ обмана.

Гораздо хуже относится къ папѣ французская республика, враждебно настроенная ко всякой религіи вообще и изгнавшая изъ своихъ школъ не только священные предметы — иконы и распятія, — но даже и сочиненія Вольтера, такъ какъ въ нихъ встрѣчается имя Божіе. Насколько Франція враждебно относится къ Риму, показываетъ уже одно то, что для католическихъ богословскихъ факультетовъ кредитъ въ прошломъ году былъ отвергнутъ единогласно, а для протестантскихъ принять безъ возраженій. Даже въ Австріи и Испаніи стали все больше и больше раздаваться враждебные папству голоса; а переходы католиковъ въ протестантство цѣлыми сотнями лицъ стало явленіемъ почти не выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ вещей; въ теченіи 1884 года, по указателю вѣнскаго магистрата, отпало отъ католической церкви и перешло въ протестантство 349 человекъ.

Не перестаетъ относиться враждебно къ Ватикану и его плѣннику также и западно-европейская пресса. Австрійскій сатирическій листокъ — „Floh“, подражая берлинскому — „Kladde-radatsch“ — доходилъ въ прошломъ году до площаднаго издѣватель-

ства надъ „святымъ отцомъ“. То же явленіе сплошь и рядомъ повторяется во многихъ газетахъ, издающихся въ Парижѣ, Мадридѣ и Миланѣ. Нападки „Neue Freie Presse“ вызвали даже со стороны Ватикана сильное и энергическое опроверженіе. „Кладдерадачъ“ не выпускаетъ, кажется, ни одного номера, въ которомъ-бы среди каррикатуръ не являлся папа Левъ XIII. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ литературныя нападенія на римскую церковь со стороны творца „философіи безсознательнаго“—Эдуарда Гартмана. Въ газетѣ „Gegenwart“ (1885, № 2) онъ помѣстилъ свою статью, направленную всецѣло противъ католической церкви. Въ этой статьѣ Гартманъ называетъ католическую церковь „непримиримымъ и вѣчнымъ врагомъ Германіи, съ которымъ вѣмецкій патріотъ не долженъ вступать ни въ какое сношеніе, съ которымъ, напротивъ, нужно вести борьбу до послѣдняго напряженія національныхъ силъ, дабы довести его до совершеннаго уничтоженія“. При этомъ Гартманъ предъявляетъ къ правительству требованіе „особенной и неуспной заботливости о томъ, чтобы не только на высшія государственныя должности, но на всѣ, даже самыя низшія до послѣдняго жандарма и канцелярскаго служителя были назначаемы только такіе люди, которые-бы не были опутаны, хотя-бы и въ самой незначительной степени, сѣтью католическаго вліянія, потому что въ противномъ случаѣ всѣ законы, направленные противъ поляковъ и католичества, будутъ исполнены только на половину, если не останутся полной комедіей“.

Понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, Льву XIII нельзя показывать себя героемъ въ родѣ Григорія или Иннокентія; онъ избираетъ совершенно иной путь; онъ раскидываетъ свою сѣть на самое широкое пространство, но тащитъ ее тихо, почти незамѣтно даже и для тѣхъ, которые въ нее запутались, однимъ словомъ—дѣйствуетъ *fortiter in re, suaviter in modo*. Онъ хорошо понимаетъ, что для поднятія авторитета римско-католическаго папы необходимы прежде всего личныя достоинства, по крайней мѣрѣ для произведенія перваго впечатлѣнія. И вотъ почти со дня своего избранія Левъ XIII силится стать въ глазахъ католическаго міра, какъ говорятъ, на высоту своего при-

званія. Посредникомъ является, конечно, католическая пресса, въ каждомъ номерѣ своемъ превозносящая и восхваляющая личныя достоинства „намѣстника Христова“. Идеализируется даже самый образъ жизни папы. Вотъ онъ передъ нами: большую часть дня папа, разумѣется, посвящаетъ своимъ „апостольскимъ“ занятіямъ. Около 6-ти часовъ онъ обыкновенно уже встаетъ и послѣ часовой молитвы въ своей частной молельнѣ, при помощи своихъ капеллановъ совершаетъ мессу; передъ этимъ онъ усердно молится „за III орденъ св. Франциска“ (часть зданій котораго въ Римѣ уже снята итальянскимъ правительствомъ для постановки памятника „узурпатору“), и этимъ показываетъ на дѣлѣ, какъ судьба ордена близка его сердцу“. Послѣ благодарственныхъ молитвъ, которыя капелланъ совершаетъ во время мессы, папѣ подается небольшой завтракъ, состоящій изъ чашки кофе съ молокомъ. Послѣ завтрака святой отецъ занимается сначала немногими важными дѣлами, а приблизительно около девяти часовъ начинаетъ работать вмѣстѣ съ своимъ государственнымъ секретаремъ, кардиналомъ Якобини. Эти работы продолжаются смотря по количеству дѣлъ и ихъ важности. По окончаніи этихъ работъ, папа приказываетъ позвать къ себѣ префектовъ различныхъ конгрегацій, которые увѣдомляютъ его о положеніи своихъ текущихъ дѣлъ,—послѣ чего онъ уходитъ на нѣкоторое время для молитвы. Затѣмъ онъ снова возвращается въ свой рабочій кабинетъ и принимаетъ аудіенціи. Послѣ аудіенцій святой отецъ отправляется на нѣкоторое время въ садъ и совершаетъ небольшую прогулку. Во время прогулки онъ молится, или же приказываетъ прочесть ему что-либо изъ какой-нибудь духовной книги. Около двухъ часовъ святой отецъ обѣдаетъ. Его обѣдъ состоитъ изъ легкаго супа и мяса съ овощами; вмѣсто пирожнаго этотъ скромный столъ оканчивается фруктами. Послѣ обѣда папа снова возвращается въ свои покои и послѣ краткаго отдыха опять принимается за свои работы. Въ пять часовъ его святѣйшеству обыкновенно подается его карета и онъ ѣдетъ гулять по ватиканскимъ садамъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ монсиньеровъ и знатныхъ гвардейцевъ. Все время этой прогулки папа проводитъ частію въ молитвѣ, частію—въ со-

бесѣдованіи. Въ 8 часовъ его святѣйшество молится за дневное время, а затѣмъ предается внутренней молитвѣ. Ужинъ, за который папа садится въ 9^{1/2} часовъ, состоитъ изъ мяснаго бульона и мяса, или овощей, или фруктовъ. Въ 10 часовъ папа отправляется въ свою комнату и работаетъ тамъ еще долго, пока не одолѣваетъ его сонъ. Рѣдко онъ ложится въ постель раньше 12 часовъ, напротивъ гораздо чаще случается, что его застаютъ за работой утренняя заря. Нерѣдко въ ранніе утренніе часы св. отца находили спящимъ на стулѣ съ головою, склоненною на рабочій столъ. Обыкновенный сонъ его продолжается только 5 часовъ. Покои, которые обыкновенно занимаетъ св. отецъ, находятся въ второмъ этажѣ Ватикана, откуда открывается прекрасный видъ на большую площадь св. Петра. Представленный здѣсь образъ жизни папы несомнѣнно прикрашенъ въ значительной степени, но на католиковъ онъ конечно произведетъ впечатлѣніе весьма выгодное для папы и не одинъ изъ нихъ скажетъ вмѣстѣ съ римскимъ корреспондентомъ Зальцбургскаго церковнаго листка: „сохрани, Боже, нашего любезнаго святаго отца еще на многія лѣта!“

Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ важное значеніе приписываютъ научнымъ занятіямъ, просвѣщенію, образованію, прогрессу, цивилизаціи. Папству дѣлаютъ упрекъ, что оно покровительствовало невѣжеству, препятствовало развитію цивилизаціи, боролось съ просвѣщеніемъ. И вотъ Левъ XIII, при содѣйствіи католической прессы, стремится отклонить отъ себя такой упрекъ въ глазахъ католическаго міра. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе его посланіе къ кардиналь-викарію Рагосси отъ 20-го мая прошлаго года, перепечатанное, разумѣется, во всѣхъ католическихъ газетахъ западной Европы. Въ этомъ посланіи папа напоминаетъ своему викарію прежде всего о своемъ постоянномъ, „напряженнѣйшемъ и ревностнѣйшемъ“ содѣйствіи къ распространенію образованія и научныхъ занятій какъ среди католическаго міра вообще, такъ и среди католическаго клира въ частности. Онъ требуетъ въ особенности „серьезнаго изученія: 1) философіи и 2) богословія на древнемъ основаніи, созданномъ святымъ Томою Аквинатомъ“. Затѣмъ онъ указываетъ на значеніе и плоды, которые получа-

ются отъ изученія свободныхъ наукъ, — что повималъ прекрасно еще Юліанъ богоотступникъ, когда запретилъ христіанамъ научныя занятія и тѣмъ хотѣлъ побѣдить самое христіанство. Потомъ папа указываетъ на важное значеніе изученія отечественнаго языка и языковъ древнихъ — греческаго и латинскаго. Наконецъ, онъ перечисляетъ папъ, много потрудившихся на пользу просвѣщенія, это — Дамась, Левъ Великій, Григорій Великій, Захарія, Сильверстъ II, Григорій IX, Евгений IV, Николай V, Левъ X. „И въ длинномъ рядѣ папъ едва-ли найдется одинъ, которому науки, говоритъ папа, не были-бы обязаны слишкомъ многимъ“. Это посланіе дало поводъ католическимъ газетамъ къ новому восхваленію, къ новому прославленію святаго отца, какъ двигателя просвѣщенія и прогресса. Вотъ что пишетъ по этому поводу, на примѣръ, „Germania“: „Опять новый моментъ удивленія, которымъ платитъ католическій міръ святому отцу Льву XIII. Въ семь лѣтъ своего первосвященства сколько этотъ великій папа сдѣлалъ для церкви, и сколько для науки! Каждый день — свидѣтель осмотрительности, силы и энергіи, съ которою нашъ святой отецъ управляетъ кораблемъ Петра по бурнымъ волнамъ времени; но велики заслуги Льва XIII и для науки. Въ области соціальной политики святой отецъ показалъ, съ какимъ глубокимъ разумѣніемъ онъ понимаетъ потребности нашего времени; его энциклика *о соціальныхъ вопросахъ* для важдаго соціалъ-политика есть истинный родникъ, изъ котораго всегда можно черпать новыя мысли, могущія содѣйствовать къ разрѣшенію этой важной проблемы настоящаго времени. Затѣмъ послѣдовало величавое окружное посланіе *о философіи святаго Томы Аквината*. Въ немъ святой отецъ изученіе философіи и богословія свелъ къ древнему, святымъ Томою Аквинатомъ созданному основанію и развилъ систему единственно выгодную для этихъ наукъ съ такимъ знаніемъ дѣла, столь образцово и доказательно, что днемъ опубликованія этой энциклики начинается *новая эпоха* для преуспѣянія философскихъ и богословскихъ наукъ“... Такъ восхваляетъ своего папу, католическая пресса. Со стороны можно только улыбаться, читая это „похвальное слово“. Папа создалъ *новую эпоху* въ развитіи фило-

софской науки, когда напомнилъ про Тому Аквината; какъ будто-бы раньше папы никто о немъ ничего и не зналъ! Папа въ христіанскомъ мірѣ создаетъ *новую* эпоху развѣ только тѣмъ, что въ своей энцикликѣ ставитъ философію выше богословія. . Этого дѣйствительно до сихъ поръ христіанскіе епископы еще не проповѣдывали; это дѣло *новое*... Тѣмъ не менѣе въ католическомъ мірѣ какъ папская энциклика, такъ и газетныя „восхваленія“, особенно на лицѣ мало знакомыхъ съ философіею и ея исторіею, всегда могутъ произвести только выгодное впечатлѣніе.

Между тѣмъ папа продолжаетъ идти своимъ путемъ и дѣйствуетъ по одному и тому-же девизу— „fortiter in re, suaviter in modo. Онъ не перестаетъ быть покровителемъ наукъ, двигателемъ просвѣщенія. Одинъ миланскій священникъ—Luigi Agosio издалъ въ свѣтъ свое сочиненіе—„Евангеліе или жизнь Іисуса Христа, рассказанная по четыремъ евангеліямъ съ догматическими и нравоучительными объясненіями“. Папа не пропустилъ безъ вниманія этого сочиненія и отправляетъ къ простому миланскому священнику собственноручное посланіе слѣдующаго содержанія: „Любезный сынъ! Привѣтствіе (тебѣ) и апостольское благословеніе! Жизнь Іисуса Христа по евангелію, которую въ послѣднемъ году ты издалъ и снабдилъ примѣчаніями, вмѣстѣ съ тѣмъ есть дѣйствительное доказательство и плодъ занятія, которое ты посвятилъ на изученіе Священнаго Писанія. Мы радуемся, что ты посвятилъ себя этому занятію, которому прежде всего и съ наибольшею ревностію должны посвящать себя священники; нынѣ Мы увѣщаемъ тебя пребывать въ немъ и вѣровать, что трудъ твой принесетъ много пользы. Нѣтъ ничего пріятнѣе для изученія, нѣтъ ничего благотворнѣе для благочестивой жизни, какъ этотъ примѣръ, который намъ оставилъ Іисусъ Христосъ, дабы мы послѣдовали стопамъ Его. Чѣмъ болѣе ты трудишься, какъ писатель, руководить людей къ этой достойной цѣли, тѣмъ радостнѣе ты можешь быть увѣреннымъ, что ты дѣлаешь истинно-полезное дѣло. Какъ доказательство Нашего благодарнаго расположенія и Нашего благоволенія, Мы посылаемъ тебѣ о Господѣ апостольское благословеніе“.

Посланіе это, разумѣется, было перепечатано во всѣхъ западно-европейскихъ католическихъ газетахъ, ибо для этой цѣли оно, собственно говоря, и было написано самимъ папою.

Чтобы утвердить за собою имя покровителя ученыхъ занятій и просвѣщенія, папа Левъ XIII открываетъ всѣмъ ученымъ историкамъ свободный доступъ къ ватиканскому архиву, „этому золотому роднику исторической науки“; съ этою-же цѣлію папою въ Римѣ открыта и каеэдра палеографіи.

Папа не чуждается и открытыхъ заявленій о своей благотворительности. Испанія много пострадала отъ землетрясенія; и вотъ папа, самъ нынѣ нуждающійся во вѣшнихъ средствахъ, въ прошедшемъ году отправляетъ (5 января 1885 г.) своему нунцію въ Мадридѣ 40,000 франковъ для раздачи пострадавшимъ; кромѣ того римскимъ бѣднякамъ онъ роздалъ 12,000 франковъ къ празднику Рождества Христова; 12 мая, какъ сообщаетъ „Voce della Veritta“, папа роздалъ на разные итальянскіе семинаріи и монастыри, находившіеся въ весьма прискорбномъ положеніи, для поддержанія ихъ, 40,000 лирь; къ празднику Пасхи папа роздалъ въ Римѣ нищимъ—12,000 лирь. Въ пользу одного монастыря онъ пожертвовалъ всѣ свои драгоценныя вещи, какія только были ему когда-либо поднесены въ подарокъ. Конечно, денежные жертвованія папы сами по себѣ не велики, даже и въ той суммѣ, какую указываетъ католическая пресса: на наши деньги онѣ простираются только до 26 тысячъ рублей. Но католическая пресса имѣетъ поводъ восхвалять щедрость и гуманность своего папы,—и только присоединяемое въ концѣ газетныхъ извѣщеній о папскихъ жертвованіяхъ каждый разъ увѣщаніе къ усиленнымъ жертвованіямъ въ пользу самого столь щедрого и благотворительнаго папы,—убѣдительное испрашиваніе и хлопоты объ увеличеніи динарія св. Петра или, какъ говорятъ нѣмцы,—*Peterspfennig für den heil. Vater*—даетъ видѣть, что и эта медаль имѣетъ обратную сторону. Само собою понятно, что многіе изъ католиковъ могутъ этого и не видѣть.

Личныя достоинства, какъ они представляются католическою прессою, само собою понятно, имѣютъ немалое значеніе для поднятія авторитета папы въ глазахъ не только римскихъ

католиковъ, но даже и лицъ враждебно настроенныхъ къ католической церкви. По крайней мѣрѣ, вслѣдствіе постоянныхъ восхваленій римскаго папы католическою прессою, ко Льву XIII отнеслись со вниманіемъ даже литературные и политическіе дѣятели совершенно ему чуждые и нѣкоторые изъ нихъ высказали выгодное о немъ мнѣніе. Такъ враждебная Ватикану римская газета — „Capitan Fracassa“ въ апрѣлѣ прошлаго года помѣстила на своихъ страницахъ такой, наприм., отзывъ о папѣ Львѣ XIII: „Многіе его любятъ, а еще больше смотрятъ на него, какъ на человѣка съ большими дарованіями, который достоинъ того, чтобы управлять кораблемъ Петра по причинѣ его скромныхъ дѣйствій и возвышеннаго настроенія“.

Поставивъ такъ удачно себя на виду католическаго мира, папа уже приступаетъ и къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ для поднятія своего авторитета, или что тоже — для борьбы со свѣтскою властію; но и здѣсь онъ все-таки остается вполнѣ вѣрнымъ себѣ и своему девизу — *fortiter in re, suaviter in modo*, — дѣйствуетъ осмотрительно, тихо и въ высшей степени систематично, твердо и послѣдовательно. Средства, которыми онъ пользуется въ этомъ случаѣ, не всегда одни и тѣже и даже не всегда одинаковы. Къ нимъ прежде всего относятся церковныя богослуженія и торжественныя празднества католической церкви. Таковы, наприм., прошлогодніе римскіе праздники въ честь Пія IX, Григорія VII и Григорія XIII. Мы впрочемъ остановимся лишь нѣсколько на 800 лѣтнемъ юбилеѣ папы Григорія VII Гильдебранда. Юбилей этотъ совершался съ особенною торжественностію и пышностію. Предварительно была составлена, по распоряженію папы, краткая біографія Григорія VII для распространенія въ народѣ. Въ этой біографіи Гильдебрандъ, разумѣется, представленъ какъ страдалецъ, какъ „мученикъ въ борьбѣ за чистоту и свободу невѣсты Христовой“, какъ „святой“ и „сильный защитникъ свободы и независимости церкви Іисуса Христа“. Смыслъ этого юбилея, задуманнаго Львомъ XIII, понятенъ и самъ по себѣ. Но еще яснѣе онъ обнаруженъ самимъ папою. Всѣ знатные участники торжества явились для представленія папѣ въ ватиканскую

залу; къ нимъ вышелъ папа, окруженный пятнадцатью кардиналами и многими мѣстными и заграничными епископами. Президентъ общины римскихъ католиковъ прочелъ папѣ адресъ, въ которомъ, заканчивая свою рѣчь о бурной жизни честолюбиваго Гильдебранда, выразилъ искреннее желаніе, чтобы Левъ XIII „былъ триумфаторомъ во всякой религіозной и гражданской борьбѣ, какъ Гильдебрандъ былъ побѣдителемъ XI вѣка“. Въ отвѣтъ на этотъ адресъ папа, обратившись къ присутствующимъ, сказалъ слѣдующее: „Обрадованные дѣтской любовью и преданностію, выраженной недавно католическими обществами, явившимися въ Римъ изъ многихъ частей Италіи, мы принимаемъ съ равною благосклонностію и ваше выраженіе, драгоцѣннѣйшія чада. Какъ они, такъ и вы одушевлены желаніемъ—въ насъ и съ нами почитать непобѣдимаго папу, вѣковое воспоминаніе о которомъ было совершено здѣсь въ Римѣ по побужденію вашей (!!) ревности. И прекрасно, что воспоминаніе о Григоріи VII особеннымъ образомъ было торжественно совершено въ этомъ священномъ городѣ, такъ какъ онъ (Григорій) по истинѣ представляетъ его наибольшее украшеніе. Дѣйствительно, съ того дня, какъ онъ былъ избранъ и, при единогласномъ одобреніи духовенства и народа римскаго, взошелъ на папскій престолъ, властно заблистала изъ Рима надъ Европою дѣятельная сила его апостольской ревности, чудная могучесть его духа, блистательный свѣтъ его добродѣтелей. Здѣсь онъ устраивалъ многія совѣщательныя собранія, вызвавшія въ жизни тѣ мудрыя учрежденія, которыя впоследствии доставили духовенству—его славу, церковной дисциплинѣ—ея жизненную силу. Здѣсь его возвышенныя мысли, созрѣвшія еще въ монастырской тиши, получали свою форму и жизнь, чтобы снова насадить въ обществѣ болѣе совершенныя христіанскія добродѣтели. Отсюда онъ велъ непрерывную борьбу, чтобы освободить церковь отъ несправедливыхъ притѣсненій земныхъ державъ,—вѣчно достопамятную борьбу, которая принесла драгоцѣннѣйшіе плоды въ государственномъ устройствѣ его времени“... Свою рѣчь папа закончилъ жалобою на холодное отношеніе къ церкви современныхъ католиковъ и на свое угнетенное положеніе.

Пилигримскими путешествіями въ Римъ католиковъ изъ разныхъ странъ Европы, частными и торжественными своими аудіенціями, засѣданіями своей консисторіи, своими посланіями къ различнымъ епископамъ римской церкви папа пользуется для достиженія той-же самой цѣли, какую онъ преслѣдуетъ и въ своей энцикликѣ отъ 1 ноября 1885 года. Основная тема всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ папою при этихъ случаяхъ, одна и таже: угнетенное положеніе римскаго папы въ настоящее время и превосходство папской власти надъ властью свѣтскихъ государей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ по сообщеніямъ католическихъ газетъ прошлаго года. Еще въ январѣ прошлаго года, по сообщенію „Germania“, папа, указывая въ своей аллокуціи на бѣгство во Египетъ, сказалъ: „вочеловѣчившійся Сынъ Божій, Который еще дитятей ушелъ отъ преслѣдованій своего врага, — да окажетъ помощь притѣсняемой церкви Своей“. Прелаты и дипломаты увидѣли въ этихъ словахъ указаніе на то, что папа намѣревается выѣхать изъ Рима и навсегда оставить его. Откровеннѣе высказался папа прошлый годъ въ рѣчи, произнесенной имъ кардиналамъ въ годовщину своего избранія. „Съ чувствомъ величайшаго благоволенія“, — такъ началъ папа эту рѣчь, — „мы принимаемъ ваше поздравленіе, которое вы, господинъ кардиналъ, высказали намъ отъ имени всей священной коллегіи, и по случаю настоящей годовщины нашей выражаемъ свое полное довольство тѣмъ разумнымъ и ревностнымъ содѣйствіемъ, которое вы оказали намъ въ трудномъ управленіи церковію. Это управленіе по истинѣ есть столь страшное бремя для нашихъ слабыхъ силъ, что мы живо ощущаемъ необходимость небесной и человѣческой помощи, чтобы не изнемочь. Когда послѣ семилѣтняго первосвященничества мы принимаемъ во вниманіе его величіе и тернистыя обязанности, соединяемая съ нимъ, тогда снова содрагается душа наша, какъ и въ первый день, въ который мы должны были принять на себя это высокое званіе. Не многочисленныя ежедневныя заботы и не безпрестанныя занятія убиваютъ въ насъ духъ, — ибо благородная цѣль, къ которой онѣ направлены, и помощь отъ Того, Котораго недостойнымъ намѣстникомъ мы являемся, имѣютъ силу дѣлать легкимъ и пріятнымъ это бремя. Утом-

ляютъ нашъ духъ и не порывы бѣшенства, оскорбленія и угрозы, въ постоянный предметъ которыхъ насъ обратила разнузданная и злонамѣренная пресса,—ибо мы вспоминаемъ, какъ тяжело поносили и нашего божественнаго Учителя, а при этомъ воспоминаніи все то, что звучитъ оскорбленіемъ для нашего лица, становится сноснымъ и даже славнымъ. Что глубоко возмущаетъ насъ,—это вотъ что: во многихъ государствахъ, у многихъ народовъ не знаютъ церкви, осуждаютъ ея доброжелательныя и святыя намѣренія, враждебно относятся къ ея скромной миссіи, держатъ въ оковахъ ея власть, разрушаютъ ея спасительныя установленія и позорятъ ея благодѣянія, и—это въ такое время, каково настоящее, когда для общества если и можно ожидать истиннаго спасенія, то его должно ожидать главнымъ образомъ отъ церкви. Но *высшей степени* наша скорбь достигаетъ чрезъ то положеніе, въ которое здѣсь въ Римѣ поставленъ намѣстникъ Іисуса Христа, и которое тѣмъ труднѣе и тяжелѣе, чѣмъ дольше будетъ оно продолжаться. Конечно, нѣтъ недостатка въ таковыхъ, которые безъ размышленія утверждаютъ, что римскій папа могъ-бы и долженъ-бы былъ добровольно примириться съ обстоятельствами и довольствоваться свободою, за нимъ оставленною. Но это значитъ къ позору присоединять насмѣшку и оскорбленіе; ибо всѣмъ въ глаза бросается фактъ, что при настоящемъ положеніи мы находимся не въ нашей власти, а во власти другаго, который, умѣя подчинять насъ своему произволу въ каждый моментъ, когда только захочетъ, рѣзко можетъ обнаруживать къ намъ свою враждебность, подъ разными предлогами, можетъ приостанавливать наши распоряженія, и при различныхъ и возможныхъ измѣненіяхъ людей и вещей можетъ возобновлять враждебныя дѣйствія даже въ отношеніи къ лицу нашему,—жертвою чего въ прежнія времена были многіе изъ нашихъ предшественниковъ. Не будетъ нынѣ сдѣлано это? Но кто вопреки всякому праву не усумнился вторгнуться въ церковную область, насильно овладѣлъ Римомъ и провикъ даже до воротъ нашего папскаго жилища,—какую гарантію дастъ онъ, что онъ не ворвется и въ самое жилище? Не были-ли уже и раскрыты, и даже при недавно бывшихъ случаяхъ, столь дерзкіе пла-

ны, и не были-ли уже обнаружены дикія угрозы противъ этого мирнаго нашего жилища? Но хотя-бы изъ всего этого ничего и не случилось, гдѣ полная свобода папы въ управленіи церковію? Свѣжо еще воспоминаніе о томъ, что совершенно противъ пропаганды и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ независимости апостольской власти и даже апостольскаго учительства въ отношеніи того, что здѣсь и во всемъ мірѣ касается интересовъ религіи и душъ. Что должно сказать о распоряженіяхъ, которыя мы сдѣлали относительно замѣщенія вакансій,—распоряженіяхъ, которыя при своемъ осуществленіи съ одной стороны встрѣчаютъ несправедливыя замедленія, а съ другой вслѣдствіе законовъ, которые распространены безъ всякаго надлежащаго основанія на многія церкви Италіи, остаются совершенно невыполненными? Наконецъ, здѣсь въ Римѣ, въ нашей державѣ, остаются незапертыми ворота для вторгающихся ересей; не въ нашей власти оказать препятствіе ни поврежденнымъ и безбожнымъ ученіямъ, ни законамъ, открыто противорѣчающимъ истинамъ религіи и предписаніямъ церкви. Можетъ ли это, по суду каждаго здравомыслящаго, быть положеніемъ продолжительнымъ и правильнымъ, какое приличествуетъ верховному пастырю всего католическаго міра, *наивысшей власти*, врученной ему отъ Христа, достоинству апостольскаго престола? Конечно, нѣтъ! Мы можемъ переносить это положеніе, но, пока оно будетъ продолжаться, ни мы, ни кто-бы то ни былъ изъ нашихъ преемниковъ ни за какія жертвы не будемъ въ силахъ его признать и утвердить. Дѣло идетъ о томъ, что касается жизни и силы церкви,—именно—о независимости и свободѣ наивысшей власти, изъ-за которой римскіе папы съ вѣрою въ Бога и сильные духомъ, который вселяется въ нихъ сознаниемъ ихъ обязанностей, всегда даже противъ самыхъ страшныхъ державъ земли вели борьбу и оставались побѣдителями. Поэтому, какъ и въ первый день нашего первосвященства, предавалъ себя водительство божественнаго промысленія, вмѣстѣ съ особенною помощію, о которой мы сами молимся и которую испрашиваютъ для насъ съ неба всѣ вѣрующіе, мы не отказываемся продолжать идти тернистымъ и труднымъ путемъ, который намъ оставленъ; а міру, преданно-

му порокамъ, мы постараемся, насколько это для насъ возможно, представить выгоды той божественной религіи, которой онъ не только не цѣнитъ высоко, но противъ которой неблагодарно и безумно онъ ведетъ борьбу. Содѣйствіе священной коллегіи, на которое мы рассчитываемъ, въ будущемъ также окажетъ намъ большую помощь и поддержку. Съ этой увѣренностію мы преподаемъ вамъ, господинъ кардиналъ, также какъ и остальнымъ членамъ священной коллегіи и всѣмъ присутствующимъ, какъ знакъ нашей особенной любви, апостольское благословеніе“.

18-го фѣвраля прошлаго года папа произнесъ рѣчь къ римскимъ священникамъ и великопостнымъ проповѣдникамъ. Въ этой рѣчи онъ указалъ на настоящее крайне прискорбное социальное положеніе государствъ, равно какъ и на средство къ устраненію его, заключающееся, по словамъ папы, въ повиновеніи христіанскому закону, соблюденіи уставовъ католической церкви и въ безусловномъ подчиненіи „апостольскому престолу“ какъ частныхъ лицъ, такъ и государствъ.

4-го іюня, принимая депутацію католической итальянской общины, состоявшую изъ 300 лицъ, которыя объявили себя представителями 16-ти итальянскихъ округовъ, папа произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на свое стѣсненное положеніе и неестественное отношеніе къ Ватикану различныхъ государствъ, на необходимость вступить въ продолжительную и упорную борьбу съ свѣтскою властію этихъ государствъ и, наконецъ, на высокое превосходство своей власти предъ властію свѣтскихъ государей.

Ту-же самую тему папа развиваетъ и во всѣхъ своихъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ по разнымъ случаямъ въ прошломъ году. Были впрочемъ, произнесены папою и такія рѣчи, въ которыхъ высказанъ взглядъ папы на государственное устройство; таковы, на примѣръ, рѣчи папы къ католическимъ французскимъ и германскимъ пилигримамъ, — взглядъ, повторенный затѣмъ и въ энцикликѣ отъ 1-го ноября прошлаго года.

Изъ сказаннаго доселѣ, кажется, ясно, что папская энциклика отъ 1 ноября 1885 года, по своему содержанію, не представляетъ ничего новаго. Ее можно только назвать офици-

альнымъ и систематическимъ изложеніемъ тѣхъ началъ и воззрѣній, которыми руководствуется папа Левъ XIII въ своихъ дѣйствіяхъ съ перваго дня своего избранія на папство. Въ томъ видѣ, въ какомъ энциклика папы обнародована 1 ноября прошлаго года, какъ можно судить по сообщенію католическихъ газетъ, она лежала готовою на папскомъ письменномъ столѣ уже давнымъ давно. По крайней мѣрѣ изъ Рима сообщали въ католическія газеты еще въ январѣ прошлаго года, что энциклика объ устройствѣ государственной жизни и объ отношеніи между церковію и государствомъ совершенно окончена (*fertig gestellt*). Такимъ образомъ папа медлилъ опубликованіемъ своей энциклики по меньшей мѣрѣ десять мѣсяцевъ. Только сближеніе съ Бисмаркомъ вывело папу изъ его нерѣшительнаго положенія.

Софизмы и насильственность выводовъ, сдѣланныхъ папою, слишкомъ бросаются въ глаза для того, чтобы можно было отнестись съ довѣріемъ къ папской энцикликѣ. Въ сущности энциклика папы отъ 1 ноября 1885 года представляетъ собою удивительную смѣсь истиннаго и ложнаго, важнаго и тривиальнаго, — смѣсь, такъ хитро и тонко перепутавшую самыя противорѣчивыя понятія, что въ ней разобраться не легко. Содержаніе энциклики главнымъ образомъ касается двухъ пунктовъ: 1) устройства государствъ (отношеніе подданныхъ къ государю и между собою) и 2) отношенія между церковію и государствомъ, отношенія между властями—свѣтскою и духовною. Для насъ особенно важно ученіе папы относительно послѣдняго пункта. На немъ-то мы и остановимся съ особеннымъ вниманіемъ.

Основная мысль, проводимая папою, какъ читатели наши могли усмотрѣть изъ самой энциклики, состоитъ въ томъ, что церковная власть, данная папѣ Самимъ Іисусомъ Христомъ, стоитъ выше власти свѣтскихъ государей, которые даже должны быть подчинены папѣ, какъ намѣстнику Христову, какъ главѣ церкви, отъ которой только свѣтская власть и можетъ получать свое освященіе. Не будемъ говорить ничего ни о пресловутомъ намѣстничествѣ папы, ни о главенствѣ; вопросъ этотъ уже настолько устарѣлъ, что можетъ имѣть интересъ

лишь школьный и историческій. Но мы не можемъ не отмѣтить, въ какое противорѣчіе по этому пункту съ самимъ собою впадаетъ самъ папа въ своей энцикликѣ. Говоря о необходимости свято уважать свѣтскую власть государей, папа основываетъ свой выводъ на томъ, что власть свѣтскихъ государей установлена Богомъ, что каждый законный народоправитель есть государь благодаренный, почему въ согласіи съ апостоломъ Павломъ папа и учитъ, что всякое сопротивленіе подданныхъ своему государю есть сопротивленіе Самому Богу. Но если церковная власть папѣ дарована Богомъ и если свѣтская власть Богомъ-же дарована государямъ, то какое-же основаніе папа имѣлъ для того, чтобы свою власть ставить выше государственной власти? Различіе дарованій?—но Духъ одинъ и тотъ-же (1 Кор. XII, 4). Противорѣчіе, въ которое впадаетъ папа, продолжается и въ дальнѣйшемъ разъясненіи, предлагаемомъ энциolikoю. Такъ, говоря объ отношеніяхъ, въ которыхъ должны находиться власти свѣтская и духовная, папа указываетъ на силы природы, которыя также установлены Богомъ для болѣе всесторонняго развитія жизни природы. Это сравненіе мы принимаемъ охотно; но оно также говоритъ далеко не въ пользу основной мысли папской энцикликки. Вотъ двѣ силы природы: магнетизмъ и электричество. Онѣ дѣйствуютъ каждая въ своей области, каждая по своимъ собственнымъ законамъ. Но какая изъ нихъ старше, а какая меньше? Какая изъ нихъ владычествуетъ надъ другою и подчиняетъ ее своей власти?—На эти вопросы не отвѣтитъ ни одинъ естествоиспытатель. Онѣ дѣйствуютъ совмѣстно, иногда даже въ тѣсной связи между собою, такъ сказать, восполняя одна другую,—но и только. Ясно, что сравненіе это, выбранное самимъ папою, для папскихъ притязаній не особенно выгодно.

Превосходство своей власти надъ властью свѣтскою, высоту, самостоятельность и неприкосновенность своего авторитета, папа, конечно, силится обосновать на ученіи Іисуса Христа и апостоловъ, ложно истолковывая его въ свою пользу. „Власть церкви, говоритъ папа, есть превосходнѣйшая изъ всѣхъ властей; поэтому она не можетъ быть поставлена *ниже* государственной власти... Свой, самъ по себѣ совершенный и само-

стоятельный авторитетъ, противъ котораго уже давнымъ давно открыла борьбу льстящая державамъ философія, церковь никогда не переставала признавать за собою и публично проявлять, послѣ того, какъ разъ признали его за собою апостолы, которые, получивъ отъ предстоятелей синагогъ запрещеніе *возвѣщать евангеліе*, твердо отвѣчали: „должно повиноваться болѣе Богу, чѣмъ людямъ“.—Какъ ловко смѣшиваются здѣсь понятія и маскируется подходъ! Да вступали-ли когда-нибудь апостолы въ борьбу и препирательство съ представителями власти подобно самозванному „намѣстнику“ Христову? Нѣтъ, властолюбіе и честолюбіе, которыми живутъ и дышутъ римскіе папы, слишкомъ далеки отъ апостольскаго смиренія, покорности и послушанія. Господь нашъ Іисусъ Христосъ призвалъ власть даже Пилата *властію, данною свыше* и не протестовалъ противъ судебнаго рѣшенія этой власти, хотя рѣшеніе это было крайне нечестиво и нарушало требованія законовъ какъ римскихъ, такъ и еврейскихъ. Апостолы дѣйствительно сказали предстоятелямъ синагогъ, что слѣдуетъ повиноваться болѣе Богу, чѣмъ людямъ и не обратили никакого вниманія на запрещеніе этихъ властей,—но въ чемъ?—въ дѣлѣ *возвѣщенія Евангелія*—и только. Папа очевидно и самъ чувствовалъ въ этомъ случаѣ всю шаткость почвы подъ собою, почему, не довольствуясь сказаннымъ, онъ ссылается далѣе на поведеніе князей и республиканскихъ правителей, которые „имѣли обыкновеніе договорами, сношеніями, обмѣномъ посольствъ и другими дѣловыми обращеніями вступать въ сношенія съ церковію, какъ съ законною самодержавною (*souveräner*) властію“. Основаніе ненадежное и случайное! Прежде варолоправители *такъ* вели себя относительно папы, а теперь *иначе* и именно потому, что не признаютъ за папою той власти, на которую онъ претендуетъ. Но папа идетъ далѣе и даже въ незаконномъ, основанномъ на *подложномъ документѣ*, приобрѣтеніи папами свѣтскаго владычества надъ папскою областію *),

*) Пипинъ Короткій и Карлъ Великій, правда, даровали папамъ такъ называемую *церковную область*, выдали имъ даже и дарственные записи. Но ученые историки достовѣрно не знаютъ и до сихъ поръ, что именно было поименовано въ дарственныхъ грамотахъ какъ Пипина, такъ и Карла, потому что грамоты

усматриваетъ руководительную десницу божественнаго промышленности. И конечно, говорить папа, не безъ особеннаго рѣшенія божественнаго Промысла случилось то, что эта духовная власть (папы) была усилена еще и свѣтскимъ владычествомъ, какъ прекрасною оцорою ея свободы“. На это да позволено намъ будетъ отвѣтить въ томъ-же духѣ: „конечно, не безъ особеннаго рѣшенія божественнаго Промысла случилось и то, что отъ этой духовной власти (папы) нынѣ отнято свѣтское владычество, какъ несогласное съ ученіемъ Господа нашего Иисуса Христа (Лук. XXII, 25, 26) и захваченное нѣкогда папами лишь при помощи интригъ, коварства и подлоговъ“.

Чего-же однако папа хочетъ достигнуть своею энцикликою? Отвѣтъ понятенъ: власти. Но въ какихъ размѣрахъ? А вотъ въ какихъ. „*Что въ человѣческихъ дѣлахъ носитъ характеръ священнаго въ какомъ-бы то ни было отношеніи, говоритъ папа, что относится только къ спасенію душъ и къ богопочтенію, — по природѣ-ли своей или только по цѣли, къ которой оно стремится, — все это принадлежитъ власти и суду церкви.*

эти были очень скоро утрачены или намѣренно сокрыты папами, желавшими придать этимъ актамъ иное значеніе, чѣмъ то, какое они дѣйствительно имѣли. По крайней мѣрѣ уже слишкомъ рано папы старались утвердить мнѣніе, будто Пипиномъ и Карломъ не дарованы, а возвращены области и права, которыми римскіе епископы пользовались будто-бы съ самыхъ давнихъ временъ. Они старались упрочить свою свѣтскую власть предъявленіемъ давнихъ вымышленныхъ правъ. Для этого была пущена въ ходъ выдумка о дарственной грамотѣ императора Константина Великаго. Уже Адрианъ въ письмѣ къ Карлу упомянулъ объ этой дарственной грамотѣ, которую Константинъ, въ благодарность папѣ Сильверсту, отъ коего будто-бы принялъ крещеніе, уступалъ ему и пріемникамъ его на папскомъ престолѣ всѣ права свои на Римъ и всю Италію (вонъ куда хватилъ!) — вслѣдствіе чего самъ рѣшился основать для себя новую столицу на Востокѣ. Басяѣ этой Карлъ Великій, разумѣется, не повѣрилъ; по крайней мѣрѣ, представленный здѣсь примѣръ Константина не побудилъ его уступить папѣ своихъ государственныхъ правъ на итальянскія области, какъ не уступилъ ихъ и Пипинъ. Папы получили только право пользоваться доходами съ такъ называемой церковной области и принимать нѣкоторое участіе въ назначеніяхъ на судебныя должности; но высшій надзоръ за дѣлами, собственно управленіе было въ рукахъ намѣстниковъ (*missi domini*), которыхъ франкскіе короли держали въ Римѣ и въ другихъ городахъ; папы, какъ и другіе подданные, должны были присягать въ вѣрности государю. Такимъ образомъ ясно, что сначала папы вовсе не были полными владѣльцами и государями церковной области; этого они постепенно достигли только уже впоследствии...

Остальныя-же вещи, которыя обнимаютъ собою гражданская и политическая область, согласно порядку (?), должны быть подчинены гражданскому авторитету, такъ какъ Иисусъ Христосъ повелѣлъ воздавать кесарево кесареви и Божіе Богови“. Т. е. требованія энциклики, выраженные по-просту, состоятъ въ слѣдующемъ: все папѣ, а свѣтской власти одна полиція! Безграничность папскихъ притязаній слишкомъ бросается въ глаза, чтобы ея можно было не видѣть. И если къ дарамъ Бисмарка, какъ мы видѣли, недовѣрчиво относится ватиканская печать, то не безъ основанія поступаютъ и органы, раздѣляющіе бисмарковскія воззрѣнія, когда съ недовѣріемъ относятся къ дарамъ папскимъ, видя за ними безграничность папскихъ притязаній, вслѣдствіе чего и папскіе подарки обходятся также не дешево. Когда завязалась неожиданная дружба между Берлиномъ и Ватиканомъ и когда папа прислалъ Бисмарку *орденъ Христа*, юмористическіе берлинскіе листки начали пророчествовать, что вскорѣ за этимъ послѣдуетъ отъ папы и новый подарокъ Бисмарку—*орденъ Иисуса* (иезуиты), а затѣмъ слѣдуетъ ожидать присылки въ Германію и всѣхъ остальныхъ папскихъ *орденовъ*... Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ берлинскаго сатирическаго журнала—„*Kladderadatsch*“ (отъ 4-го апрѣля н. г.) помѣщена весьма характеристическая карриатура. Нарисованъ папа вмѣстѣ съ своимъ государственнымъ секретаремъ. Бисмаркъ подаетъ имъ на блюдѣ достаточное количество съѣстныхъ припасовъ—*kirchenpolitische Vorlage*—и говоритъ: „Столько досталось! Прошу васъ ухватиться обѣими руками“. На это папа отвѣчаетъ: „тутъ больше, чѣмъ мы ожидали—но тѣмъ не менѣе все-таки еще слишкомъ мало!“... Въ другомъ (№ 18, отъ 18-го апрѣля н. г.) Бисмаркъ нарисованъ отрѣзывающимъ большой кусокъ хлѣба. Передъ Бисмаркомъ стоитъ папа и, указывая на отрѣзываемый кусокъ, спрашиваетъ: „Для кого это такой огромный кусокъ?“ „Для тебя, мой милый, для тебя“,—отвѣчаетъ Бисмаркъ.—„Ахъ!“ восклицаетъ папа,—„для меня и такъ мало!“... Безграничность папскихъ притязаній хорошо извѣстна всѣмъ и каждому. Въ своей энцикликѣ папа приписываетъ своей власти, своему вѣдѣнію все то, „что только относится къ спасенію душъ“. Но

„спасеніе души“ есть цѣль жизни христіанской и всѣ явленія нормальной жизни должны быть направлены къ достиженію этой цѣли. Такимъ образомъ папа претендуетъ на власть, которая-бы простиралась на всѣ стороны и всѣ области, всѣ проявленія какъ частной, такъ и общественной жизни. Семейная жизнь, воспитаніе дѣтей, школа, жизнь общественная, пресса, какъ органъ общественнаго мнѣнія, законодательство, какъ регуляторъ общественной жизни, и т. д.,—все это должно подлежать власти и суду папы, ибо все относится ко „спасенію душъ“,—одно по своей цѣли, другое по своей природѣ. При чемъ-же будетъ тогда власть свѣтскихъ государей? Для чего-же Господь и установилъ эту власть?

Папа любитъ, повидимому, указывать для себя примѣръ въ лицѣ Господа нашего Иисуса Христа и святыхъ Его апостоловъ. Но Спаситель нашъ не входитъ въ споръ и препирательство о власти съ римскимъ императоромъ Тиверіемъ, а апостоль Петръ, „кораблемъ“ котораго, по увѣренію католическихъ газетъ, нынѣ правитъ Левъ XIII, былъ именно тѣмъ лицомъ, которое, по свидѣтельству евангелія, и за Христа и за себя выполнило требованія національныхъ властей объ уплатѣ подати, хотя эти требованія были и незаконны въ отношеніи къ Сыну Божію. Самыя притязанія на власть, порождаемыя честолюбіемъ, Христосъ призналъ недостойными для своихъ послѣдователей. „Цари господствуютъ надъ народами, говоритъ Спаситель, и владѣющіе ими благодѣтелями называются. А вы не такъ: но кто изъ васъ будетъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій“. Руководствуясь этимъ началомъ, удаляя отъ себя честолюбивыя и властолюбивыя стремленія, пастыри вселенской Церкви никогда не вступали въ борьбу изъ за власти съ народоправителями той или другой страны. Прочитайте исторію патріарховъ константинопольскихъ, александрійскихъ, антioxійскихъ, іерусалимскихъ! Вы не найдете тамъ ничего подобнаго, что вы встрѣтите на каждой страницѣ исторіи римско-католическаго папства. Исторія вселенской Церкви не представитъ вамъ ни одного случая, когда-бы вселенскіе патріархи изъ-за власти вступали въ борьбу съ свѣтскими государями. Тоже самое засвидѣтельствуетъ намъ и исто-

рія Церкви отечественной. Правда, нѣкоторые изъ пастырей русской Церкви иногда входили въ столкновение съ русскими государями, какъ напр. митрополитъ Московскій Филиппъ II съ Іоанномъ Грознымъ, Никонъ патриархъ съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Но есть-ли здѣсь что-нибудь похожее на систематическую борьбу изъ-за власти папства съ свѣтскими государями? Митрополитъ Филиппъ II претерпѣлъ гоненія и даже мученическую смерть не потому, что домогался увеличенія своей власти, которой у него никто ни отымалъ, ни уменьшалъ, а потому, что ради любви къ ближнимъ, ради любви къ Россіи, ея царямъ и подданнымъ, онъ рѣшился сказать правду въ глаза царю, какъ говорилъ ее Грозному и одинъ блаженный, котораго конечно никто не станетъ уличать въ клерикальных стремленій. Борьбу клерикализма въ исторіи Никона, — борьбу похожую на ту, которую ведетъ папство съ свѣтскими государями, могутъ видѣть лишь люди пристрастно относящіеся къ дѣлу и близорукіе. Никонъ — жертва интригъ нѣкоторыхъ бояръ и духовныхъ лицъ — публично заявилъ: „мы великимъ государемъ не сами назвались, и въ царскія дѣла не вступаемся, а развѣ о правдѣ какой говорили, или отъ бѣды кого-нибудь избавляли (на что Никону также было даво дозволеніе отъ самого Алексѣя Михайловича), такъ мы архіереи, — на то заповѣдь приняли отъ Господа, который сказалъ: „слушай заповѣдь Мене слушаетъ“... Когда надъ Никономъ происходилъ судъ и рѣчь зашла объ оставленіи Никономъ патриаршества, Никонъ прямо объявилъ, что „нечего болѣе говорить о патриаршествѣ; въ этомъ воленъ царь и вселенскіе патриархи“. Мѣсто-ли здѣсь рѣчи о борьбѣ клерикализма?..

По ученію Церкви вселенской, царь есть помазанникъ Божій, поставленный Самимъ Богомъ руководить жизнію и судьбами извѣстнаго народа. Ему вручена власть Самимъ Богомъ, онъ органъ власти Божіей, а потому никому другому и не дано права „касаться помазанника Господня“, ибо „сердце царево въ рудѣ Божіей“; но какъ сынъ Церкви, хотя и первый, какъ человекъ, онъ добровольно подчиняетъ совѣсть свою суду Церкви, которой Господь вручилъ права и благодать — взыать и рѣшить грѣхи человекѡвъ *всѣхъ*, безъ исключенія. Въ

свою очередь и представители Церкви, свободные управители дѣлами вѣры и благочестія въ предѣлахъ, указанныхъ самимъ евангеліемъ, какъ люди, какъ вѣрноподданные члены государства, должны пребывать въ непрекословномъ послушаніи у помазанника Божія, власти котораго слово Божіе повелѣваетъ повиноваться *всякой душѣ*, т. е. *всѣмъ безъ исключенія* — и мірянамъ и предстоятелямъ Церкви. Отсюда понятно, отчего въ исторіи Церкви вселенской нѣтъ прискорбныхъ случаевъ такого столкновенія съ свѣтскою властію, какіе ежедневно даютъ о себѣ знать въ римско-католической церкви. Правда, иногда свѣтскіе государи вмѣшивались въ дѣла вѣры; тогда Церковь безъ борьбы, но съ достоинствомъ осуждала ихъ дѣйствія и, какъ правая сторона, всегда оставалась побѣдительницею, а самый фактъ вмѣшательства не имѣлъ за собою дурныхъ послѣдствій. Такъ изъ греческихъ императоровъ въ дѣла вѣры вмѣшивались Ираклій, Іоаннъ и Михаилъ Палеологи; изъ отечественной исторіи почти нѣтъ ни одного примѣра подобнаго рода, если не относить сюда вмѣшательства Ивана III Васильевича, который, имѣя личное неудовольствіе противъ тогдашняго Московскаго митрополита Геронтія, при освященіи Успенскаго московскаго собора въ 1479 г., заявилъ, что слѣдуетъ ходить крестнымъ ходомъ вокругъ церкви отъ востока къ западу или, какъ тогда говорили, „посолонь“ (т. е. по солнцу). Побѣда осталась за Геронтиемъ; но споръ не имѣлъ бурнаго характера и недоразумѣніе разрѣшилось само собою. Борьба папъ съ свѣтскими государами никогда не можетъ достигать такихъ результатовъ. Вслѣдствіе прискорбныхъ традицій, папы требуютъ для себя не духовной только власти, но власти вообще, власти всесторонней, міроваго господства. Римскіе папы развѣ тогда совершенно успокоились-бы, если-бы имъ было предоставлено право назначать не только священниковъ, но и становыхъ приставовъ. Папы выработали себѣ такое высокое понятіе о своей власти, что никакое совмѣстничество не возможно; рядомъ съ папскою властію, какой требуетъ Ватиканъ, нельзя даже мыслить никакой другой власти, которую бы не поглотила власть папы. Этимъ объясняется и то странное явленіе,

которымъ обращаетъ на себя вниманіе папская энциклика отъ 1 ноября прошлаго года: иной разъ папа начинаетъ говорить какъ будто-бы и хорошо, даже какъ будто-бы и дѣло; у него встрѣчается нерѣдко указаніе на возможность „соглашенія, примиренія“, взаимодействія, иногда—даже „тѣснаго сродства и дружбы“ между представителями свѣтской и духовной власти, а въ результатѣ оказывается — возвышеніе и превосходство, подчиненіе одной власти другой. Сдѣлать такой скачекъ въ переходѣ отъ посылокъ къ заключенію можно только при помощи софизмовъ. И дѣйствительно, въ энцикликѣ папы, какъ и во всѣхъ его рѣчахъ, въ софизмахъ нѣтъ недостатка. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ разбираемой нами энциклики. Только при подчиненіи власти государственной власти папѣ, по мнѣнію Льва XIII, самое повиновеніе гражданъ своему государю получаетъ будто-бы болѣе нравственнаго смысла и значенія, такъ какъ въ этомъ будто-бы только случаѣ оно является уже не служеніемъ человѣка человѣку, но подчиненностію волѣ Божіей. „При чемъ, спрашивается, тутъ папа и его власть? Если власть государей установлена Богомъ, какъ прямо учитъ Слово Божіе, то само собою понятно, что въ какомъ бы отношеніи ни находился государь къ папѣ, какъ бы они ни враждовали между собою, но „противляющійся власти (государя) Божію повелѣнію противляется“. Ясно, что здѣсь или софизмъ, или же властолюбіе папы доходитъ до того, что онъ дерзко отождествляетъ себя съ Самимъ Источникомъ всякой власти—Богомъ. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о тѣхъ благодѣтельныхъ результатахъ, какихъ достигла свѣтская власть благодаря опека надъ нею власти папской, папа Левъ XIII отождествляетъ папство съ религіею. Есть и такія мѣста въ энцикликѣ, которыя напоминаютъ собою приемы хитрыхъ іезуитовъ. Таково, на примѣръ, слѣдующее мѣсто. „Право (свѣтской) власти, говоритъ папа, само по себѣ не соединяется необходимымъ образомъ съ какимъ-нибудь однимъ государственнымъ устройствомъ, напротивъ государство законно (?) можетъ принимать самыя разнообразнѣйшія формы, насколько онѣ только дѣйствительно споспѣшествуютъ общему благу и пользамъ“. Какая ловкая уступка современнымъ движеніямъ

въ виду единодержавія папы! Какъ-бы государствамъ ни жилось, для папы рѣшительно все равно,—онъ одинъ для всѣхъ католиковъ; законный-ли государь взошелъ на прародительскій престолъ, или узурпаторъ отнялъ и надѣлъ на себя чужую корону — и того и другаго папа готовъ признать законнымъ народоправителемъ, если только они будутъ послушными орудіями ватиканскаго властолюбія и честолюбія; въ монархическомъ, олигархическомъ, республиканскомъ, деспотическомъ образѣ правленія мѣрило законности свѣтской власти одно—власть папы,—*conditio sine qua non*. Само собою понятно, что это—только личное мнѣніе „святаго отца“, не имѣющее для себя основанія ни въ ученіи Христовомъ, ни въ посланіяхъ апостольскихъ, ни въ поведеніи первенствующей Церкви. Слово Божіе знаетъ лишь одинъ образъ правленія—монархическій и тѣмъ отвергаетъ законность всякаго другаго государственнаго устройства. Въ Ветхомъ завѣтѣ Господь далъ евреямъ *царя*, а не республику или олигархію; въ Новомъ Завѣтѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ зналъ только, что „царствуютъ *царіе*“, а не другіе какіе-либо народоправители, и намъ заповѣдалъ воздавать „*кесареву кесареву*“, а не президенту республики. Апостолы также знаютъ только *князя*, который не безъ ума мечъ носить во отмщеніе злымъ, и намъ заповѣдали бояться Бога и чтить *царя*: по ученію Слова Божія *царь* есть помазанникъ Божій, свою власть онъ получаетъ непосредственно отъ Бога; поэтому власть, хотя-бы то и въ формѣ царской власти, но получаемая не отъ Бога, а изъ какого-либо другаго начала, отъ народа или отъ „толпы“, уже не есть власть законная, которую такъ высоко ставитъ Слово Божіе и къ которой оно никому не дозволяетъ прикасаться. Все это, конечно, прекрасно знаетъ и папа, что видно изъ того, что въ другомъ мѣстѣ, въ противорѣчіе самому себѣ, онъ уже отвергаетъ власть „толпы“ издавать для самой себя законы и даже высказываетъ „порацаніе за то, что большее или меньшее участіе въ управленіи государствомъ принимаетъ народъ“. Какая *непосрѣдственная* логика! Какая ловкость и умѣнье идти безбоязненно и не безъ выгоды между острыми подводными каменьями! Но съ такою-же чисто дипломатическою ловкостію папа

высказалъ свое умѣнье „служить двумъ господамъ“ — народо-правителямъ и подданнымъ — и въ указаніи на тѣ блага, которыя получаютъ государства, подчиненныя власти папы. Въ этомъ случаѣ, рисуя свой ватиканскій идеалъ католическаго государства, папа хитро льститъ обѣимъ сторонамъ и ихъ отношенія представляетъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. „Въ политической и гражданской области законы (издаваемые, разумѣется, съ одобренія папы) имѣютъ въ виду общественное благо и устанавливаются не по обманчивому произволу (непогрѣшимый папа обманываться не можетъ) и сужденію толпы (т. е. парламента), но по истинѣ и справедливости (которыхъ у папы съ избыткомъ). Авторитетъ князей получаетъ положительное, болѣе чѣмъ человѣческое (папское) освященіе и сдерживается (папою) въ границахъ (каносскихъ, по примѣру Гильдебранда), такъ что онъ не уклоняется отъ справедливости (указываемой папою) и не переступаетъ мѣры въ своихъ приказаніяхъ (доселѣ подданнымъ, отселѣ государямъ). Не менѣе нравственнаго достоинства и значенія (при подчиненіи государства папской власти) получаетъ и повиновеніе гражданъ, такъ какъ оно является не служеніемъ человѣка человѣку, но подчиненностію волѣ Божіей, проявляющей (увы! — безъ посредства папы) чрезъ человѣка свое владычество: а кто убѣжденъ и проникнутъ этимъ, тотъ понимаетъ, какъ требованіе справедливости, то, чтобы оказывать почтеніе величію правителя, съ постоянною вѣрностію повиноваться общественной власти, не поднимать мятежа и свято хранить государственный порядокъ“.

Какъ ни хорошъ ватиканскій идеалъ католическаго государства, нарисованный папою, — но слабость человѣческой природы можетъ конечно проявляться и въ такомъ государствѣ какъ со стороны народоправителей, такъ и со стороны подданныхъ. Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Папа предвидѣлъ это и въ своей энцикликѣ указалъ самое сильное, самое дѣйствительное средство противъ всѣхъ частныхъ, семейныхъ и общественныхъ недуговъ. Средство это — сыновнее послушаніе и безпрекословное повиновеніе распоряженіямъ „апостольскаго престола“. Людямъ свойственно ошибаться и увлекаться ложными мнѣніями; папа въ своей энцикликѣ предлагаетъ противъ это-

ОПЕЧАТКА. Въ № 8 журнала „Вѣра и Разумъ“, въ Церковномъ отдѣлѣ, на 517 стр., 14 строка снизу, *напечатано*: Исаія взъе́млетъ, но и здѣсь *вода*, ибо сперва перешелъ Іорданъ, а потому уже на колесницѣ́ восходитъ на небо. *Слѣдуетъ читать*: Илія́ взъе́млетъ, но и здѣсь *вода*, ибо сперва перешелъ Іорданъ, а потомъ уже на колесницѣ́ восходитъ на небо.

1870

1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

1898

1899

1900

1901

1902

1903

1904

1905

1906

1907

1908

1909

1910

1911

1912

1913

1914

1915

1916

1917

1918

1919

1920

1921

1922

1923

1924

1925

1926

1927

1928

1929

1930

1931

1932

1933

1934

1935

1936

1937

1938

1939

1940

1941

1942

1943

1944

1945

1946

1947

1948

1949

1950

1951

1952

1953

1954

1955

1956

1957

1958

1959

1960

1961

1962

1963

1964

1965

1966

1967

1968

1969

1970

1971

1972

1973

1974

1975

1976

1977

1978

1979

1980

1981

1982

1983

1984

1985

1986

1987

1988

1989

1990

1991

1992

1993

1994

1995

1996

1997

1998

1999

2000

2001

2002

2003

2004

2005

2006

2007

2008

2009

2010

2011

2012

2013

2014

2015

2016

2017

2018

2019

2020

2021

2022

2023

2024

2025

2026

2027

2028

2029

2030

2031

2032

2033

2034

2035

2036

2037

2038

2039

2040

2041

2042

2043

2044

2045

2046

2047

2048

2049

2050

2051

2052

2053

2054

2055

2056

2057

2058

2059

2060

2061

2062

2063

2064

2065

2066

2067

2068

2069

2070

2071

2072

2073

2074

2075

2076

2077

2078

2079

2080

2081

2082

2083

2084

2085

2086

2087

2088

2089

2090

2091

2092

2093

2094

2095

2096

2097

2098

2099

2100

2101

2102

2103

2104

2105

2106

2107

2108

2109

2110

2111

2112

2113

2114

2115

2116

2117

2118

2119

2120

2121

2122

2123

2124

2125

2126

2127

2128

2129

2130

2131

2132

2133

2134

2135

2136

2137

2138

2139

2140

2141

2142

2143

2144

2145

2146

2147

2148

2149

2150

2151

2152

2153

2154

2155

2156

2157

2158

2159

2160

2161

2162

2163

2164

2165

2166

2167

2168

2169

2170

2171

2172

2173

2174

2175

2176

2177

2178

2179

2180

2181

2182

2183

2184

2185

2186

2187

2188

2189

2190

2191

2192

2193

2194

2195

2196

2197

2198

2199

2200

2201

2202

2203

2204

2205

2206

2207

2208

2209

2210

2211

2212

2213

2214

2215

2216

2217

2218

2219

2220

2221

2222

2223

2224

2225

2226

2227

2228

2229

2230

2231

2232

2233

2234

2235

2236

2237

2238

2239

2240

2241

2242

2243

2244

2245

2246

2247

2248

2249

2250

2251

2252

2253

2254

2255

2256

2257

2258

2259

2260

2261

2262

2263

2264

2265

2266

2267

2268

2269

2270

2271

2272

2273

2274

2275

2276

2277

2278

2279

2280

2281

2282

2283

2284

2285

2286

2287

2288

2289

2290

2291

2292

2293

2294

2295

2296

2297

2298

2299

2300

2301

2302

2303

2304

2305

2306

2307

2308

2309

2310

2311

2312

2313

2314

2315

2316

2317

2318

2319

2320

2321

2322

2323

2324

2325

2326

2327

2328

2329

2330

2331

2332

2333

2334

2335

2336

2337

2338

2339

2340

2341

2342

2343

2344

2345

2346

2347

2348

2349

2350

2351

2352

2353

2354

2355

2356

2357

2358

2359

2360

2361

2362

2363

2364

2365

2366

2367

2368

2369

2370

2371

2372

2373

2374

2375

2376

2377

2378

2379

2380

2381

2382

2383

2384

2385

2386

2387

2388

2389

2390

2391

2392

2393

2394

2395

2396

2397

2398

2399

2400

2401

2402

2403

2404

2405

2406

2407

2408

2409

2410

2411

2412

2413

2414

2415

2416

2417

2418

2419

2420

2421

2422

2423

2424

2425

2426

2427

2428

2429

2430

2431

2432

2433

2434

2435

2436

2437

2438

2439

2440

2441

2442

2443

2444

2445

2446

2447

2448

2449

2450

2451

2452

2453

2454

2455

2456

2457

2458

2459

2460

2461

2462

2463

2464

2465

2466

2467

2468

2469

2470

2471

2472

2473

2474

2475

2476

2477

2478

2479

2480

2481

2482

2483

2484

2485

2486

2487

2488

2489

2490

2491

2492

2493

2494

2495

2496

2497

2498

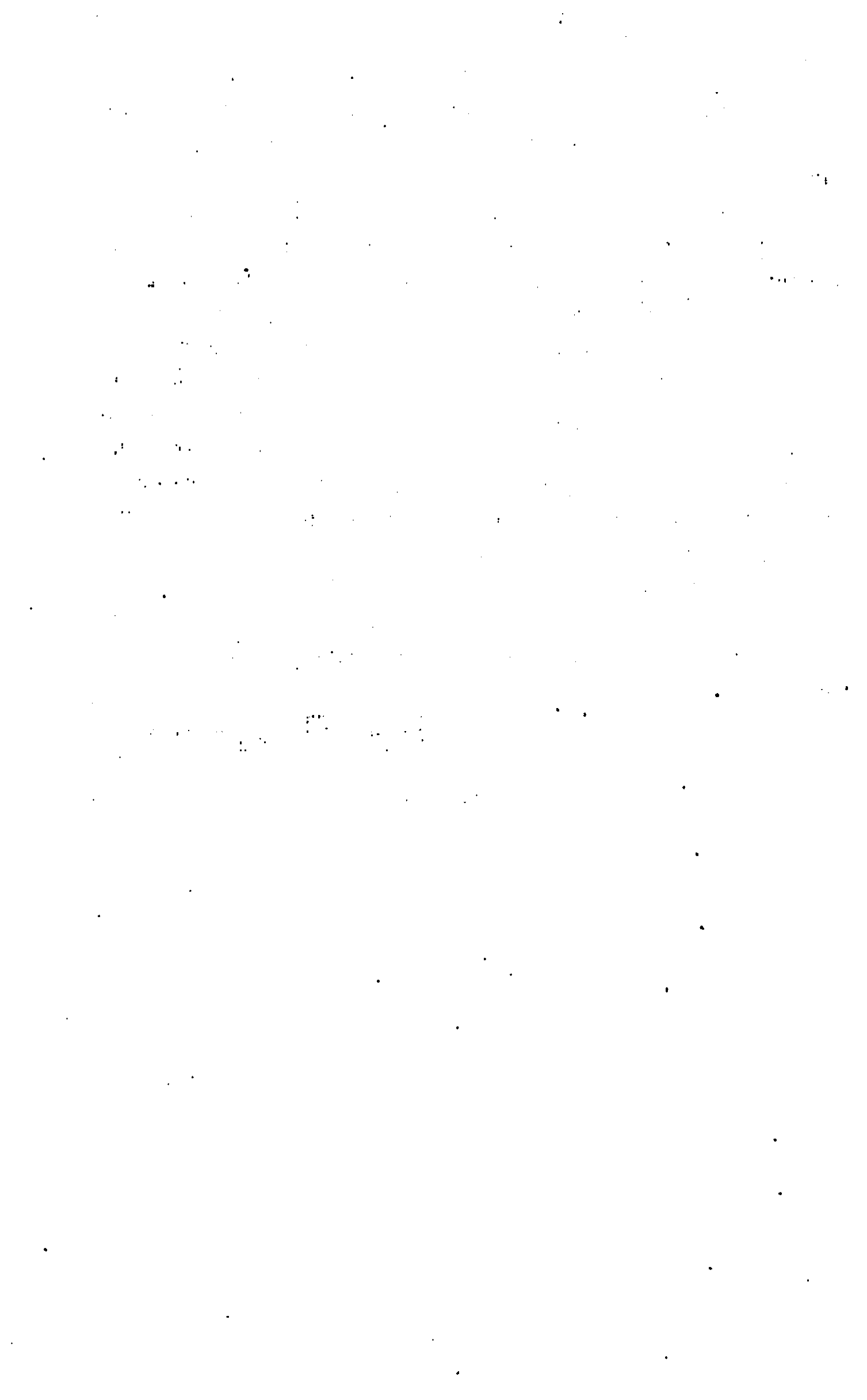
2499

2500

го зла самое дѣйствительное средство: *все то, что повелѣли или повелятъ римскіе папы* (даже и такіе, какъ развратный злодѣй Александръ VI), необходимо твердо содержать съ рѣшительнымъ убѣжденіемъ, а при нуждѣ и открыто исповѣдывать. Единство хотѣнія и однообразіе дѣйствій, говоритъ папа, „лучше всего достигается тогда, когда всѣ будутъ считать предписанія апостольскаго престола закономъ своей жизни“. Еще-бы! Въ мнѣніяхъ по политическимъ вопросамъ можетъ быть разногласіе. Имѣя это въ виду, папа запрещаетъ нападать на тѣхъ разномыслящихъ политиковъ, „которые имѣютъ добрую волю въ послушаніи принимать рѣшенія апостольскаго престола“. Впрочемъ, не бѣда, если кто и поспоритъ и даже поссорится съ такимъ политикомъ, — „виновные, говоритъ папа, снова могутъ исправиться... общимъ повиновеніемъ апостольскому престолу“. Однимъ словомъ, — послушаніе папѣ, повиновеніе апостольскому престолу, — *conditio sine qua non!*

Такова-то энциклика папы Льва XIII отъ 1 ноября прошлаго года! Удочка закинута ловко и далеко; да пойдеть-ли на нее ученая рыбка?...

Свящ. М. Буткевичъ

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ЭМПИРИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

2. Гносеологическимъ основаніемъ объективнаго идеализма служитъ критическій анализъ эмпирической дѣйствительности. Результатъ этого анализа заключается въ томъ, что всѣ тѣ чувственныя свойства, которыми характеризуется для насъ чувственная вещь въ нашемъ сознаніи,—цвѣтъ, звукъ, движеніе, величина и пр., при ближайшемъ анализѣ ихъ, разрѣшаются въ чисто субъективныя произведенія нашего я, такъ что, при уничтоженіи ихъ реальнаго значенія, отъ такъ называемой чувственной дѣйствительности, отъ внѣшняго міра не остается ровно ничего; овъ оказывается нашимъ только представленіемъ, феноменомъ нашего сознанія,—не болѣе. Критическій разборъ теоріи абсолютнаго идеализма показалъ намъ несостоятельность этого вывода и необходимость допустить реальное и независимое отъ насъ существованіе внѣшней, чувственной дѣйствительности. Но признаніемъ истины внѣшняго бытія не устраняется окончательно тотъ результатъ анализа эмпирическаго познанія, который служилъ исходнымъ началомъ идеализма. Положимъ, существуютъ внѣ насъ независимые отъ насъ чувственные предметы, и дѣйствуютъ на насъ; однако въ то же время, какъ показываетъ анализъ нашего представленія, все, что мы ни знаемъ о нихъ въ представленіяхъ, есть субъектив-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 года № 7.

ный продуктъ нашего духа, *наше* представленіе. Какъ примирить оба эти положенія и какое заключеніе мы должны вывести отсюда относительно эмпирической дѣйствительности? Единственно возможное заключеніе здѣсь, повидимому, одно: наши представленія суть дѣйствительно субъективныя произведенія нашего духа, но не имъ однимъ производимыя (какъ утверждаетъ абсолютный идеализмъ); они возникаютъ въ насъ по поводу дѣйствія на насъ дѣйствительныхъ, внѣ насъ находящихся предметовъ; но такъ какъ наше представленіе есть продуктъ нашей познавательной силы, то, очевидно, оно не можетъ дать намъ никакого понятія объ этихъ дѣйствительныхъ предметахъ; они намъ совершенно неизвѣстны. Такое заключеніе, представляющее единственно возможное, повидимому, примиреніе идализма и реализма, принадлежитъ той формѣ идеализма, которая носитъ названіе *субъективнаго идеализма* *), такъ какъ здѣсь не уничтожается самостоятельная реальность міра объективнаго, а только отрицается достовѣрность познанія о немъ. Родоначальникомъ и главнымъ представителемъ этого рода идеализма служить, какъ извѣстно, Кантъ.

Существованіе объективнаго внѣшняго міра для Канта—фактъ не подлежащій сомнѣнію. Измѣненія въ нашихъ чувственныхъ органахъ, не отъ насъ зависящія, но происходящія вслѣдствіе воздѣйствія на нихъ отъ внѣ и производящія разнообразіе нашихъ представленій, ясно показываютъ, что есть существующіе внѣ насъ предметы, служащіе причинами и мотивами нашихъ представленій. Но что такое эти предметы сами по себѣ—наше чувственное познаніе никогда не можетъ намъ сказать. Причина этому та, что наши чувственные воззрѣнія слагаются, такъ сказать, изъ двухъ элементовъ,—субъективнаго и объективнаго, нераздѣльно соединенныхъ между собою. Но въ итогѣ такого сложенія очевидно можетъ выйти не отраженіе предмета въ нашемъ сознаніи и не чисто субъективное произведеніе нашего я, но нѣчто среднее,—именно воззрѣніе, пред-

*) Иначе, ближе къ терминологіи Канта, онъ называется трансцендентальнымъ идеализмомъ.

ставленіе предмета, которое не выражаетъ истинной природы ни того, ни другого. Дѣйствительная же внѣшняя вещь остается для насъ недоступною; доступенъ для насъ лишь тотъ видъ ея, какъ она намъ кажется или является сообразно съ условіями нашего познанія, то есть явленіе вещи (феноменъ), а не вещь сама по себѣ (ноумень или Ding an sich). По самому свойству нашей природы мы не иначе, можемъ познавать предметы, какъ налагая на нихъ субъективныя формы нашего чувственнаго познанія, — формы пространства и времени. Другое существо, съ чувствами, созданными иначе, чѣмъ у насъ, можетъ представлять и предметы иначе, чѣмъ мы, — видѣть напр. ихъ не въ пространствѣ и времени, а какъ нибудь иначе. Такъ какъ формы нашего познанія составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ нашихъ представлений безъ исключенія, то въ обыкновенномъ словоупотребленіи мы конечно можемъ говорить о нашихъ представленіяхъ, какъ о самыхъ предметахъ, такъ какъ и всѣ люди представляютъ предметы также, какъ и мы. Но когда мы хотимъ говорить о вещахъ самихъ по себѣ, объ ихъ истинномъ, а не кажущемся бытіи, то должны остерегаться приписывать имъ признаки пространства, времени и т. п., какъ нѣчто дѣйствительно имъ принадлежащее.

Исходнымъ началомъ такого возрѣнія Канта на внѣшнюю дѣйствительность служитъ анализъ эмпирическаго познанія о ней. Но онъ оставляетъ въ сторонѣ тѣ чувственныя свойства вещей, которыя были главнымъ предметомъ этого анализа въ предшествовавшей ему философіи. Онъ обращаетъ исключительное вниманіе на тѣ главныя и коренныя формы чувственнаго бытія, которыхъ до него не осмѣливалась рѣшительно коснуться философія — пространство и время и съ разрушеніемъ объективнаго значенія которыхъ разомъ падала вся объективная истина нашихъ представлений о внѣшнемъ мірѣ, такъ что уже не было особенной нужды касаться для этой цѣли какихъ бы то ни было другихъ, менѣе всеобщихъ и необходимыхъ свойствъ чувственныхъ вещей. Поэтому и окончательная оцѣнка возрѣнія субъективнаго идеализма на внѣшнюю дѣйствительность существенно соединена съ критическимъ разбо-

ромъ его ученія о пространствѣ и времени, что составитъ самостоятельный предметъ нашего дальнѣйшаго изслѣдованія. Но и независимо отъ этого изслѣдованія въ общемъ ученіи субъективнаго идеализма о невозможности объективнаго знанія внѣшняго, чувственнаго міра, мы можемъ указать нѣкоторые существенные недостатки, свидѣтельствующіе о его несостоятельности.

Субъективный идеализмъ находитъ невозможнымъ объективное знаніе предметовъ внѣшняго міра на томъ основаніи, что въ каждомъ актѣ познанія о нихъ кромѣ объективнаго при-входитъ субъективный элементъ, который и препятствуетъ нашему представленію о вещахъ быть вѣрнымъ отображеніемъ самыхъ вещей.

Но при этомъ возникаетъ невольное недоумѣніе. Если всѣ наши представленія, въ силу входящаго въ нихъ субъективнаго элемента, не даютъ намъ вѣрнаго понятія о подлинномъ бытіи предметовъ, о вещахъ самихъ по себѣ, и если никакого другаго знанія о нихъ, кромѣ заключающагося въ представленіяхъ, мы не имѣемъ, то откуда мы можемъ знать, что есть какія-то вещи сами по себѣ, отличныя отъ представленій? На какомъ основаніи мы предполагаемъ существованіе такого рода вещей, если ничего не знаемъ и по условіямъ организаціи нашей познавательной способности и не можемъ знать о такомъ существованіи? Дѣйствительно, если-бы вѣрно было утвержденіе субъективнаго идеализма, что бытіе само по себѣ никоимъ образомъ намъ недоступно и что мы ограничены только субъективнымъ представленіемъ о немъ, то было бы совершенно не понятно, какимъ образомъ вообще мы могли-бы и говорить о какомъ-бы то ни-было реальномъ бытіи и о какомъ-бы то ни было представленіи его; то и другое сливалось-бы въ безразличіи. Противуположность между бытіемъ и представленіемъ не могла-бы для насъ существовать, но всѣ наши мысли и представленія были-бы для насъ чисто субъективными процессами безъ всякаго отношенія къ какому-бы то ни было противулежащему намъ (объективному) бытію. Если мы говоримъ и мыслимъ объ объектахъ, объ ихъ дѣйствительномъ, отличномъ отъ мыслимаго, бытіи, то это одно уже слу-

жить доказательствомъ, что это бытіе или объекты въ какомъ либо отношеніи достижимы для нашего познанія. Такимъ образомъ, постоянно существующее въ насъ, допускаемое и Кантомъ различеніе вещей самихъ по себѣ и вещей, какъ они намъ кажутся, — иначе, реального и феноменального бытія, уже показываетъ, что мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе о вещи самой по себѣ.

Далѣе, Кантъ не только различаетъ вещи сами по себѣ и явленія ихъ въ нашемъ сознаніи (представленія), но и противопоставляетъ ихъ въ томъ отношеніи, что представленія не соотвѣтствуютъ вещамъ и не даютъ истиннаго понятія о нихъ. Но чтобы имѣть право противопоставлять представленіе предмету самому по себѣ и говорить, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства, нужно сравнить ихъ между собою, слѣдовательно нужно знать не только представленіе, но и самый предметъ, какъ онъ есть самъ по себѣ независимо отъ нашего представленія. Но такое знаніе по Канту совершенно невозможно. слѣдовательно, по его теоріи, мы не имѣемъ права сказать, что представленіе не выражаетъ истины предмета.

Препятствіемъ представленію быть вѣрнымъ отображеніемъ предмета у Канта служитъ то, что въ немъ, какъ и вообще во всемъ нашемъ познаніи, примѣшанъ субъективный элементъ. Такимъ образомъ у него слово „субъективный“ означаетъ не только не происходящій отвнѣ, намъ принадлежащій, но гораздо болѣе, — не соотвѣтствующій дѣйствительности, не имѣющій истины самъ по себѣ. Кантъ думаетъ, что какъ скоро въ актѣ познанія есть субъективный элементъ, то этотъ элементъ, какъ не с отвѣтствующій истинѣ, дѣлаетъ и самый этотъ актъ, напямѣрь, представленіе, также не соотвѣтствующимъ истинному бытію вещей. Но на чемъ основана эта мысль? слѣдуетъ-ли изъ того, что извѣстный элементъ познанія не отъ предмета происходитъ (есть субъективный), что онъ не истиненъ, не можетъ имѣть ничего общаго съ предметомъ? Очевидно нѣтъ; названіе „субъективный“ ближайшимъ образомъ указываетъ только на способъ его происхожденія. Но происхожденіе не отъ объекта непосредственно, а отъ познавательной способности, само по себѣ еще не служитъ доказа-

тельствомъ его неистины. Очень можетъ быть, что этотъ субъективный элементъ совпадетъ съ объективнымъ, будетъ общимъ и познающему и познаваемому, и такимъ образомъ будетъ выраженіемъ истинно сущаго не только въ насъ, но и въ вещахъ. Это предположеніе (котораго не можетъ устранить теорія субъективнаго идеализма) и дѣйствительно оправдывается при ближайшемъ анализѣ того элемента, который Кантъ называетъ субъективнымъ. Этотъ анализъ покажетъ, что не только пространство и время, но и другія, не происходяція отъ чувствъ понятія разсудка (категорическія), не суть чисто субъективныя, то есть, въ смыслѣ Канта, не выражающія истиннаго бытія вещей, понятія, но имѣютъ и реальное значеніе, не искажаютъ предметовъ, къ которымъ прилагаются, но даютъ болѣе или менѣе точное познаніе о нихъ.

Что касается теперь до того болѣе, такъ сказать, спеціальнаго субъективнаго элемента, который входитъ въ составъ нашихъ представленій о вѣннемъ мірѣ и который состоитъ въ спеціальному отзвукѣ каждаго изъ нашихъ чувствъ на дѣйствіе вѣннихъ предметовъ (ощущенія звука, свѣта, обонянія и пр.), то никакъ нельзя сказать, чтобы этимъ элементомъ исчерпывалось все содержаніе нашего представленія о вещахъ и чтобы на долю элемента объективнаго приходилось лишь скудное, неопредѣленное сознаніе, что на насъ дѣйствуетъ какое-то неизвѣстное x , вызывающее въ насъ тотъ или другой субъективный феноменъ. Если-бы вѣнние объекты были для насъ только безразличными мотивами разнообразныхъ феноменовъ чувственно-познавательной силы, то для насъ было бы безразлично воспринимать отвѣ данный матеріалъ въ той или другой формѣ чувственнаго возрѣнія, представлять предметы въ формѣ видимой, слышимой, осязаемой и пр.; по крайней мѣрѣ разнообразіе впечатлѣній, та или иная группировка ихъ зависѣла-бы отъ какого-либо внутренняго, субъективнаго закона нашей чувственно-познавательной способности. Но на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ опытъ, этого нѣтъ; такія или иныя представленія принудительно вызываются въ насъ дѣйствіемъ вѣннихъ предметовъ и никакого внутренняго закона ихъ появленія и разнообразія мы не знаемъ. Да и дѣйствитель-

но, относя все чувственное содержаніе нашего представленія, за исключеніемъ дѣйствія предмета, къ субъекту, мы не можемъ и представить сколько-нибудь вѣроятнаго, рациональнаго объясненія, почему именно наше простое и единое само въ себѣ я необходимо представляетъ себѣ это дѣйствіе въ разнообразныхъ формахъ чувственнаго воззрѣнія, почему именно въ тѣхъ, а не другихъ формахъ, и отъ чего происходитъ призракъ безусловной зависимости этихъ формъ и частныхъ представлений отъ внѣшнихъ причинъ, съ совершеннымъ исчезновеніемъ какого-либо сознанія о происхожденіи ихъ отъ насъ самихъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ представленіе наше о предметѣ входитъ гораздо болѣе объективнаго элемента, чѣмъ сколько допускаетъ теорія субъективнаго идеализма, и что поэтому о дѣйствительныхъ предметахъ (вещахъ самихъ по себѣ) мы можемъ знать гораздо больше, чѣмъ только то, что они суть внѣшніе мотивы нашихъ представлений. То самое, что мы называемъ дѣйствіемъ предмета на насъ, какія-бы субъективныя явленія ни вызывало оно въ нашей душѣ, какъ сознаваемое нами дѣйствіе *предмета*, какъ прираженіе его нашей душѣ, оставляющее въ ней *свой* слѣдъ,—впечатлѣніе, какъ явленіе его дѣйствующей силы, есть уже нѣчто отъ самаго предмета, слѣдовательно—нѣчто объективное. И при томъ, принудительность разнообразныхъ ощущеній и представлений показываетъ, что это дѣйствіе есть не простой, однообразный толчекъ для возбужденія нашей представительной силы, но очень разнообразныя *дѣйствія*, оставляющія различныя объективные слѣды въ нашемъ представленіи, дающіе возможность знанія дѣйствительныхъ свойствъ вещей и ихъ дѣйствительныхъ различій. Итакъ, какъ скоро мы признали дѣйствіе на насъ внѣшнихъ объектовъ, мы должны признать и то, что знаемъ о нихъ больше, чѣмъ то только, что они суть неизвѣстные поводы, возбуждающіе игру нашей познавательной способности.

Но положимъ, въ нашихъ представленіяхъ о внѣшнихъ предметахъ есть и объективный элементъ. Но онъ, говорятъ защитники теоріи субъективнаго идеализма, такъ слить, сплавленъ съ субъективнымъ, что нѣтъ никакой возможности вы-

дѣлать его и узнать, слѣдовательно, что принадлежитъ вещи самой по себѣ и что намъ ¹⁾. Но на чемъ основана эта мысль о безусловной нераздѣлимости для знанія обоихъ элементовъ? Это одно только предположеніе, ни чѣмъ не доказанное. Опытъ напротивъ показываетъ, что при помощи научнаго, конечно, анализа мы можемъ въ нашихъ представленіяхъ отдѣлять объективную сторону отъ субъективной и составлять понятія о вещахъ не только, какъ онѣ намъ кажутся, но и какъ суть на самомъ дѣлѣ. Глазъ, напримѣръ, на основаніи субъективныхъ законовъ зрѣнія, представляетъ солнце движущимся по горизонту, а землю неподвижною, сводъ неба куполообразнымъ, звѣзды несравненно меньшаго размѣра, чѣмъ, напримѣръ, луна и т. п. Но мы при помощи науки нашли-же средства узнать о субъективности этихъ представленій и понять, какъ эти предметы существуютъ сами по себѣ, независимо отъ тѣхъ формъ, какія налагаются на нихъ оптическими законами нашего зрѣнія. Далѣе, всѣ представленныя нами прежде факты анализа чувственнаго познанія, что въ сущности выражаютъ, какъ не возможность для знанія отдѣлять субъективный и объективный элементы въ нашихъ представленіяхъ? Когда мы говоримъ, что звукъ нами слышимый условливается нашимъ слухомъ, а самъ по себѣ есть колебаніе или дрожаніе волнъ воздуха,—когда мы говоримъ, что вкусъ есть наше субъективное ощущеніе, а на самомъ дѣлѣ есть только химическое различіе тѣлъ, и т. п., то что этимъ выражаемъ, какъ не отличеніе вещей, какъ онѣ на самомъ дѣлѣ суть, отъ того, какъ онѣ намъ кажутся? Да и самъ Кантъ нашелъ-же средство выдѣлать изъ такъ называемой имъ матеріи представленій чистый субъективный элементъ (напримѣръ: пространство, время, категорическія понятія); отчего же, если мы можемъ знать этотъ элементъ самъ по себѣ, не можемъ знать и того остатка, который оказался за выдѣленіемъ этого элемента,—того, что составляетъ объективную часть представленія? Изъ всего этого видно, что несправедлива мысль, будто мы должны вращаться постоянно въ

¹⁾ О невозможности выдѣлать объективный элементъ изъ субъективнаго, см. Beneke, *Metaph.* 95 et sq.

заколдованномъ кругу нашихъ субъективныхъ представленій безъ всякаго выхода изъ нихъ къ дѣйствительнымъ вещамъ.

Но если основное положеніе Канта о смѣшеніи въ нашемъ чувственномъ познаніи субъективнаго и объективнаго элементовъ не даетъ еще намъ права дѣлать выводъ о полной субъективности нашего познанія и о невозможности знать дѣйствительные предметы, то еще менѣе дозволяетъ дѣлать такой выводъ общая идея нашего знанія и цѣль его. Въ этомъ отношеніи противорѣчіе нашему не только обыденному, но и научному сознанію, есть самая слабая сторона теоріи Канта, тѣмъ болѣе слабая, что онъ даже не позаботился объяснить и оправдать такое противорѣчіе. Всѣ наши научныя познанія и изслѣдованія основываются на томъ неискоренимомъ убѣжденіи, что познавая мы познаемъ нѣчто дѣйствительно существующее, предметы, какъ они на самомъ дѣлѣ суть. Откуда въ насъ происходитъ такое убѣжденіе? Думать, что оно есть не болѣе, какъ самообольщеніе, значитъ пролагать дорогу самому рѣшительному скептицизму. Увѣренность въ соответствіи нашего познанія о внѣшнемъ мірѣ дѣйствительности есть движущій нервъ всякаго эмпирическаго познанія. Отсѣките этотъ нервъ, увѣрьтесь, что мы напрасно думаемъ, будто въ познаніи о предметахъ мы познаемъ предметы, а не самихъ себя, не разнообразную игру нашихъ субъективныхъ формъ познанія,—и познаніе рушится; наука станетъ не знаніемъ о вещахъ, но нашимъ только мнѣніемъ о нихъ.

Дѣйствительно, нельзя не видѣть, что субъективный идеализмъ, послѣдовательно проведенный, долженъ придти къ тому же результату, какъ и абсолютный скептицизмъ,—и замѣчательно, что этотъ результатъ составляетъ совершенную противоположность той цѣли, которую имѣлъ въ виду Кантъ въ своей Критикѣ чистаго разума. Его цѣль, на которую онъ не разъ указываетъ, была та, чтобы рѣшительнѣе и основательнѣе, чѣмъ было сдѣлано до него, опровергнуть сомнѣнія Юма, направленные какъ противъ дѣйствительности причинной связи, такъ и вообще противъ достовѣрности нашего познанія. Но достигъ-ли онъ этой цѣли при помощи своей теоріи познанія? Не только нѣтъ, но напротивъ въ сравненіи съ выводами Канта

мнѣнія Юма могутъ считаться болѣе скромнымъ и умѣреннымъ скептицизмомъ. Юмъ утверждалъ только то, что мы не можемъ имѣть *полной увѣренности* въ дѣйствительности причинной связи и основаннаго на ней познанія о внѣшнемъ мірѣ. На этомъ онъ и останавливается; онъ оставляетъ открытою возможность, что вещи сами по себѣ могутъ и такъ существовать, какъ намъ кажутся, и что мыслимая нами причинная связь есть дѣйствительная; онъ говоритъ только, что мы не въ состояніи съ несомнѣнностью убѣдиться въ томъ. Но въ Кантовой теоріи самая возможность эта совершенно уничтожена. Какъ скоро отвергнута объективность представленій о пространствѣ и времени, о причинной связи и т. п., какъ скоро этимъ представленіямъ приписано рѣшительно субъективное значеніе, то оказывается совершенно невозможнымъ и не мыслимымъ какое-либо познаніе дѣйствительныхъ вещей. Незваніе реальнаго, которое у Юма выступаетъ въ видѣ мнѣнія, скептическаго недоумѣнія, у Канта возводится въ систему и скептицизмъ Юма остается не только не опровергнутымъ, но, напротивъ, получаетъ новую опору и подтвержденіе.

Дѣйствительно, самый рѣшительный скептикъ можетъ быть вполне удовлетвореннымъ тѣмъ, что даетъ критическая философія и не потребуеъ ничего больше. Никакой скептикъ не думаетъ сомнѣваться въ существованіи явленій (феноменовъ), какъ явленій; онъ сомнѣвается только или отрицаетъ соотвѣтствіе этихъ явленій съ дѣйствительными вещами. Но такого рода сомнѣніе уничтожаетъ возможность знанія; нѣтъ никакого познанія, если нѣтъ предметовъ, которые познаются при помощи его; познаніе—пустое слово, если оно не есть познаніе реальныхъ вещей. Но такъ какъ критическая философія отрицаетъ возможность такого познанія и не только въ отношеніи къ внѣшнимъ предметамъ, но и въ отношеніи къ нашему собственному духу и Божеству, то здѣсь скептицизмъ достигаетъ до самой высшей точки, до какой только можетъ достигнуть. Если все наше знаніе относится только къ явленіямъ, то оно не заслуживаетъ имени знанія ¹⁾.

¹⁾ Beneke, System. d. Metaph. 10—13.

III.

Критическій разборъ двухъ противоположныхъ воззрѣній на эмпирическую дѣйствительность,—матеріализма и идеализма, показалъ ихъ несостоятельность. Теперь намъ остается подвести итоги этого разбора и, на основаніи анализа чувственного познанія, представить общіе выводы, касающіеся какъ самага чувственного бытія, такъ и познанія о немъ.

1. Критика идеализма привела насъ къ несомнѣнному убѣжденію въ самостоятельномъ существованіи внѣшняго и отъ насъ существенно отличнаго бытія, которое по способу его познанія, при помощи внѣшнихъ чувствъ, мы называемъ чувственнымъ, по противоположности нашей духовной природѣ—матеріальнымъ. Критика матеріализма показала намъ, что это матеріальное бытіе не есть однако-же единственно истинно сущее бытіе, что ва ряду съ нимъ самостоятельно существуетъ бытіе не матеріальное. Итакъ, какъ несостоятельность указанныхъ одностороннихъ воззрѣній на чувственное бытіе, такъ и самый анализъ эмпирическаго познанія о немъ, въ которомъ очевидно выступаютъ два противоположные элемента—субъективный и объективный, духовный и чувственный, внутренній и внѣшній, ведутъ насъ къ признанію двухъ видовъ сущаго, съ равными правами на самостоятельное существованіе.

Въ виду этого, столь, повидному, простаго и всегда утверждаемаго и признаваемаго нефилософскимъ сознаніемъ результата, невольно возникаетъ вопросъ, чѣмъ объяснить появленіе и устойчивость въ исторіи философіи столь противорѣчащихъ общему сознанію воззрѣній на эмпирическую дѣйствительность, какъ матеріалистическое и идеалистическое? Конечно, касаясь этого вопроса, мы оставимъ въ сторонѣ причины второстепенныя и частныя, имѣвшія вліяніе на возникновеніе или преобладаніе матеріализма или идеализма въ ту или другую эпоху философіи, — таковы, на примѣръ, общій духъ времени, увлекавшій умы то къ познанію и изученію матеріальной, то идеальной стороны бытія, недовольство какимъ-либо предшествовавшимъ одностороннимъ направленіемъ философіи, вызывавшимъ не менѣе одностороннюю реакцію, нравственные и соціальныя

мотивы, склонявшіе и философовъ, какъ носителей духа своего времени, на сторону идеализма или матеріализма, умственные и нравственные личныя ихъ особенности и проч. Такъ какъ и идеализмъ и матеріализмъ возникаютъ постоянно въ различныя времена въ исторіи философіи, то нужно предположить, что помимо указанныхъ второстепенныхъ причинъ должна быть какая-нибудь главная и общая, зависящая отъ какой-либо коренной потребности философскаго знанія, которая, будучи неудовлетворенною общимъ признаніемъ одинаковой реальности какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго бытія, ищетъ выходъ по двумъ противоположнымъ направленіямъ, жертвуя то однимъ, то другимъ изъ этихъ видовъ сущаго.

Обращая вниманіе на гносеологическій характеръ какъ идеализма, такъ и матеріализма, въ сравненіи съ характеромъ обыкновеннаго сознанія, находимъ, что причина происхожденія обоихъ направленій одна и таже, не смотря на ихъ радикальную противоположность. Именно, вопреки обыкновенному сознанію, которое признаетъ какъ матеріальное, такъ и духовное бытіе, и матеріализмъ и идеализмъ признаютъ *одно* только бытіе истинно существующимъ, — первый вещественное, второй — духовное. Итакъ можно сказать, что главная и коренная причина обоихъ направленій есть стремленіе разума къ единству бытія, къ отысканію единой коренной сущности и начала всего существующаго. Болѣе глубокому, философскому мышленію противенъ тотъ ничѣмъ не примиренный дуализмъ, который, повидимому, господствуетъ въ непосредственномъ сознаніи. Какъ въ знаніи разумъ высшимъ идеаломъ своимъ ставитъ такое знаніе, которое исходило-бы изъ одного основнаго начала и представляло-бы собою стройное цѣлое, вытекающее изъ одного основанія; такъ и въ дѣйствительности разумъ старается возвести разнообразіе явленій къ одной сущности или къ одной причинѣ, которая служила-бы ихъ основаніемъ. Но такъ какъ о сущности бытія мы можемъ судить только путемъ умозаключеній отъ явленій къ ихъ причинѣ, а явленія въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, представляются двойственными и противоположными, то неудивительно, что философская мысль приходила къ двумъ противоположнымъ возрѣніямъ на сущ-

ность бытія, — матеріалистическому или идеалистическому, судя по тому, на какой классъ явленій предпочтительно было устремлено вниманіе мыслителей.

Такимъ образомъ въ основѣ двухъ противоположныхъ направленій мышленія лежитъ необходимое и въ существѣ своемъ вѣрное требованіе разума, — требованіе единства міросозерцанія. Но въ тоже время несостоятельность и внутреннее противорѣчіе обоихъ направленій показало намъ, что осуществленіе такого требованія тѣмъ путемъ, который часто избирали философы, оказалось неудачнымъ. Примиреніе кажущагося противорѣчія въ общемъ сознаніи, уничтоженіе дуализма оказалось возможнымъ только подъ условіемъ вассильственнаго уничтоженія въ мышленіи одной какой-либо изъ равноправныхъ и одинаково существенныхъ сторонъ бытія. Какая-же причина такой неудачи законнаго, повидимому, стремленія разума къ единству міросозерцанія? Обманывается ли здѣсь разумъ, считая законнымъ стремленіе мечтательное и потому самому не осуществимое? Не должны-ли мы остановиться на томъ дуализмѣ духа и матеріи, о которомъ свидѣтельствуетъ намъ и наше непосредственное сознаніе и ближайшій анализъ фактовъ дѣйствительности? Или по существу своему это стремленіе свести къ единству два противоположные вида бытія справедливо, но только путь къ достиженію этой цѣли былъ выбранъ невѣрно? Но съ первымъ предположеніемъ мы согласиться не можемъ въ виду кореннаго требованія нашего философскаго мышленія, столь настойчиво выражаемаго во всей его исторіи. При томъ-же и опытъ показываетъ, что духовная и матеріальная стороны бытія до такой степени тѣсно связаны между собою въ составѣ общаго міроваго бытія, до такой степени условливаютъ собою взаимную связь и отношеніе различныхъ предметовъ міра, образуя изъ нихъ единую, цѣлостную и гармоническую вселенную, что невозможно допустить, чтобы въ основѣ міроваго бытія лежали два безусловно отличныя, независимыя другъ отъ друга, противоположныя начала. Дуализмъ духа и матеріи необходимо долженъ быть примиренъ въ какомъ-либо общемъ объединяющемъ и связывающемъ ихъ началѣ. Итакъ, если ничего нельзя сказать противъ законности цѣли какъ иде-

ализма, такъ и матеріализма, — примирить дуализмъ явленій въ мірѣ чрезъ выведеніе ихъ изъ одного начала, то очевидно остается думать, что средство, выбранное ими для достиженія этой цѣли, было неудачно. Неудача эта заключалась въ томъ, что начала объединяющаго обѣ стороны міроваго бытія разумъ искалъ въ самомъ-же міровомъ бытіи, въ какой-либо изъ сторонъ его, — духовной или матеріальной. Но такъ какъ та и другая сторона, не смотря на тѣсную связь, представляли однако-же непримиримыя, повидимому, противоположныя свойства и не могли быть выведены одна изъ другой, то естественно, что достигнутый такимъ образомъ монизмъ міросозерцанія оказался ложнымъ и несостоятельнымъ; для достиженія его нужно было, вопреки сознанію и опыту, пожертвовать цѣлою стороною бытія въ пользу другой. Избѣгнуть этого недостатка мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если объединяющаго начала духовной и матеріальной сторонъ бытія мы будемъ искать не въ нихъ самихъ, а выше ихъ; не въ мірѣ, представляющемъ дуализмъ духа и матеріи, а внѣ міра, въ Существо въ высочайшемъ и совершеннѣйшемъ, отличномъ отъ міра. Съ признаніемъ такого Существа, которое не можетъ быть простою только субстанціею міровыхъ явленій, духовною-ли то или физическою, но вышею ихъ *творческою* причиною, легко можно будетъ согласить, такъ называемый, дуализмъ духа и матеріи, потому что этотъ дуализмъ не будетъ непримиримымъ раздвоеніемъ его собственной природы, но *положеннымъ* имъ различіемъ двухъ основныхъ началъ условнаго бытія, которое именно въ силу самой своей условности и ограниченности должно носить не только внѣшнее ограниченіе въ своемъ отличіи отъ Существа высочайшаго, но и внутреннее самоограниченіе въ различіи своихъ сторонъ. Но самоограниченіе двухъ сторонъ бытія не есть ихъ взаимоисключеніе и противорѣчіе; та и другая стороны взаимно условливаютъ другъ друга и находятъ высшее свое единство въ единой высочайшей Первопричинѣ бытія. Такимъ образомъ, съ признаніемъ отличнаго отъ міра высочайшаго Существа, мы вмѣсто субстанціального монизма, который лежитъ въ основѣ одностороннихъ воззрѣній матеріализма и идеализма, получаемъ монизмъ трансцендентальный,

гдѣ объединяющее начало возвышается надъ областью бытія условнаго, и съ которымъ удобно можетъ быть соглашенъ подчиненный дуализмъ духа и матеріи, о которомъ свидѣтельствуеетъ сознание и опытъ.

2. Но если реальное существованіе чувственнаго міра есть фактъ вполне несомнѣнный и вполне согласимый какъ съ анализомъ чувственнаго познанія, такъ и съ высшимъ метафизическимъ требованіемъ единства начала бытія, то гораздо, повидимому, труднѣе согласить съ результатами этого анализа объективность нашего *познанія* объ этомъ мірѣ. Что, не смотря на данныя этого анализа, извѣстная объективность эмпирическаго познанія должна быть допущена, что мы о внѣшнихъ предметахъ должны знать гораздо больше, чѣмъ какъ о простыхъ и совершенно неизвѣстныхъ намъ мотивахъ чувственныхъ представленій, къ этому заключенію привела насъ критика субъективнаго идеализма. Теперь вопросъ въ томъ, *до какой степени* простирается эта объективность? Потому что очевидно, полною и безусловною въ томъ смыслѣ, что въ нашей способности представленія вещи отражаются, какъ въ зеркалѣ, она быть не можетъ; анализъ представленія съ несомнѣнною убѣдительною, предъ которою долженъ былъ уступить и самый матеріализмъ, показалъ намъ присутствіе въ нашемъ представленіи субъективнаго элемента.

Отсюда видно, что для того, чтобы ближе опредѣлить ту объективность чувственнаго познанія, на общее признаніе которой дала намъ право критика субъективнаго идеализма, мы должны точнѣе разграничить и различить, по отношенію къ ихъ субъективному или объективному характеру, тѣ чувственные свойства вещей, о которыхъ даетъ намъ знать наше эмпирическое познаніе. Потому что очевидно теперь, что то общее и огульное признаніе всѣхъ чувственныхъ свойствъ вещей чисто субъективными, которое допускаетъ идеализмъ, не смотря на то, что оно, повидимому, опирается на результаты анализа представленія, не можетъ быть признано состоятельнымъ уже потому самому, что уничтоженіе всего объективно-познаваемаго въ представленіи о внѣшнемъ мірѣ, за уничтоженіемъ истины всѣхъ его свойствъ, привело-бы къ отрицанію не толь-

---

ко познанія, во и самаго бытія міра, какъ самостоятельно сущаго объекта. Если-же въ этомъ отрицѣніи реального характера всѣхъ чувственныхъ свойствъ идеализмъ основывается на результатахъ критическаго анализа представленій, то онъ или неправильно понимаетъ эти факты, или выводитъ изъ нихъ заключенія, на которыя онъ не даетъ права.

В. Кудрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ОТКРОВЕНІЮ.

(Продолженіе *).

88. Если природа представляет собою выраженіе понятій, то естественно, что различныя существа природы распадаются на нѣсколько классовъ, родовъ или видовъ, соотвѣтственно выражаемымъ ими понятіямъ. Отсюда естественно вытекаетъ потребность классификаціи, которую очень ясно выразилъ уже Сократъ, рекомендуя распредѣлять предметы по родамъ ихъ. Платонъ представилъ такую классификацію въ Тимеѣ, описывая происхожденіе различныхъ видовъ существъ природы. Естественно-научныя классификаціи Аристотеля справедливо дѣлаютъ его отцемъ естественно-исторической систематизаціи явленій природы. Самыя начала или стихіи бытія, признаваемые этими философами, въ сущности были лишь высшими принципами классификаціи и потому сами представляли раздѣленіе бытія на виды. Но такъ какъ такой классификаціи невозможно сдѣлать, не дѣлая сравненія съ самимъ собою, какъ было показано выше, въ § 59, то всѣ означенные мыслители должны были необходимо въ основаніе своего представленія о различныхъ родахъ и классахъ существъ природы положить сравненіе ея съ человѣкомъ, которое-бы выясняло сходныя и отличительныя черты между внѣшнимъ обрѣзающимъ насъ міромъ и человѣческою природою вообще. Такое сравненіе долж-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 8.

но было вести прежде всего къ тому, что человѣкъ относится къ разряду существъ тѣлесныхъ, рождающихся и умирающихъ,— словомъ, относится къ существамъ смертнымъ, которыя ему подобны своимъ тѣлеснымъ составомъ. Но оно-же должно было выяснитъ, что въ человѣкѣ есть сторона, которая отличаетъ его отъ чисто тѣлесныхъ и смертныхъ предметовъ и ставитъ въ разрядъ существъ совсѣмъ другаго рода, которымъ свойственна душа, какъ отличное отъ тѣла начало. Сократъ, Платонъ и Аристотель дѣйствительно душу считали началомъ не только отличнымъ отъ тѣла по существу, но и господствующимъ надъ нимъ. Такое отличное отъ тѣла начало свойственно не одному человѣку, но и всѣмъ живымъ существамъ. Сократъ, Платонъ и Аристотель приписывали душу всѣмъ живымъ существамъ. Такое сравненіе должно было выяснитъ, что человѣкъ можетъ быть отнесенъ во-первыхъ къ разряду тѣлъ, во-вторыхъ къ разряду живыхъ существъ, въ третьихъ къ разряду существъ разумныхъ, потому что человѣкъ имѣетъ тѣло (σῶμα), въ тѣлѣ—душу (ψυχή), въ душѣ—разумъ (νοῦς) или духъ. Уже Сократъ различалъ всѣ эти три начала въ человѣкѣ. Тѣло само по себѣ, по мнѣнію Сократа, есть цѣлесообразно устроенное изъ стихій орудіе души. Душа есть правительница (κορία) тѣла¹⁾, т. е. начало движущее и одушевляющее тѣло, которому свойственно въ этомъ состояніи наслажденіе и ощущеніе. Но кромѣ ощущенія у насъ есть еще вложенное въ насъ мышленіе (τὸ λογισμὸν), или разумъ, посредствомъ котораго мы судимъ (λογίζομενοι) о предметахъ ощущенія (αἰσθανόμεθα) и достигаемъ истиннаго знанія (ἐπιστήμη) черезъ понятія. Это истинное знаніе въ сущности и есть настоящій правитель человѣческой души у Сократа, ибо незнающіе не могутъ дѣлать того, чего не знаютъ, а знающіе не могутъ не дѣлать того, что знаютъ. Душа и разумъ насаждены въ тѣло божествомъ²⁾ и потому душа наиболѣе всего въ насъ причастна божеству (τοῦ θεοῦ μετέχει)³⁾ Подобно Сократу Платонъ

¹⁾ Xenoph. Memor. 1, 4, 9.

²⁾ Ibid. I, 4, 13.

³⁾ Ibid. IV, 3, 14.

видитъ въ человѣческомъ тѣлѣ прекрасно устроенное изъ стихій жилище души, въ которое она облечена и въ которое она посажена, какъ въ колесницу ¹⁾. Сама душа есть могущее само себя двигать движеніе (*ἡ δυνάμενη αὐτὴ αὐτὴν κινεῖν κίνησις*) ²⁾, выражающееся, какъ механическая дѣятельность, въ пространственно - временныхъ математическихъ опредѣленіяхъ. Но въ самой душѣ Платонъ различаетъ двѣ части (*μοῖροι*): разумную (*τὸ λογιστικόν*), которой свойственно созерцаніе идей, и неразумную (*ἄλογον*), или стремленіе, которому свойственно пожеланіе. Первая бессмертна, вторая смертна. Въ стремленіи онъ опять различаетъ двѣ части: раздражительность (*θυμός*), выражающуюся въ стремительныхъ аффектахъ, и вожделѣніе (*ἐπιθυμία*), выражающееся въ жадѣ чувственныхъ удовольствій (*φιλοχρήματον*) ³⁾. Вожделѣнію соотвѣтствуетъ ощущеніе, раздражительности — правильное мнѣніе, уму — знаніе. Сущность души Платонъ, слѣдовательно, могъ видать только лишь въ умѣ ⁴⁾, къ которому низшія стремленія присоединяются лишь впоследствии, предъ вступленіемъ божественной части въ тѣло ⁵⁾. Бессмертная часть, имѣя жизнь и движеніе въ себѣ и черезъ себя, въ сущности должна представляться безъ начала и безъ конца ⁶⁾, но таковъ въ собственномъ смыслѣ божественный умъ, остальные-же умы рождены и произведены, созданы Богомъ. Платонъ различаетъ три части или вида (*εἶδη*) души, изъ коихъ умъ есть часть бессмертная, божественная и господствующая (*ἡγεμονοῦν*) ⁷⁾, ибо знаніе есть крѣпчайшая изъ силъ, а двѣ другія части — смертныя, соединенныя съ животнымъ организмомъ и подчиненныя, хотя иногда и увлекающія умъ въ область низшихъ стремленій. Мы видимъ, слѣдовательно, что Платонъ, подобно Сократу, тѣло считалъ просто машиноподобнымъ орудіемъ души, которымъ она распоряжается,

¹⁾ Тим. 69 с. 41 е.

²⁾ Зак. 896 а. Федръ 245 с.-е.

³⁾ Респ. IV, 435—441; Тим. 69—70.

⁴⁾ Филебъ, 22 с.

⁵⁾ Тим. 69 с.

⁶⁾ Федръ 245—246 d.

⁷⁾ Тим. 41. С.

какъ кучеръ колесницей. Здѣсь, слѣдовательно, выступаетъ дуалистическій взглядъ на природу человѣка (который въ послѣдствіи развивался картезіанскою философіей). Этотъ дуализмъ, который болѣе всего обнаруживался въ противоположеніи тѣлу ума или духа, Платонъ старался примирить допущеніемъ низшей стороны души, которая соединяла-бы эти два противоположныхъ элемента. Для этого онъ вкладываетъ разумную душу въ неразумную душу и помѣщаетъ эту душу въ тѣло. Но этимъ въ сущности дуализмъ не уничтожается, ибо низшая душа остается лишь простымъ членомъ между двумя противоположными сущностями: матеріальными элементами тѣла и бессмертнымъ духомъ. Этотъ дуализмъ отчасти преодолеваетъ Аристотель, хотя и онъ полагаетъ, что животныя, въ томъ числѣ и человѣкъ, движутся душою, побуждаемая ощущеніемъ, воображеніемъ или умомъ, — совершенно какъ автоматы ¹⁾. По его мнѣнію тѣло есть матерія, а душа форма, движущая эту матерію, но сама неподвижная. Какъ форма, она составляетъ цѣль тѣла, а тѣло только орудіе души, которое сообразовано съ этою цѣлью, т. е. есть существо органическое. Она, слѣдовательно, сила опредѣляющая его строеніе или первая энтелехія органическаго естественнаго тѣла ²⁾. Она не можетъ существовать безъ тѣла, но сама не составляетъ тѣла, которое есть лишь страдательный элементъ, переводимый ея дѣятельностію изъ возможности въ дѣйствительность. (подобно тому какъ у Лейбница дѣятельная сила монады, хотя и отлична отъ страдательной, дающей начало матеріи, но не отдѣлима отъ нея ³⁾). Можно сказать, что у Аристотеля тѣло какъ-бы имманентно душѣ. Это однако не препятствуетъ Аристотелю различать, подобно Платону, три рода души: питающую, ощущающую и мыслящую, выдѣляющую изъ чувственныхъ представленій понятія. Для питающей матерію составляетъ тѣло, для чувствующей питающая, для разумной чувствующая душа.

¹⁾ Arist. de motione anim. VII 56; особ. X, 7. Cp. Leibniz, Principes de la nature et de la grace, 3: Monadol. 64.

²⁾ Arist. De An. II. 1, 56; I, 5.

³⁾ Leibniz, Examen des principes du p. Malebranche, 694 p. Cp. De ipsa natura, 11, стр. 157. Monadol. 73. Lettre à Bourguet, стр. 719.

Но въ разумной душѣ или мыслящей есть два элемента: страдательный или возможный, насколько онъ относится къ низшей сторонѣ жизни, которому свойственно возстановленіе (τὸ πάντα γίνεσθαι) и потому съ уничтоженіемъ этого отношенія уничтожающійся и потому смертный,—и дѣятельный, состоящій въ мышленіи мышленія (νόησις νοήσεως) ¹⁾, которому свойственно творчество (τῷ πάντα ποιῆν), который этотъ страдательный переводитъ изъ состоянія возможности въ дѣйствительность подобно свѣту, который творитъ дѣйствительность цвѣтовъ для глаза изъ ихъ возможности ²⁾. Этотъ дѣятельный бессмертный умъ есть какъ-бы энтелехія энтелехій, ими управляющая (подобно центральной монадѣ Лейбница). Онъ есть нематеріальная форма формы и потому есть энергія отдѣльная отъ тѣла (χωριστος). Между тѣмъ какъ питающая, образующая зародышъ, и чувствующая энтелехія, просоединяющаяся впоследствии, происходятъ отъ подобныхъ-же энтелехій отца, умъ входитъ отъ нѣ (ἄραθεν), присоединяясь къ этимъ душамъ и происходитъ отъ Самого Бога ³⁾. Поэтому умъ (νοῦς) есть божественное (θεῖον) начало въ человѣкѣ. Такимъ образомъ и Аристотель, признавая различіе между душами, долженъ былъ сохранить различіе между душою и тѣломъ. По его мнѣнію тѣло есть какъ-бы городъ, въ которомъ каждая часть дѣйствуетъ самостоятельно, а душа какъ-бы правитель, который даже не имѣетъ нужды дѣйствовать на каждую часть непосредственно (у Лейбница ученіе о центральной монадѣ и сравненіе съ прудомъ) ⁴⁾. Мы видимъ, слѣдовательно, что всѣ эти мыслители признаютъ, что душа есть нѣчто отличное отъ тѣла или инородное начало. Если теперь провести сравненіе съ этой точки зрѣнія между человѣкомъ и другими существами природы, то мы можемъ получить двѣ классификаціи ихъ: одну съ точки зрѣнія тѣлесной организаціи, другую съ точки зрѣнія души.

¹⁾ Metaph. XII, 7. 9.

²⁾ De An. III, 5. 1.

³⁾ De An. III, 5, 2; Brentano. Die Psychologie des Aristot. in besond. seine Lehre vom νοῦς ποιητικός. 1867. S. 178—9. Прим. 272.

⁴⁾ Leibniz. Principes de la nature... 3. Monadol. 67—71.

Съ точки зрѣнія тѣлесной организаціи всѣ эти мыслители, не исключая и Сократа, повидимому, различали три рода живыхъ существъ: растенія, животныя и небесныя тѣла круглой огненной природы. Разсматривая эти роды живыхъ существъ съ точки зрѣнія души, въ растеніяхъ Платонъ находитъ вождельніе, въ животныхъ — раздражительность, въ небесныхъ тѣлахъ — разумъ или духъ. Аристотель растеніямъ приписываетъ душу питающую, животнымъ оощающую, небеснымъ тѣламъ — чистый разумъ. Оказывается, что всѣмъ этимъ родамъ существъ въ человѣкѣ есть соотвѣтствующія части: растительной природѣ соотвѣтствуетъ подчревная область съ желудкомъ въ срединѣ, одушевляемая вождельніемъ у Платона или питающею дѣятельностію у Аристотеля; животной соотвѣтствуетъ грудная полость съ сердцемъ, мѣстилищемъ оощеній у Аристотеля и раздражительности у Платона; небеснымъ тѣламъ соотвѣтствуетъ круглая голова съ мозгомъ, одушевленная разумомъ, какъ по Платону, такъ и по Аристотелю. Сократъ, можетъ быть, не проводилъ такой параллели, но и онъ приписывалъ животнымъ душу подобную человѣческой ¹⁾. Оказывается, слѣдовательно, что въ различныхъ существахъ природы есть все то, что есть въ человѣкѣ. Но отсюда естественно придти къ той мысли, что природа, взятая въ цѣломъ, человѣкоподобна. У природы есть тѣло, состоящее изъ тѣхъ-же стихій, какъ у человѣка, есть душа, движущая эти стихіи и организующая ихъ въ тѣло, есть и разумъ или знаніе, управляющее движеніемъ души. И мы дѣйствительно видимъ, что какъ Сократъ ²⁾, такъ особенно Платонъ, въ Тимеѣ, проводятъ эту параллель. У Аристотеля она выходитъ сама собою; матерія есть тѣло природы, формы или энтелехіи суть душа или сама природа (φύσις) ³⁾, а божество есть разумъ или мышленіе мышленія. Природа, слѣдовательно, совершеннѣйшее живое существо въ большемъ видѣ, а человѣкъ совершеннѣйшее живое существо въ маломъ видѣ. Но если природа макрокосмосъ и человѣкъ мик-

¹⁾ Xenoph. Memor. I, 4.

²⁾ Xenoph. Memor. I, 4.

³⁾ Schwegler, Met. Arist. IV, 224.

роскосность, то это показываетъ, что она понятна челоуѣкообразно, антропоморфически, слѣдовательно, по сравненію съ челоуѣкомъ.

89. Итакъ мы видимъ, что различныя степени ихъ бытія соотвѣтствуютъ различнымъ степенямъ знанія и различныя роды существъ, опредѣляемыхъ сравнительно съ челоуѣкомъ, выражаютъ различныя общія опредѣленія, или идеи, или понятія, составляющія ихъ сущность. Всѣ эти степени бытія, оформившіяся въ различныя роды существъ, взятыя въ цѣломъ составляютъ природу (*φύσις*) или космосъ. Если каждое существо космоса выражаетъ свое понятіе, то и цѣлый космосъ долженъ быть существомъ, выражающимъ свое понятіе, которое составляетъ его сущность, объединяя въ себѣ остальные понятія и содержа въ себѣ общій планъ всей природы, классификацію всѣхъ ея существъ. Но такое понятіе о природѣ или о космосѣ, какъ *pius* ея, можетъ существовать лишь во всеобщемъ, всеобъемлющемъ и всесовершенномъ разумѣ, который мыслить это понятіе. Значитъ долженъ быть верховный разумъ, мыслящій о природѣ (или ея сущности), т. е. Божество. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Сократъ о всеобщемъ разумѣ (*ἐν τῷ παντί φρόνησις* ¹⁾), какъ о Божествѣ, которое такъ велико и такими свойствами обладаетъ, что оно вмѣстѣ и все видитъ, все слышитъ, всюду присутствуетъ и обо всемъ промышляетъ ²⁾ и которое, какъ устроитель и содержатель всего міра (*ὁ τὸν ὅλον κόσμον συντάττων τε καὶ συνέχων*), отличается отъ другихъ низшихъ божествъ, имѣющихъ у себя еще низшихъ служителей (*τοὺς ὑπερέτας τῶν θεῶν*), какъ, на примѣръ, молнію и вѣтры. Этотъ разумъ есть виновникъ челоуѣческаго разума и души и потому можетъ быть сравненъ съ челоуѣческой душою, которая наиболѣе всего участвуетъ въ Богѣ ³⁾. Именно объ этомъ же вседержительномъ разумѣ говоритъ и Платонъ, когда онъ говоритъ о верховномъ Божествѣ, Творцѣ, Устроителѣ и Промыслителѣ міра, котораго онъ называетъ Отцемъ всего. Какъ

¹⁾ Xenoph. Memor. I, 4, 17.

²⁾ Ibid. I, 4, 18.

³⁾ Ibid. IV, 3, 13—14.

онъ представляетъ себѣ этотъ верховный разумъ, къ этому ведутъ слѣдующія соображенія. Выше мы видѣли, что вселенная по Платону есть живое существо, Зевсъ, въ которомъ по силѣ причины (*διὰ τὴν τῆς αἰτίας δύναμιν*) живетъ царская душа и царскій умъ ¹⁾, а въ другихъ богахъ другія совершенства. Какъ такое совершенное животное (*ζῷον*) описывается видимый міръ въ Тимей. Такъ какъ каждая вещь по Платону имѣетъ свою идею, то долженъ имѣть свою идею и чувственный космосъ. Въ этой идеѣ должны содержаться идеи всѣхъ вещей, какъ, напримѣръ, идеи ума, души, званія, времени (вѣчность), пространства, числа и всякихъ отношеній, даже идея матеріи,— словомъ, какъ идеи элементовъ, изъ которыхъ состоитъ міръ, такъ и идеи разныхъ классовъ вещей, начиная отъ общихъ и до единичныхъ, ибо все это требуетъ своей идеи, такъ какъ все бывающее, взятое вмѣстѣ, является въ силу, вмѣстѣ взятого, сущаго (*ἑμπλάσαν γένεσιν οὐσίας ἕνεκα γίγνεσθαι ἑμπλάσεως* ²⁾). Идея міра сама, слѣдовательно, есть умопостигаемый міръ (*κόσμος νοῦτος*). Но такъ какъ чувственный міръ есть живое существо, то его идея или умопостигаемый міръ тоже долженъ быть живымъ существомъ, по которому онъ устроится Божествомъ, какъ по образцу (*παράδειγμα*), и въ которомъ есть движеніе, жизнь, душа, разумность ³⁾. Какъ этотъ живой міръ идей стоитъ выше живаго чувственнаго, такъ надъ нимъ стоитъ идея блага, какъ причина познаваемости и бытія этого міра. Отношеніе этой идеи къ космосу умопостигаемому Платонъ выясняетъ отношеніемъ солнца къ космосу чувственному. Что значитъ самое благо въ мѣстѣ умопостигаемомъ (*ἐν τῷ νοῦτῳ τόπῳ*) по отношенію къ уму и умопостигаемому (*πρὸς νοῦν καὶ τὰ νοούμενα*), тоже значитъ солнце въ мѣстѣ видимомъ по отношенію къ зрѣнію и зримому (*πρὸς ὄψιν καὶ τὰ ὀρώμενα*). Какъ наше зрѣніе видитъ цвѣта только въ свѣтѣ солнца, такъ и знаніе наше познаетъ умопостигаемое только въ озаряющей его истинѣ блага. Но какъ зрѣніе и свѣтъ не суть солнце, ко-

¹⁾ Филебъ. 30, d.

²⁾ Ibid. 54, с.

³⁾ Софистъ, 249.

торое есть ихъ причина и которому они подобны, такъ знаніе и истина не суть само благо, но благо есть ихъ причина и они ему подобны. Но если наше зрѣніе зрѣтъ цвѣта лишь въ свѣтѣ солнца, то это значитъ, что оно видитъ ихъ въ зрѣніи солнца, ибо что наше зрѣніе ($\psi\upsilon\chi\eta$) по отношенію къ глазу, то свѣтъ по отношенію къ солнцу, изъ котораго истекаетъ онъ подобно силѣ, истекающей изъ глаза. Если это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что и истинное знаніе наше, познавая предметы въ свѣтѣ истины, познаетъ ихъ въ свѣтѣ истиннаго знанія, принадлежащаго благу, ибо что свѣтъ по отношенію къ солнцу и зрѣніе къ глазу, тоже самое и истина по отношенію къ благу. Дѣйствительно, если само солнце должно видѣть такъ-же, какъ видитъ подобный ему нашъ глазъ, то и благо должно познавать такъ-же, какъ познаетъ подобное ему наше знаніе ¹⁾. Если видѣніе, принадлежащее солнцу, для насъ есть свѣтъ, то знаніе, принадлежащее благу, для насъ есть истина. Поэтому мы можемъ сказать, что какъ цвѣта мы видимъ въ свѣтѣ (или зрѣніи) солнца, такъ идеи познаемъ въ истинѣ (или познаніи) блага. Но солнце доставляетъ видимымъ предметамъ не только видимость, но и рожденіе, и возрастаніе и пищу, а само оно не раждается, такъ и отъ блага познаваемому дѣлается присущею ($\delta\pi\omicron\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\omicron\upsilon\ \pi\alpha\rho\epsilon\iota\lambda\alpha\iota$) не только познаваемость, но и бытіе и сущность ($\tau\omicron\ \epsilon\iota\lambda\alpha\iota\ \kappa\alpha\iota\ \tau\eta\ \nu\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha\nu\ \pi\rho\sigma\epsilon\iota\lambda\alpha\iota$), тогда какъ само благо не сущность, но по достоинству и силѣ ($\pi\rho\sigma\beta\epsilon\iota\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota$) выше предѣловъ сущности ²⁾. Такимъ образомъ, какъ солнце есть причина существованія видимыхъ предметовъ, такъ благо есть причина бытія идей; какъ солнце, подобно глазу, испускающему зрительную силу, есть причина свѣта, въ которомъ мы видимъ цвѣтъ, такъ благо, подобно уму, производящему знаніе, есть причина истины, въ которой мы познаемъ міръ идей. Но быть причиною чего-нибудь значитъ творить, ибо природа творящаго ничѣмъ не отличается отъ причины, кромѣ имени ³⁾. Слѣдовательно, благо есть творящая

¹⁾ И именно въ силу самаго этого подобія.

²⁾ Респ. 509.

³⁾ Филебъ 26 е. Респ. X. 597, b—d.

сила (*δυνάμις* ¹⁾), производящая истину, или божественный разумъ, созерцающій идеи, въ свѣтѣ котораго нашъ разумъ ихъ видитъ и чрезъ то возникаетъ, ибо нашъ разумъ и истина ему соответствующая рождаются лишь при соприкосновеніи нашею душою къ существу (частію наиболѣе сродною этому существу ²⁾). Итакъ идея блага есть творящая сила Божества, въ самой себѣ производящая идеи и созерцаніе ихъ, т. е. она творящій разумъ, который, какъ живой, идеальный космосъ, творитъ посредствомъ своего присутствія (*παρούσια*) ³⁾, то есть служить причиною чувственаго космоса, который въ немъ участвуетъ. Въ свѣтѣ этого творящаго разума мы созерцаемъ идеи (подобно тому какъ у Мальбранша) ⁴⁾. Что сіяніе блага ⁵⁾ или истину можно отождествить съ божественнымъ разумомъ, это, повидимому, подтверждаетъ Аристотелево ученіе о творческомъ разумѣ (*νοῦς ποιητικός*), который творитъ все, подобно свѣту, творящему для глаза дѣйствительность цвѣтовъ изъ состоянія возможности (*ποιεῖ τὰ δυνάμις ὄντα χρώματα ἐνεργεία χρώματα*) ⁶⁾. Подобно этой дѣятельности нашего разума дѣйствуетъ и разумъ божественный, ибо онъ есть первая дѣйствительность, которая всякую возможность приводитъ къ осуществленію. Переходъ возможности въ дѣйствительность есть измѣненіе (*μεταβολή*). Измѣненіе есть движеніе, которое собственно бываетъ двухъ родовъ: одно касается качествъ вещей, другое—сущности или существъ. Первое выражается или въ пространственномъ перемѣщеніи (*θωρά*), или въ количественномъ увеличеніи и уменьшеніи, или въ качественномъ превращеніи (*ἀλλοίωσις*), т. е. измѣненіи качествъ предмета. Второе выражается въ возникновеніи и исчезновеніи существъ, поскольку каждое существо, какъ цѣлое (*σύνολον*), состоитъ изъ матеріи и формы (*γένεσις καὶ φθορά*). Важно собственно это послѣднее движеніе. Но каждое существо возни-

¹⁾ Респ. 509. b. Филебъ 64 e. ἡ τ' ἀγαθοῦ δύναμις.

²⁾ Респ. VI, 490, 6.

³⁾ Федонъ. 99—100.

⁴⁾ Malebranche. Recherche de la vérité 3, II, 6; Eclars. X; Entret. metaph. 5; Convers chret. 3. Réponnà Regis II.

⁵⁾ Респ. VII. 518 c.

⁶⁾ De An. III, 5, 1, Metaph. XII, 9.

каеть только отъ соименнаго ему существа (ἐκάστη ἐκ συνωνύμου γίγνεται οὐσία), на примѣръ, человѣкъ возникаетъ отъ человѣка, лошадь отъ лошади ¹⁾. Этотъ законъ простирается не только на существа природы, но и на произведенія искусства, такъ какъ и здѣсь соименное возникаетъ отъ соименнаго: здоровье въ больномъ отъ здоровья въ умѣ врача, домъ изъ лѣса отъ дома въ умѣ архитектора ²⁾, ибо искусство, по Аристотелю, есть форма (ἡ γὰρ τέχνη τὸ εἶδος) ³⁾. Даже въ случайномъ возникновеніи, возникающее возникаетъ отъ соименнаго ему, какъ, на примѣръ, теплота въ тѣлѣ отъ теплоты въ воздухѣ. Такъ что въ нѣкоторомъ родѣ все происходитъ изъ соименнаго (πάντα γίγνεται ἐξ ὁμωνήμου). ⁴⁾ Такимъ образомъ мы видимъ, что въ этомъ движеніи отъ возможности къ дѣйствительности, или отъ матеріи къ формѣ, существованіе соименной формы уже предполагается существующимъ въ дѣйствительности. Слѣдовательно, разнообразіе существъ природы требуетъ, какъ своего условія, разнообразія синонимныхъ или омонимныхъ формъ, выражающихся въ каждомъ существѣ ⁵⁾. Эти формы сами произойти не могутъ, ибо всякая форма происходитъ чрезъ форму; не можетъ произойти и матерія, ибо всякое происхожденіе предполагаетъ то, изъ чего оно происходитъ, то есть матерію ⁶⁾. (Подобно тому какъ у Лейбница не происходятъ монады, но заключаютъ въ себѣ дѣятельную форму и страдательную матерію первоначально). Понятно, что и движеніе не можетъ произойти, ибо оно можетъ быть произведено только движеніемъ же ⁷⁾. Это не значитъ однако, что движеніе безначально, ибо всякое движимое предполагаетъ движущее, и движеніе предполагаетъ перваго движителя (πρώτῳ κινῶν), безъ котораго оно не могло бы произойти ⁸⁾. Этотъ

¹⁾ Metaph. XII, 3, 1070 a.

²⁾ Ibid. VII 7, 1032, b.

³⁾ Ibid. VII, 9, 1034.

⁴⁾ Ibid. VII, 9.

⁵⁾ Metaph. XII, 5.

⁶⁾ Ibid. XII, 3.

⁷⁾ Ibid. XII, 1, 2.

⁸⁾ Metaph. XII, 6.

первый движитель не есть однако тѣ первоначальныя многія формы, энтелехіи и энергіи, которыя дѣйствуютъ въ природѣ, переводя соотвѣтствующую ей возможность въ дѣйствительность. Напротивъ онъ есть сущность несложная, единая, отдѣльная отъ чувственнаго, подобно полководцу (στρατηγός) приводящая все въ порядокъ (τάξις) или строй. Этотъ порядокъ во взаимоотношеніи разнообразныхъ существъ природы происходитъ отъ того, что всѣ они направляются къ этому движителю, какъ къ мыслимому предмету (νόητον) желаній (ὄρεχτον). Мыслимое распадается на противорѣчащія противоположности (συστοιχίαι), сущаго и несущаго, добраго и дурнаго, мыслимаго въ себѣ (νόητον καθ' αὐτόν) и лишенаго (στέρησις). Первый движитель, конечно, относится къ перваго рода противоположному, потому что положительное раньше отрицательнаго. Въ этомъ самомъ ряду онъ есть первое мыслимое (τὸ πρῶτον νοητόν). Но первое совершеннѣйшее мыслимое для мысли есть самая мысль, когда она мыслить себя. Значитъ первый движитель есть мышленіе мышленія (ἔστιν ἡ νόησις νοήσεως νόησις), въ которомъ мыслимое и мыслящее совпадаютъ и составляютъ одну дѣйствительность или энергію. Но это именно есть разумъ (νοῦς) божественный, вседовольный и всеблаженный, который можетъ созерцать единственно себя самого, ибо онъ можетъ созерцать только самое совершенное ¹⁾. Аристотель существо (οὐσία) этого разума проясняетъ сравненіемъ съ нашимъ разумомъ: что нашему разуму свойственно лишь въ нѣкоторое время, т. е. актуальность, то божественному свойственно всегда; какъ нашъ разумъ можетъ иногда по временамъ созерцать многообразное содержаніе въ одно мгновеніе, когда онъ, напримѣръ, благо (εὖ) созерцаетъ въ цѣломъ (ἐν ὅλῳ), а не по частямъ въ томъ или другомъ, такъ божественная мысль въ такомъ состояніи созерцанія находится цѣлую вѣчность ²⁾. Этотъ погруженный въ самосозерцаніе божественный умъ движетъ вселенную, повидимому, не только какъ послѣдняя цѣль, но и какъ производительная творческая причина; ибо какъ

¹⁾ Metaph. XII, 7.

²⁾ Ibidem. XII, 9.

первый движитель, онъ движетъ вселенную во всякомъ смыслѣ (*τὸ πρῶτον πάντων κινεῖν πάντα*) ¹⁾, слѣдовательно, обуславливаетъ происхождение всѣхъ существъ, подобно тому какъ человѣкъ обуславливаетъ происхождение человѣка, строительное искусство—зданіе ²⁾ растеніе—сѣмя ³⁾. Умъ и природа суть причины всего (*ἀνάγκη πρότερον νοῦν καὶ φύσιν αἰτίαν εἶναι καὶ ἄλλων πολλῶν καὶ δοῦδε πάντος*) ⁴⁾. Этотъ божественный умъ можно, слѣдовательно, разсматривать, какъ творческую причину всякаго происхожденія (*ἐνδελεχῆ ποιήσας τὴν γένεσιν*) ⁵⁾, ибо и самое стремленіе къ этому божественному уму со стороны существъ природы и самое его познаніе (*νόσις*) существуютъ только вслѣдствіе его существованія ⁶⁾. Но такъ какъ этотъ движитель, какъ полководецъ—внѣ существъ чувственныхъ, то онъ долженъ быть и внѣ энтелехій, дѣйствующихъ въ чувственномъ, ибо эти энтелехіи въ одномъ отношеніи суть формы и дѣйствительность, а въ другомъ только матерія и возможность ⁷⁾, тогда какъ въ божественномъ умѣ нѣтъ никакой матеріи и возможности (*τό ἦν εἶναι οὐκ ἔχει ὅλην τὸ πρῶτον ἐντελέχεια γάρ*). Онъ долженъ, слѣдовательно, быть причиною и этихъ энтелехій, какъ высшая, чистая, первая энтелехія (*πρῶτον ἐντελέχεια*). Это можно представить только такъ: онъ мыслитъ вѣчно все разнообразіе или полноту своего содержанія въ единствѣ ⁸⁾. Рядомъ съ этою первою дѣйствительностію и именно вслѣдствіе ея вѣчно существуетъ возможность или первая матерія, какъ отрицательная противоположность (*συστοιχία*). Отъ взаимнаго ихъ соприкосновенія въ этой возможности отъ вѣчности возбуждается движеніе (*μεταβολή*) къ

¹⁾ Metaph. XII, 4.

²⁾ Ibidem. XII, 4.

³⁾ Ibidem. XII, 7.

⁴⁾ Physik. II, 6 subfine.

⁵⁾ De generat. et corrupt. II, 10, 337 a.

⁶⁾ Такъ какъ, по Аристотелю, причина желанія есть желаемое, причина познанія—познаваемое.

⁷⁾ Metaph. XII, 5.

⁸⁾ Ученіе Лейбница о Божествѣ родственно съ этимъ понятіемъ о Богѣ, какъ чистой энергіи, энтелехія и мышленіи мышленія. См. Otto Pfleiderer, Die Religion, I, S. 249. Сравни: Brandis, Handbuch II, 2, 575—6, гдѣ онъ находитъ у Аристотеля предуставленную гармонію.

дѣйствительности или происхожденіе (γένεσις) ¹⁾, т. е. являются такія формы, которыя съ одной стороны сами суть дѣйствительныя формы, а съ другой служатъ возможностью и матеріею для другихъ формъ. Присутствіе (παρούσια) дѣйствительности въ возможности (т. е. разума въ матеріи) дѣлаетъ эту возможность дѣйствительностію (какъ свѣтъ цвѣта) ²⁾; но эта происходящая дѣйствительность отличается отъ производящей, какъ раждаемый человѣкъ отъ раждающаго, какъ синонимы или омонимы, то есть полнота формъ въ единствѣ божественнаго разума, хотя омонимична и синонимична полнотѣ формъ въ природѣ (φύσις), но отлична отъ нея, какъ движущая или творящая причина. Такъ какъ это движеніе или твореніе вѣчно, то и міръ вѣченъ ³⁾. Таково ученіе Аристотеля о верховномъ разумѣ. Мы видимъ, слѣдовательно, что главные представители греческой философіи втораго періода, Сократъ, Платонъ и Аристотель, считая природу выраженіемъ понятій, высшимъ существомъ считали всеобщій разумъ, содержащій въ себѣ эти понятія, присутствіе которыхъ творитъ происхожденіе. Нужно замѣтить, что какъ Сократъ, приписывавшій разуму самосознаніе (познай самого себя), такъ и Платонъ (особенно въ Тимей) и Аристотель смотрѣли на этотъ самосознательный разумъ, какъ на личность, ибо свойство личности и есть именно самосознаніе или сознаніе своего я ⁴⁾. А понятіе объ этой всесовершенной личности, которую представляли они антропоморфически, служило въ сознаніи этихъ философовъ условіемъ пониманія самого человѣка. Если природу представляли они

¹⁾ De generatione et corr. II, 10, 337 a.

²⁾ De An. II, 7.

³⁾ Metaph. XII, 7.

⁴⁾ Мысль (напримѣръ Целлера), что греческіе философы не имѣли понятія о личности, потому что въ душѣ находили многія части, какъ будто уничтожающія единство личности, мнѣ кажется несостоятельна: можно представлять, что душа состоитъ изъ частей и находить въ одной изъ нихъ объединяющій центръ, и именно въ самосознаніи. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла; это не мѣшаетъ однако считать его личностію, численно себѣ тождественною. Матеріализмъ и душу отвергаетъ, допуская лишь различныя части организма; но это не значитъ, что у него нѣтъ понятія о личности. Поэтому мнѣ кажется, что Риттеръ и Фольквардъ-зенъ правы, когда говорятъ объ идеѣ личнаго духа, напр., у Платона.

по подобію человѣка, то человѣческую душу по подобію Божества. Если природа человѣкоподобна, то человѣкъ богоподобенъ. И такъ въ философскихъ построеніяхъ этого періода ученіе объ абсолютномъ основаніи вещей совершенно ясно соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія мышленія и типу философскихъ построеній, этой точкѣ соотвѣтствующему, т. е. антропоморфическому.

90. Это сжатое изложеніе воззрѣній названныхъ философовъ показываетъ, что философія втораго періода отличалась антропологическимъ характеромъ, что человѣкъ былъ малымъ міромъ, заключеннымъ въ человѣкообразномъ большомъ мірѣ, который самъ былъ заключенъ въ мысли высшаго Существа; каждая вещь, какъ частный случай, подводилась подъ общее понятіе, какъ свою сущность; всѣ эти понятія подводились подъ общее понятіе космоса или природы, а общее понятіе природы подводилось подъ понятіе всеобщаго ума (блага), объемлющаго въ себѣ понятія, составляющія природу. На вещи смотрѣли, какъ на понятія, находящіяся одно въ объемѣ другаго, т. е. смотрѣли на нихъ съ точки зрѣнія единичнаго и общаго. Поэтому и методами изслѣдованія вещей въ этомъ періодѣ могли быть лишь наведеніе отъ частнаго къ общему или подведеніе подъ общее частнаго, т. е. индукція и дедукція или силлогизмъ. Дѣйствительно основателемъ индукціи считается Сократъ. По свидѣтельству Аристотеля, онъ первый началъ искать научныхъ опредѣленій и ввелъ индукцію (*ἐπακτιχούς λόγους καὶ ὀρίζεσθαι καθόλου*) ¹⁾ и считалъ необходимымъ распредѣлять предметы по родамъ (*διαλέγεσθαι κατὰ γένη τὰ πράγματα*) ²⁾. Платонъ въ этомъ распредѣленіи предметовъ по родамъ, соотвѣтственно общимъ ихъ идеямъ, руководствовался діалектическимъ методомъ (*διαλεκτική μέθοδος*) ³⁾, т. е. раздѣленіемъ общаго понятія на виды и открытіемъ общаго въ частномъ. Смотря на одну идею, сводитъ къ ней разсѣянное и дѣлитъ предметъ „на виды почленно, чтобы, подобно плохому повару, не раздроблять частей“ ⁴⁾ (*συνναγωγή καὶ διαίρεσις*), — вотъ въ чемъ состоялъ ме-

¹⁾ Arist. Metaph. XIII, 4.

²⁾ Xenoph. Memor. IV, 5—12.

³⁾ Resp. VII, 533 с.

⁴⁾ Федръ 265 с.

тодъ Платона. Восхождение къ общему ведетъ къ безусловному, нисхождение къ частному возможно лишь на основаніи нѣкоторыхъ общихъ предположеній (*ὑποθέσεις*) ¹⁾. Аристотель первый методъ называетъ синтетическимъ, а второй дѣретическимъ (*μέθοδος συνθετική καὶ δειρτική*) ²⁾. Синтетическій методъ Аристотелемъ обработанъ въ ученіи о силлогизмѣ, второй упоминается подъ именемъ индукціи (*ἐπαγωγή*). Вся Аристотелевская логика есть именно логика понятій, основывающая свои положенія на отношеніи общаго къ частному, т. е. на подведеніи. Правильно сдѣланное подведеніе есть опредѣленіе понятіемъ, выражающаго существо вещи. Поэтому цѣлью науки въ этомъ періодѣ является именно опредѣленіе. Такъ какъ весь методъ, ведущій къ этимъ опредѣленіямъ, основывается единственно на различеніи понятій, входящихъ между собою въ общеніе по объему и исключаящихъ себя взаимно по содержанію, то основною аксіомою этихъ приемовъ мышленія должна была служить аксіома различенія, а не отождествленія. Не смѣшивай однороднаго съ разнороднымъ, не считай А за В, т. е. не признавай, что А есть вмѣстѣ съ тѣмъ и не А. По мнѣнію Сократа, объ одномъ и томъ-же нельзя говорить сначала одно, а потомъ другое, противоположное, но надо говорить одно и то же (*τὰ αὐτὰ περὶ τοῦ αὐτοῦ*), если мы желаемъ обладать знаніемъ ³⁾. У Платона подобная мысль выражена болѣе въ метафизической формѣ, чѣмъ въ гносеологической. По его мнѣнію сущее, которое есть, не можетъ быть несущимъ, а потому и въ мышленіи не можетъ быть признавія того-же самаго инымъ, безъ противорѣчія ⁴⁾. Очевидно, впрочемъ, что у Сократа и Платона нѣтъ еще точнаго различенія противоположности отъ противорѣчія. Это различеніе сдѣлано Аристотелемъ, который законъ противорѣчія формулируетъ такъ, что одному и тому-же въ одно и то-же время въ одномъ и томъ-же отношеніи не можетъ что-нибудь принадлежать и не принадлежать. Это по-

¹⁾ Респ. VI, 510, VII, 533.

²⁾ Торік. 1711, 2.

³⁾ Xenoph. Memor. IV. 2, 21.

⁴⁾ Евтидемъ, 293 b.; Федонъ, 133 c.; Тететъ, 190 d.; Соф. 236 e.

ложене (δοξα) онъ считаетъ началомъ всѣхъ другихъ аксіомъ ¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ основаніи разсмотрѣнія сущаго во второмъ періодѣ греческой философіи лежала такая аксіома, которая лежитъ въ основѣ дѣятельности разсудка или подведеніе частнаго подъ общее, видоваго подъ родовое.

91. Если мы теперь обратимъ вниманіе на то, въ какой послѣдовательности развивалось построеніе системъ по этому типу въ этотъ періодъ, то мы и здѣсь найдемъ, что ступени развитія соотвѣтствуютъ именно моментамъ понятія. Сократъ полагалъ, что существенное содержится въ опредѣленіи вещи, между тѣмъ какъ обыкновенное представленіе этого существеннаго не замѣчаетъ и довольствуется простымъ мнѣніемъ, въ которомъ содержится случайное. Здѣсь, слѣдовательно, содержаніе представленія, какъ феноменальное, сводится къ содержанію понятій, какъ истинной дѣйствительности и знанію. Платонъ сущее полагалъ въ идеѣ, какъ всякомъ общемъ понятіи, слѣдовательно, находилъ его въ различныхъ степеняхъ общности или обобщенія, противопоставляя единичные предметы этимъ общностямъ, какъ явленіе сущности. Слѣдовательно, всякое знаніе, не состоящее въ общемъ понятіи, онъ противопоставлялъ понятію, какъ мнѣніе истинному знанію. Можно сказать, что у Платона самыя понятія тѣмъ истиннѣе, чѣмъ общѣе, такъ что въ самомъ истинномъ знаніи онъ отличаетъ высшее знаніе (μεγιστον μάθημα) ²⁾, идеи добра или божества, отъ знанія низшаго, состоящаго просто въ воспріятіи общихъ понятій. Аристотель сущность каждой вещи полагалъ въ томъ видовомъ, которое заключено въ единичномъ, какъ въ случайномъ явленіи, доступномъ опыту. Поэтому опытное знаніе хотя и есть первоначальное для насъ, но не есть достовѣрное само по себѣ. Вѣрное знаніе есть знаніе умозрительное, для достиженія котораго есть органъ истиннаго знанія въ понятіи, чрезъ различеніе или представленіе въ немъ общаго въ частномъ, или частнаго подъ общимъ,—словомъ подведеніе. Но и въ этомъ знаніи Аристотель отличаетъ высшее знаніе отъ низшаго, какъ

¹⁾ Metaph. IV, 3, 5.

²⁾ Pen. VI, 505 a.

первую философію отъ второй, или какъ теологію отъ физики. Первое даетъ понятіе о началѣ вещей, второе — понятіе о происходящемъ изъ этого начала. Итакъ мы видимъ, что Сократова философія соотвѣтствуетъ опредѣленію, Платонова — обобщенію, которое лежитъ въ основѣ опредѣленія, Аристотелева — подведенію, — видимъ, слѣдовательно, что процессъ развитія здѣсь стоитъ въ углубленіи въ условія опредѣленія вещей.

92. Между тѣмъ какъ Сократъ, Платонъ и Аристотель давали понятіямъ реалистическое знаніе, такъ называемые несовершенные Сократики смотрѣли на нихъ номиналистически. Основатель Мегарской школы, Эвклидъ считалъ безтѣлесные виды (*ἀσώματα εἶδη*) или понятія, въ которыхъ выражается истинная дѣйствительность въ противоположность чувственной являемости, только различными именами единой сущности, которая, оставаясь неизмѣнною, только называется различно: то разумомъ, то Божествомъ, то разсудительностію, но которая сама по себѣ тождественна съ благомъ. Здѣсь понятіямъ приписывается значеніе лишь на столько, на сколько всѣ они, какъ имена, обозначаютъ одну и ту же сущность и, слѣдовательно, одно и тоже понятіе (подобно какъ у Спинозы) ¹⁾. Противоположно этому училъ Антисѣенъ, основатель кинической школы. По его мнѣнію, развитому имъ въ полемикѣ съ Платономъ, общаго нѣтъ, а существуютъ только отдѣльныя вещи, изъ коихъ каждой можно дать только одно ей собственное имя (*οἰκεῖος λόγος*), а потому въ простомъ нельзя субъекту приписать отличный отъ него предикатъ, а въ сложномъ возможно только перечисленіе частей. Когда говорятъ о различномъ, то и рѣчь идетъ о различномъ. Чистый номинализмъ развивалъ затѣмъ Аристиппъ. По его мнѣнію, понятія только общія имена для названія единичныхъ чувственныхъ ощущеній, которыя суть простыя субъективныя страдательныя состоянія, не дающія никакого понятія о вещи въ себѣ (*τὸ ἔκτὸς ὑποκειμένον*). Понятіе, слѣдовательно, не есть знаніе, какъ и ощущеніе его не даетъ. Отсюда уже недалеко до скептицизма. Если понятіе не имѣетъ объективнаго значенія, то невозможно никакое

¹⁾ Куно Фишеръ, Истор. нов. фил. I, 219.

опредѣленіе (οὐδὲν ὀρίζειν) дѣйствительности; слѣдовательно, никакое сужденіе не можетъ быть основано на истинномъ понятіи. Одно сужденіе можетъ быть такъ-же истинно или не истинно, какъ и отрицающее его другое (οὐδὲν μᾶλλον), поэтому воздержаніе отъ сужденія (ἐποχή) и равнодушіе ко всему составляютъ единственный итогъ мудрости. Такъ училъ Пирронъ, къ которому потомъ примкнули Платоновы академики съ Карнеадомъ и нѣкоторые перипатетики. Очевидно, что самый скептицизмъ этотъ былъ скептицизмомъ понятія. Мы видимъ, слѣдовательно, здѣсь постепенное приниженіе философіи понятія, которое постепенно вело ее къ упадку, отрицанію и возвращенію назадъ. Дѣйствительно Эвклидъ примыкалъ къ Зенону, Антисѳенъ къ Горгію, Аристиппъ къ Протагору, а Пирронъ къ Демокриту чрезъ Анаксарха. Сократъ выставилъ на видъ понятіе, какъ принципъ знанія; Платонъ понялъ понятіе, какъ существующее ante rem, какъ принципъ вещей; Аристотель— in re, какъ дѣйствующую силу, а Сократики—post rem, какъ субъективное обозначеніе или символъ вещей.

93. Новый періодъ исторіи философіи начался тогда, когда принципомъ философствованія сдѣлалось умственное созерцаніе (θεωρία) и философія приняла теологическій или даже теософическій характеръ, отъ міросознанія и самосознанія поднялось до богосознанія ¹⁾. Въ сознаніи выступаетъ здѣсь на первый планъ идея (θεωρία) абсолютнаго основанія бытія и знанія,—идея, которой не могъ коснуться скептицизмъ, направленный противъ разсудочнаго знанія, потому что идея эта не есть достояніе разсудка. Переходъ къ этой спекулятивной

¹⁾ Мнѣ кажется, никакъ нельзя согласиться съ тѣми историками философіи, которые разсматриваютъ третій періодъ греческой философіи, какъ періодъ упадка, отличающійся эклектизмомъ и синкретизмомъ, слѣдовательно, не представляющій никакого новаго принципа, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ. Принципъ однако долженъ быть въ этомъ періодѣ совершенно самостоятельный, представляющій высшій моментъ развитія; иначе нельзя объяснить того факта, что философія александрійскаго періода представляетъ цѣлый рядъ моментовъ очень правильнаго развитія, отличающагося своеобразнымъ спекулятивнымъ характеромъ. Нельзя думать, что отличительный характеръ этого періода—практическое направленіе и субъективизмъ. Эти черты приложимы въ той-же мѣрѣ и къ Сократовскому періоду.

философiи составляютъ стоики съ своею мораль-теологiей (подобной Кантовой). Начало этой спекулятивной мудрости (σοφία) можно находить уже въ умозрѣнiяхъ александрийскихъ неопи-агорейцевъ, которые, поставляя выше всякаго ума и души единое Божество, изъ него, какъ изъ сѣмени (σπερματικῶς ὑπάρχουσα πάντα ¹⁾), выводили сначала числа, находящiяся въ его умѣ (ἐν θεῷ ὧ) ²⁾, затѣмъ мировую душу, которая по числамъ образуетъ матерiю, подобную Платоновой ³⁾. Но главными представителями этой спекуляциi были Александрийскiе iудеи и неоплатоники, особенно: Филонъ, Плотинъ и Прокль, въ ученiи которыхъ спекулятивное мышленiе находитъ свое полнѣйшее выраженiе. Рядомъ съ этимъ спекулятивнымъ знанiемъ развиваются эпикуреизмъ, эклектизмъ и скептицизмъ, который въ сущности былъ феноменизмомъ. Эти три послѣднiя направлениа напоминаютъ современный намъ позитивизмъ, въ которомъ такъ-же можно отыскать и эпикурейскiй материализмъ, и эклектизмъ, и феноменизмъ. Всѣ эти разнообразныя направлениа какъ спекулятивныя, такъ и позитивныя, развиваются почти параллельно одно другому, пока наконецъ спекулятивное направление въ неоплатонизмъ беретъ перевѣсъ надъ другими.

94. Умозрѣнiе Александрийцевъ истинно сущимъ признаетъ только единое самосущее бытiе, которое по Филону созерцается чрезъ себя самого (θεωρεῖται δι' αὐτοῦ μόνου ⁴⁾), не посредствомъ доказательства (λόγων ἀποδείξει), а чрезъ непосредственную очевидность (ἐναρχεία ⁵⁾), какъ самодовольное, въ полнотѣ собственнаго содержанiя пребывающее бытiе, не имѣющее въ себѣ никакого отношенiя къ другому (πρὸς τι). По Плотину это самосущее (αὐταρχές) бытiе, которое выше блага и выше познаниа, есть абсолютное единство, въ созерцанiи котораго есть

¹⁾ Zeller, V, 118, 1.

²⁾ Zeller, V, 121, 3.

³⁾ Въ новой спекулятивной философiи хронологически и по содержанiю соотвѣтствуютъ позрѣнiя *Карла Эккартсгаузена*, развитыя имъ въ сочиненiяхъ: „Ключъ къ таинствамъ натуры“ и „Наука чиселъ“.

⁴⁾ De praem. et poen. Franc. editio, 917.

⁵⁾ De post. Caini, 258.

уже ручательство въ бытіи его, ибо это созерцаніе есть нѣкоторое умственное прикосновеніе къ нему ($\nu\omicron\epsilon\rho\omega\varsigma \ \epsilon\phi\acute{\alpha}\psi\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ ¹⁾). Прокль подымается выше въ созерцаніи непричинной причины ($\acute{\alpha}\nu\alpha\iota\tau\iota\omega\varsigma \ \alpha\iota\tau\iota\omicron\nu$ ²⁾) вещей, которая по самой идеѣ своей есть единство, возвышающееся надъ самымъ бытіемъ и небытіемъ. Это единое, какъ единогласно утверждаютъ всѣ названные мыслители, рѣшительно не доступно для ума по своимъ качествамъ, ибо оно выше всякихъ, извѣстныхъ нашему созерцанію, качествъ по самой содержательности своей, по самой полнотѣ своего бытія. Въ этой безкачественной полносодержательности лежитъ отличительный признакъ абсолютнаго бытія отъ безсодержательнаго, безкачественнаго небытія ($\mu\grave{\eta} \ \acute{\omicron}\nu$), или матеріи. По своей противоположности съ міромъ явленій оно не можетъ быть его непосредственною причиною. Поэтому всѣ означенные мыслители принимаютъ рядъ посредствующихъ ступеней бытія между сущимъ и несущимъ или чувственнымъ міромъ быванія ($\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\sigma\iota\varsigma$) и абсолютнымъ бытіемъ. Уже стоики представляли мірообразование въ видѣ ряда причинъ (*series causarum*), въ которыхъ разумныя понятія дѣйствуютъ, какъ зародыши вещей ($\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma \ \sigma\pi\epsilon\rho\mu\alpha\tau\iota\kappa\omicron\varsigma$), при чемъ каждое такое понятіе проявляется въ соотвѣтствующей ему вещи въ качествѣ господствующаго принципа въ ея развитіи ($\eta\eta\epsilon\rho\mu\omicron\nu\iota\kappa\omicron\nu$) ³⁾. Филонъ между сущимъ и несущимъ вставляетъ логось или міръ идей, который, какъ умъ Божій и мѣсто идей, есть внутренній логось ($\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma \ \epsilon\nu\delta\iota\acute{\alpha}\theta\epsilon\tau\omicron\varsigma$), какъ отдѣльное отъ Бога бытіе, есть логось, выразившійся въ идеяхъ ($\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma \ \pi\rho\omicron\phi\omicron\rho\rho\iota\kappa\omicron\varsigma$), какъ дѣйствующій въ природѣ ($\varphi\upsilon\sigma\iota\varsigma$) есть логось въ сѣмени ($\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma \ \sigma\pi\epsilon\rho\mu\alpha\tau\iota\kappa\omicron\varsigma$) или душа міра ($\psi\eta\chi\eta \ \tau\omicron\upsilon \ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\varsigma$), сообщающая принципы вещей или формы безформенной матеріи и дѣйствующая, слѣдовательно, какъ образующая сила ⁴⁾. Пло-

¹⁾ Enn. V, 3. 17.

²⁾ Plat. Theol. 101.

³⁾ О такъ называемомъ матеріализмѣ стоиковъ очень вѣрные замѣчанія у Ланге: Исторія матеріализма, I, 75—77.

⁴⁾ Муретова, Ученіе о Логосѣ у Филона Алекс. и Иоанна Богослова.—Zeller, V, 338—418.—Ravaisson, Essai sur la Metaph. d'Arist. II, 358—367. Ке-

тинъ въ сущности признаетъ тѣ-же творящія причины вещей, что и Филонъ, единое, высшую творящую причину, которая не имѣетъ никакого отношенія къ чувственному міру, затѣмъ—умъ или духъ, производимый единымъ, который состоитъ въ созерцаніи единого, чрезъ какое созерцаніе это единое выражается въ многообразіи идей, ибо умъ, будучи по существу созерцаніемъ и, созерцая единое, созерцаетъ и себя въ этомъ созерцаніи и чрезъ то, оставаясь единымъ образомъ единого, полагаетъ въ себѣ множественность созерцаній созерцанія, какъ системы одновременныхъ актовъ или энергій (ἐνεργεία), въ которыхъ созерцающее есть само созерцаемое и которые представляютъ синтетическое единство многихъ идей; наконецъ за умомъ слѣдуетъ душа міра, производимая умомъ, одною стороною созерцающая міръ идей, а другою саму себя, и въ этомъ самосозерцаніи посредствомъ фантазіи (ἐν προόδῳ φαντάσεως) ¹⁾ съ одной стороны—производящая матерію (т. е. представленіе въ отношеніи къ умопостигаемому несущаго въ видѣ пустоты) ²⁾, а съ другой—въ этомъ несущемъ воображающая міръ идей и чрезъ то безпространственную схему (σχῆμα) ихъ выражающая въ пространственныхъ, чувственныхъ качествахъ вещей. Какъ такая образующая матерію сила, душа является въ видѣ стоическаго логоса въ сѣмени, или принциповъ вещей. Очевидно, что по Плотину, „всѣ вещи суть созерцанія“ ³⁾. Прокль въ различеніи посредствующихъ существъ идетъ еще дальше. Первосущество у него производитъ прежде всего абсолютныя единства (αὐτοτελεῖς ἐνάδες), коихъ по числу меньше, чѣмъ идей, и которыя всѣ составляютъ все-таки единичное число и которыя описываются у него, какъ личныя существа или боги. За этими единствами слѣдуетъ триада: умопостигаемаго, главное свойство коего—сущность, умопостигаемо-разумнаго, главное свойство коего—жизнь, и

terstein, Philo's Lehre v. d. göttl. Mittelwesen. 1846.—Spulier, La doctrine du Logos chez Philon d'Alexandrie, 1876.—Ueberweg, I, § 63, S. 245.

1) Enn. III, 6, 17.

2) Ibidem, II, 4, 2, 16; 5, 3; III, 9, 3; VII, 7, 7.

3) Enn. III, 8, 7.

разумнаго, главное свойство коего мышленіе. Сущность умопостигаемаго распадается въ свою очередь на новую тріаду: границу, безграничное и смѣшанное; жизнь умопостигаемо-разумнаго распадается на границу, безграничное и жизнь; мышленіе разумнаго распадается на границу, безграничное и идеи ($\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma\omega\nu$). Первый моментъ каждой изъ девяти тріадъ—отецъ, второй—сынъ, третій—умъ или духъ. Въ свою очередь умопостигаемо-разумное распадается снова на три тріады: единое, иное, сущее, составляющія тріаду первочиселъ; единое и полноту, цѣлое и часть, границу и безграничное, составляющія тріаду боговъ содержителей; отличительную (крайнюю) особность, цѣлезавершеніе и образность (схематичность), составляющія тріаду боговъ совершителей. Наконецъ тріада разумнаго, распадаясь въ первыхъ двухъ членахъ на три момента и оставаясь недѣлимою въ послѣднемъ членѣ, содержитъ въ себѣ семь умопостигаемыхъ седмерицъ, которыя составляютъ источникъ душевной жизни ($\pi\eta\eta\grave{\eta}\ \psi\upsilon\chi\omega\nu$). Изъ ума слѣдуетъ душа, понятіе о которой опредѣляется также, какъ у Плотина. Она обнимаетъ три класса частныхъ душъ: божественныя, демоническія и человѣческія. Божественныя раздѣляются на три порядка: четыре тріады верховныхъ, столько-же возвышенныхъ надъ міромъ, и боги внутри міра (боги звѣздъ и боги элементовъ). Демоническія души подраздѣляются: на ангеловъ, демоновъ и героевъ. Къ демонамъ примыкаютъ тѣ души, которыя по временамъ входятъ въ тѣла. Душа точно такимъ-же образомъ, какъ у Плотина, по понятіямъ, вносимымъ ею въ матерію въ качествѣ образующихъ принциповъ ($\lambda\omicron\gamma\omicron\iota\ \sigma\pi\epsilon\rho\mu\alpha\tau\iota\kappa\omicron\iota$), образуетъ матерію, которая содержится уже въ первой тріадѣ. Такъ возникаетъ, наконецъ, чувственный міръ, по ученію Прокла ¹⁾. Очевидно, что всѣмъ этимъ ученіямъ свойственна одна общая черта, что всѣ они считаютъ объективный міръ выраженіемъ разумныхъ и даже божественныхъ принциповъ, такъ что, по этому взгляду, въ каждой вещи живетъ подобный принципъ въ качествѣ идеальной и реальной

¹⁾ Vacherot, Histoire critique de l'école d'Alexandrie, II, ch. 11.—Zeller. V. Uebweg, Grundriss, I, § 70.

причины ея бытія, объясняющій всѣ ея свойства. Съ этой точки зрѣнія міръ является выраженіемъ красоты, поскольку имѣеть пространственную симметрію, — истины, поскольку каждая вещь имѣеть разумное основаніе своего бытія, — и блага, поскольку все разумное направляется единственно къ благу. Такимъ образомъ сверхчувственный міръ красоты (пространственно дѣйствующая душа), истины (умъ) и блага (единое) является здѣсь объясняющею причиною чувственныхъ вещей.

95. Въ антропология, съ точки зрѣнія этого міровоззрѣнія, проводится та мысль, что человѣкъ есть лишь особое выраженіе всеобщихъ міровыхъ началъ, которыя онъ можетъ созерцать въ собственномъ самосознаніи. Онъ, слѣдовательно, есть особый видъ для себя бытія этихъ началъ. Уже у стоиковъ можно найти различеніе въ душѣ господствующаго ума (*ἡγεμονικόν*), который назывался внутреннимъ словомъ (*λόγος ἐνδιάθετος*), поскольку мысль еще не выражена въ словѣ; затѣмъ, способность рѣчи, поскольку она выражаетъ уже оформившуюся мысль или изнесенное слово или понятіе (*λόγος προφορικός*); далѣе, способность рожденія, поскольку умъ, какъ принципиальное, дѣйствуетъ въ качествѣ организующаго сѣмени слова или зародышеваго понятія (*λόγος σπερματικός*), и, наконецъ, пять чувствъ, познавательная дѣятельность которыхъ въ сущности есть лишь субъективное измѣненіе ¹⁾. Филонъ держался этого же стоическаго воззрѣнія, но у него оно комбинируется съ Платоновымъ дѣленіемъ души на умъ, раздражительность и пожеланіе, а также съ Аристотелевскимъ различеніемъ души растительной, ощущающей и животной. Собственно Филону принадлежит различеніе въ душѣ: ощущенія, слова или логоса и разума ²⁾, выше коихъ стоитъ возвышеніе души къ сущему, преданіе себя его дѣйствию (*πάθος*), подражаніе Божеству (*μιμεῖσθαι θεόν*) и бытіе въ немъ (*ἐν μόνῳ θεῷ στήναι*), — словомъ выходженіе изъ своей индивидуальной опредѣленности или эк-

¹⁾ Zeller, IV, 194.—200. Ueberweg, I, § 54.—Ravaisson, Essai sur a Met. d'Arist. II, 172, 4.

²⁾ Zeller, V, 398—399.

стазь ¹⁾, т. е. нѣкоторый родъ самозабвенія въ созерцаніи Божества, какъ единого сущаго. По Плотину, во внутреннемъ человѣкѣ нужно различать три элемента: человѣка разумнаго (*νοερός*), разсудочнаго (*λογικός*) и чувственнаго (*αἰσθητικός*); первый соотвѣтствуетъ слову въ сѣмени, второй—душѣ міра, третій—идеѣ или уму; первый выражаетъ жизнь животную (ниже которой есть еще растительная, выражающаяся въ тѣлесной организаціи), второй—человѣческую, третій божественную. Чувственная жизнь основывается на разсудочной, разсудочная — на созерцательной ²⁾. Но созерцаніе основывается на созерцаніи единого, которое состоитъ въ нѣкоторомъ созерцающемъ прикосновеніи (*νοεως ἐφάψασθαι*) ³⁾, которое возможно въ энтузіазмѣ и состоитъ въ присутствіи (*παρούσια*) созерцаемаго въ созерцающемъ ⁴⁾. Всѣ эти моменты суть различныя ступени созерцанія (θεορίи ⁵⁾, которое само состоитъ въ различныхъ степеняхъ самосознанія ⁶⁾, или для себя бытія. Подобную же феноменологію развиваетъ и Прокль. Такъ какъ подобное познается подобнымъ, то для каждаго момента бытія находится имъ въ душѣ соотвѣтствующая способность ⁷⁾: чувственному соотвѣтствуетъ ощущение, душѣ—мышленіе, уму—непосредственное созерцаніе (*αὐτοπτική ἐπιβολή*), единому особая способность объединяться съ нимъ. Въ каждомъ изъ этихъ моментовъ онъ находитъ три момента: въ ощущеніи тройное воспріятіе ⁸⁾, въ мышленіи—математическій, діалектический, теоретическій (научный) моменты ⁹⁾, въ непосредственномъ созерцаніи—созерцаніе дѣйствительнаго, прикосновеніе къ мысли-

¹⁾ Zeller, V, 413—416; Ueberweg, I, 278, § 63; Vacherot, I, 142, 154—156.

²⁾ Enn. V, 1, 10—11, VII, 73—7; Bouilet, Les Enniades de Plotin, Eclaircissement, I, 224; II, 566. Richter, Die Psychologie des Plotin, 1867. Kirchner, Die Philosophie des P. S. 123 и слѣд.

³⁾ Enn. V, 3, 17.

⁴⁾ Enn. VI, 9, 4.

⁵⁾ Enn. III, 8.

⁶⁾ Enn. V, 3, 4, 13.

⁷⁾ Zeller, V, 816; Vacherot; II, 360.

⁸⁾ Zeller, V, 815, 5.

⁹⁾ Zeller, V, 816.

шому и объединеніе съ зиждительнымъ умомъ (διηγουργικός νοῦς), наконецъ, въ объединительной способности—прикосновение (συναφή), сближеніе (ἔρπελασις) и единство (ἕνωσις) съ Божествомъ ¹⁾. Черезъ это единство нашъ духъ становится едино съ Богомъ и, слѣдовательно, самъ становится богомъ (ἕνθεος) ²⁾. Эта ступень возможна въ энтузіамѣ, чрезъ непосредственное божественное присутствіе или дѣйствіе въ душѣ ³⁾. Такимъ образомъ вся эта антропология или психология представляетъ въ сущности спекулятивную феноменологию духа (въ родѣ Гегелевой ⁴⁾).

96. Если теперь эту феноменологию духа представить въ обратномъ порядкѣ въ естественной послѣдовательности ея моментовъ, то вмѣсто субъективнаго самосознанія мы получимъ объективный процессъ раскрытія полноты божественной жизни въ самой себѣ, въ человѣческомъ духѣ и вселенной. Божество само въ себѣ, нисколько себя не умаляя, раскрывается въ нѣкоторыхъ моментахъ (ὀπόστασις), которые, сохраняя свою отдѣльность, въ тоже время не нарушаютъ своего верховнаго единства. Уже у стоиковъ Божество потому и есть верховная причина всего, что, какъ причина, оно не можетъ не производить ряда причинъ, дающихъ въ результатѣ вселенную, ибо невозможно, чтобы въ присутствіи причины не было того, чего она есть причина (ἀδύνατον δὲ εἶναι, τὸ μὲν αἴτιον παρεῖναι, οὐ δὲ ἔστιν αἴτιον μὴ ὑπάρχειν) ⁵⁾, какъ говоритъ еще Зенонъ. Оно въ зародышѣ (какъ λόγοι σπερματικοί) содержитъ въ себѣ зародыши (λόγοι) вещей и изводитъ ихъ изъ себя въ силу „разумной необходимости“, развивая въ нѣкоторомъ органическомъ процессѣ (эволюціи) систему міра, чтобы потомъ современемъ въ обратномъ порядкѣ возвратить ее въ первоначальное единство съ собою. Это понятіе о причинѣ, въ силу котораго причина не можетъ не творить (выраженное уже, какъ

¹⁾ Zeller, 824, 1.

²⁾ Vacherot, II, 368.

³⁾ Zeller, V, 828.

⁴⁾ См. Гайма, Гегель и его время, лекція XI.

⁵⁾ Stob. 1. I, 13, 1, Teichmüller, Geschichte des Begriffs der Parusie, S. 19.

мы видѣли, у Платона), заимствовалъ у стоекъ Филонъ. По его мнѣнію Божество не можетъ не творить, какъ огонь не можетъ не жечь и снѣгъ не быть холоднымъ. Но творить для Бога значитъ говорить (*διαλέγεσθαι*), ибо Богъ говоритъ вещами; а говорить значитъ выражать мысли, мыслить-же значитъ открывать внутреннее содержаніе себя самого. Отожествивъ такимъ образомъ причинность, говореніе, мышленіе и откровеніе, Филонъ находитъ, что Божество открывается первоначально въ логосѣ или мысли, которая затѣмъ дѣлитъ себя на идеи (*λόγος τομεύς*), идеи открываютъ себя въ дѣйствіи, какъ душа, организующая міръ. Богъ есть отецъ мысли или логоса, выражающагося въ идеяхъ; слово есть сынъ, второй Богъ (*δεύτερος θεός*) и образъ Божій; дѣйствіе или сила сына, какъ души міра, является, какъ духъ (*πνεῦμα ἅγιον*), который есть отпечатокъ сына (логоса) или образъ образа (*εἰχὼν εἰχόνος*). Этотъ образъ образа дѣйствуетъ, какъ природа (*φύσις*) и производитъ чувственные предметы ¹⁾ (которые выражаютъ въ своей совокупности эту природу). Плотинъ старается ближе опредѣлить процессъ творчества или взаимное отношеніе различныхъ моментовъ сверхчувственного бытія. Подобно Филону, онъ также разумъ считаетъ образомъ (*εἶχον*) единого, а душу образомъ (*εἶδολον*) разума; но онъ различаетъ въ отношеніи этихъ ипостасей, взятыхъ вообще, и въ отношеніи къ частнымъ ихъ выраженіямъ, два момента: происхожденіе и возвратъ (*πρόδος καὶ ἐπιστροφή*). Происхожденіе имѣетъ мѣсто потому, что каждый моментъ, оставаясь въ себѣ, производитъ другой моментъ, какъ силу (*δύναμις*), подобно тому, какъ огонь производитъ теплоту или снѣгъ холодъ ²⁾. Возвращеніе имѣетъ мѣсто потому, что, относясь къ своей причинѣ, производимая сила видитъ прежде всего производящее, но видя производящее, она видитъ и себя въ отношеніи къ нему и чрезъ то получаетъ форму или опредѣляется, отъ производящаго отличая себя, какъ его про-

¹⁾ Подобные моменты бытія у Фихте старшаго: Богъ, логосъ, свѣтъ (*φῶς*), или: Богъ, сознание и дѣлящая рефлексія, или: бытіе, существованіе и образъ существованія, *Seyn, Daseyn und Als oder Wie*. См. *Anweisung zum heil. Lebens*, Lect. VII.

²⁾ *Enn.* II, 5, 1, 2.

изведеніе или отобразъ ¹⁾. Подобно тому какъ у Шеллинга каждый продуктивный продуктъ развитія возникаетъ черезъ умственное воззрѣніе, опредѣляющее себя въ новомъ воззрѣніи на себя, въ которомъ производящее противопоставляется произведенному ²⁾. Такимъ образомъ разумъ есть слово и актъ единого, а душа—слово и актъ ума ³⁾. Это взаимное отношеніе моментовъ божественнаго бытія опредѣляется еще ближе у Прокла. Онъ находитъ три момента въ этомъ отношеніи: существованіе произведеннаго въ производящемъ, въ силу котораго произведенное не прерываетъ своего тождества съ производящимъ, составляетъ какъ-бы продолженіе производящаго (*μότη*),—затѣмъ выступленіе изъ производящаго, въ силу котораго произведенное отличается отъ производящаго (*πρόδος*) и, наконецъ, возвращеніе къ производящему, въ силу котораго произведенное является образомъ производящаго (*ἐπιστροφή*). Ясно, что всѣ эти моменты суть моменты абсолютнаго самосознанія, полагающаго въ себѣ свое содержаніе (подобно тому какъ идея сознаетъ себя у Гегеля въ синтезѣ, тезисѣ и антитезисѣ). Такимъ образомъ въ ученіи о Божествѣ мы видимъ у Филона, Плотина и Прокла попытку представить Божество черезъ его принципъ. Эта попытка вела къ различенію отношеній въ Божествѣ (*τρόποι ὑπάρξεως*), причемъ отношенія эти были отношеніями строгаго субординаціонизма, по которому всякій послѣдующій моментъ подчиненъ предыдущему, какъ слѣдствіе причинѣ, какъ образъ—первообразу, какъ возможность дѣйствительности или сила энергіи (акту).

97. Очевидно, что общій характеръ третьяго періода греческой философіи состоялъ въ разсмотрѣніи вещей посредствомъ ихъ принциповъ съ точки зрѣнія безусловнаго и условнаго. Въ каждой вещи находили вѣчто безусловное, какъ дѣйствующее въ ней начало, и міръ весь считался лишь чувствен-

¹⁾ Enn. V, I, 7; 21; 3, 15; 4, 1, и др.

²⁾ Сравн: Zeller, V, 507, Richter, Studien Neu-Platonische, Plotin's Lehre vom Sein, 24. Schelling, System des transcendental. Idealismus, dritter Hauptabschnitt, 80 изд. 1800 г.

³⁾ Enn. V. 1, 6.

нымъ откровеніемъ абсолютнаго. Методомъ этихъ спекулятивныхъ теорій служилъ методъ восхожденія отъ низшихъ причинъ къ высшимъ, до безусловнаго, и обратный выводъ изъ безусловнаго всѣхъ причинъ вторичныхъ. Это было, слѣдовательно, заключеніе отъ условнаго къ безусловному въ просиллогизмѣ или заключеніи отъ безусловнаго къ слѣдствіямъ въ условномъ эписиллогизмѣ. Извѣстно, что стоики силлогизмомъ въ истинномъ смыслѣ считали единственно условный и при-мыкающій къ нему условно-раздѣлительный ¹⁾ и задачей философіи поставляли изслѣдованіе причинъ или началъ (*περί ἀρχῶν*) ²⁾. Вслѣдъ за ними и Филонъ считалъ восхожденіе къ первымъ причинамъ посредствомъ заключеній (*ἀναδραμῶν λογισμῶν*) органомъ философскаго знанія, уподобляя такое восхожденіе восхожденію по небесной лѣстницѣ къ созерцанію Творца ³⁾, но самую причинную связь вещей онъ понималъ при этомъ уже какъ связь идей или идеальныхъ принциповъ. На установленіе (конструкцію) въ сознаніи этой связи по бытію между высшими принципами и низшими было затѣмъ обращено особенное вниманіе Плотина ⁴⁾ (какъ у Шеллинга въ конструктивномъ методѣ), пока наконецъ Прокль не формулировалъ своего діалектическаго метода. Этотъ методъ (подобно Гегелевскому) состоялъ въ представленіи или примиреніи посредствомъ высшаго объединяющаго и объясняющаго принципа противоположныхъ другъ другу (въ сознаніи) началъ, какъ моментовъ этого высшаго принципа: положеніе и обусловленное имъ противоположеніе объединялись, какъ моменты высшаго положенія ⁵⁾. Въ силу самыхъ свойствъ метода основнымъ его принципомъ долженъ былъ выступить именно законъ достаточнаго основанія, въ силу коего ничто не можетъ быть объяснено для нашего знанія безъ указанія достаточныхъ основаній. Прантль видитъ первый зачатокъ закона достаточнаго основанія именно у стоиковъ въ ихъ ученіи объ услов-

¹⁾ Zeller, IV, 109.

²⁾ Zeller, IV, 116, 130—138.

³⁾ Муретовъ. Ученіе о Лог. фил. Ал. 100—103.

⁴⁾ Епп, III, I, 1, 2 и слѣд.

⁵⁾ Zeller, V, 819. Vacherot, II, 215.

ныхъ сужденіяхъ ¹⁾. Сужденіе причинности (τό αἰτιώδες) считалось истиннымъ, если послѣдующій членъ сужденія слѣдуетъ дѣйствительно (фактически) изъ своего истиннаго основанія, и ложнымъ, если послѣдующій членъ или имѣетъ ложное основаніе, или такое, которое не имѣетъ никакихъ послѣдствій, или же обратныя послѣдствія ²⁾. Впрочемъ представить достаточное основаніе у Александрійскихъ философовъ значило указать не столько логическую, сколько реальную причину, или что тоже — обуславливающій принципъ чего-либо ³⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что аксіома, заправлявшая методомъ Александрійской философіи, была именно аксіома спекулятивнаго мышленія.

98. Въ сущности все разрѣшилось въ идею, такъ что всякое реальное бытіе представляло моментъ или чувственное познаніе, свидѣтельствовавшее лишь о душевныхъ основаніяхъ, ибо уже стоики считали ощущение продуктомъ душевной дѣятельности ⁴⁾. Но какъ чувственное познаніе есть моментъ души нашей, такъ чувственныя явленія и сама наша душа есть моментъ міровой души, а міровая душа — моментъ ума, который въ свою очередь есть моментъ абсолютнаго. Филонъ, Плотинъ и Проклъ выражали это отношеніе, утверждая, что тѣло находится въ душѣ, душа въ умѣ, а умъ въ абсолютномъ. Но это разрѣшеніе всего въ идею, какъ видно, совершилось не вдругъ. Стоики разрѣшили все въ дѣйствующую причину, ибо всѣ причины считали моментами единой причины всего. Филонъ разрѣшилъ все въ причинность идеальную, т. е. въ причинность абсолютнаго самосознанія (какъ у Фихте). Плотинъ привелъ самосознаніе къ полнѣйшему тождеству субъективнаго и объективнаго, созерцающаго и созерцаемаго въ единомъ (подобно какъ у Шеллинга), причемъ особенное вниманіе об-

¹⁾ Prantl, Geschichte der Logik, I, 459.

²⁾ Prantl, ibidem I, 461.

³⁾ Enn. III, 1, 1. сл. Муретовъ 100; Vacherot, II, 228.

⁴⁾ Sensus ipsos assensus esse. Cic. Acad. II, 33. Στωϊκοί, πᾶσαν αἰσθησιν εἶναι συγκατάθεσιν καὶ κατάληψιν. Stob. Serm. Append. XX, 15, 17. Ravaisson. Essai sur la Metaph. d'Arist. II, 127, 4. Cp. Zeller IV, 77, 4. Cp. Plotini. Enn. I, 1, 2, 7; III 6, 1. Это въ сущности взглядъ Аристотеля. De An. II, 8.

ратилъ какъ на обоснованіе или выводъ (построеніе) различій, такъ на сведеніе этихъ различій къ тождеству субъективнаго и объективнаго. Наконецъ, Проклъ понялъ абсолютное, какъ развивающуюся въ рядѣ опредѣленій и въ нихъ пребывающую, безпричинную причину или принципъ (т. е. идеальное развивающееся тождество, какъ у Гегеля). Мы, слѣдовательно, видимъ здѣсь полное соотвѣтствіе различнымъ моментамъ дѣятельности разума вообще; ибо въ стоикахъ и Филонѣ мы видимъ объясненіе вещи разумными причинами, въ Плотинѣ—обоснованіе или соотношеніе производящаго къ производимому, въ Проклѣ—представленіе вещей черезъ ихъ идеальный принципъ, въ нихъ развивающійся, какъ въ своихъ моментахъ.

99. Рядомъ съ этимъ спекулятивнымъ направленіемъ въ этомъ періодѣ развивалось направленіе позитивное и утилитаристическое (подобное направленію Милля) въ школѣ Эпикура ¹⁾, которое единственною истинною считало состояніе чувствующаго субъекта, ощущенія и аффекты (πάθη) и единственною дѣйствительностію только чувственное, о которомъ мы можемъ судить на основаніи ощущеній. Ощущенія суть воспріятія образовъ (εἰδωλα), которые въ видѣ тонкихъ матеріальныхъ частицъ отдѣляются отъ предметовъ и, входя въ органы чувствъ, служатъ матеріаломъ для образованія общихъ представленій. Всѣ эти образы истинны. Ошибки состоятъ лишь въ толкованіи ихъ, въ мнѣніи о нихъ (δόξα). Но правильное мнѣніе можетъ на основаніи ихъ судить о томъ, что за нами сокрыто (ἄδηλον), чего на основаніи ихъ мы имѣемъ право ожидать (προσμενον). Въ первомъ случаѣ мнѣніе правильно, если не противорѣчитъ опыту, во второмъ—если оправдывается опытомъ. Это правильное мнѣніе можетъ состоять только въ томъ, что все существующее тѣлесно, ибо только о тѣлесномъ свидѣтельствуется ощущеніе. Тѣлесное-же состоитъ изъ атомовъ, находящихся въ вѣчномъ движеніи и своими комбинаціями образовавшихъ бесконечно многіе міры, въ безпредѣльной области которыхъ все возможное и мыслимое можетъ быть найдено въ

1) Zeller IV; Ueberweg, I, § 56; Ламе, Истор. мат. I, 78—124.

дѣйствительности. Впрочемъ изъ этой обширной вселенной нужно намъ только то, что связано съ удовлетвореніемъ нашихъ потребностей и нашимъ благополучіемъ ¹⁾. Съ этимъ позитивизмомъ въ сущности сходится та школа эмпирическихъ врачей, которая хотѣла ограничиться только однимъ лишь опытнымъ знаніемъ дѣйствія различныхъ врачебныхъ средствъ и считала бесполезнымъ изслѣдованіе причинъ болѣзней. (Къ этой школѣ ²⁾ принадлежалъ Секстъ Эмпирикъ). Пирронизмъ и академики образовали направленіе, такъ называемыхъ, младшихъ скептиковъ, выдававшихъ свое ученіе за руководство (ἀγωγή) къ избѣжанію заблужденій. Чтобы не впасть въ заблужденіе, нужно удерживаться отъ всякаго положительнаго сужденія о явленіяхъ, ибо всякому сужденію можно съ равною справедливостію противоположить другое противоположное (ἰσοσθένεια τῶν λόγῶν). Каждому ощущенію можно противопоставить противоположное (10 троповъ Энезидема), равно какъ и каждому понятію, ибо всѣ понятія противорѣчивы. Особенное вниманіе младшіе скептики посвящали невозможности доказательства, ибо каждое доказательство должно требовать новаго доказательства, а это опять новаго и такъ въ безконечность. Силлогизмъ уже у Эпикура считался ненужнымъ приемомъ мышленія. Скептики пошли дальше: они (подобно Миллю ³⁾) ваходили въ немъ кругъ, ибо справедливость заключенія зависитъ, по ихъ мнѣнію, отъ большей посылки, а справедливость большей посылки сама зависитъ отъ справедливости заключенія. Какъ нѣтъ доказательства, такъ нѣтъ и причинной условности явленій, ибо есть только простое существованіе и послѣдовательность явленій (опять какъ у Милля ⁴⁾). Тѣлесное не можетъ производить безтѣлеснаго и безтѣлесное тѣлеснаго вслѣдствіе неоднородности, подобно тому какъ лошадь не можетъ производить человѣка. Но и однородное не можетъ произвести однороднаго съ нимъ, ибо происходящее

¹⁾ Diog. Laërt. L. X. Carrau, La morale utilitaire, p. 27.

²⁾ Sext. Empir. Pyrr. I, 34. Zeller, V, 14.

³⁾ Милль, Логика, кн. II, гл. 3, § 2.

⁴⁾ Ibid. кн. III, гл. 5. §§ 2, 5.

тогда уже заключалось-бы въ производящемъ, напримѣръ, при происхожденіи двухъ изъ одного—эти два были уже въ одномъ (какъ части). Никакая причина не можетъ дѣйствовать сама по себѣ, потому что тогда каждая причина во всякое время производила-бы свои дѣйствія. Но это опровергается опытомъ. Нельзя утверждать, что причина обладаетъ свойствомъ производить только одинъ результатъ, ибо солнце глину сушитъ, а воскъ растапливаетъ. Нельзя сказать, чтобы причина обладала свойствомъ производить различныя дѣйствія, ибо солнце тогда все сушило и плавило-бы вмѣстѣ. Нельзя этого различія въ дѣйствіи приписывать предмету, на который переходитъ дѣйствіе, ибо тогда истинною причиною явленія будетъ взаимодействіе, но взаимодействіе возможно чрезъ соприкосновеніе, а соприкосновеніе можетъ быть только непосредственное, непосредственное-же соприкосновеніе въ сущности есть соединеніе, сліяніе, отождествленіе, т. е. сводится къ простому сосуществованію. Не меньше затрудненія представляетъ понятіе страданія или измѣненія. Страдать или измѣняться можетъ только то, что есть; но пока оно есть что-либо, оно не измѣняется, ибо измѣненіе въ томъ и состоитъ, что вещь становится тѣмъ, что она не есть. Если-же что-нибудь измѣняется, напримѣръ, увеличивается или уменьшается, то оно перестаетъ существовать, ибо тогда существуетъ уже другое, уменьшенное или увеличенное, а не прежде бывшее, котораго уже нѣтъ и которое измѣняться не можетъ. Измѣненіе сводится, слѣдовательно, къ простой послѣдовательности во времени. Итакъ причинной связи нѣтъ, а есть лишь сосуществованіе и послѣдовательность. Мысль о существованіи первой причины или Божества поэтому не можетъ быть доказана ¹⁾. Вообще уже со временъ Карнеада замѣчено, что идея Божества заключаетъ въ себѣ противорѣчіе (абсолютнаго бытія и личности, благости и всемогущества и допущенія зла въ міръ ²⁾). Такимъ образомъ мы не имѣемъ ни формальныхъ, ни матеріальныхъ условій истиннаго знанія. Мы не можемъ даже ска-

¹⁾ Sext. Pyrr. III, 3, 4.

²⁾ Sext. Ibid III, 2; Zeller. IV, 504—513.

затъ, что мы не знаемъ ничего, ибо и это такъ-же сомнительно, какъ и все другое. Можно развѣ предположить только одно, что все состоитъ изъ противоположностей подобно тому, какъ училъ Гераклитъ. Именно къ Гераклиту, кажется, и примыкалъ Энезидемъ ¹⁾. Но по мнѣнію Секста Эмпирика единственное, что намъ остается, это—отказаться отъ познанія всего скрытаго (ἀόηλον) за чувственными образами, и довольствоваться только лишь простымъ сознаніемъ явленій (φαίνόμενα), которыя слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ и совмѣстности. Этимъ порядкомъ явленій мы и должны руководствоваться въ своихъ поступкахъ ²⁾. Мы видимъ, такимъ образомъ, что древній позитивизмъ (какъ и новый) или примыкаетъ къ матеріализму въ эпикурейцахъ, или къ феноменизму въ скептикахъ, но въ томъ и другомъ случаѣ онъ въ сущности предполагаетъ недовѣріе къ познательнымъ силамъ человѣка. Это недовѣріе относится не только къ чувственности, но и къ мышленію и къ разуму. Направленное противъ стоической спекуляціи, оно само однако находило себѣ противодѣйствіе въ спекуляціи неопиетагорейцевъ и неоплатониковъ.

100. Но уже въ этомъ противодѣйствіи скептическимъ элементамъ тогдашняго позитивизма разумъ долженъ былъ, наконецъ, сознать свое истинное значеніе и опредѣлить истинную компетенцію философіи. Всѣ усилія философіи направлены были къ постиженію абсолютнаго основанія всѣхъ вещей. Достигши вершины своего развитія въ неоплатонизмѣ, философія должна была, наконецъ, обратить свое вниманіе на отношеніе этого абсолютнаго основанія къ нашему разуму. Въ первомъ періодѣ своего развитія философія представляла это основаніе подъ формою единства, которое изводитъ изъ себя космосъ явленій, какъ множество. Не успѣвъ побѣдить антиноміи одинаго и многаго или частей и цѣлаго, философія думала найти это примиреніе въ мысли, что абсолютное не

¹⁾ Zeller, V. 30; Ueberweg, I, стр. 261, § 60. Секстъ утверждаетъ это ложительно.

²⁾ Pappeheim. Des Sextus Emp. Pyrronäische Grundzüge, I, 7, 10, 34; III 22—31. Zeller. V. 60—63.

просто единое, но всеобщее существо, къ которому множественность частей или явленій относится, какъ единичное и неизмѣняемое къ общему и неизмѣняемому. Но и антиномія всеобщаго и отдѣльно-единичнаго не могла быть примирена изъ самой себя, но въ свою очередь отсылала къ новой точкѣ зрѣнія. Стали представлять основаніе вещей не только единымъ и всеобщимъ, но и абсолютнымъ, къ которому міръ явленій относится не только какъ многое и частное, но и какъ условное къ безусловному. Дѣйствительно, въ александрійскій періодъ, особенно у неоплатониковъ, основаніе всѣхъ вещей противопоставляется всему остальному какъ единое, всеобщее и абсолютное (*αὐταρχές*) многому, частному и производимому. Но именно эта идея абсолютнаго основанія всѣхъ вещей и должна была вести умъ человѣческой къ признанію того, что она есть только образъ абсолютнаго въ умѣ (не только человѣческомъ, но и всеобщемъ), есть только тѣнь абсолютнаго въ нашемъ существѣ, которая, конечно, недостаточна для полнаго освѣщенія и проясненія условнаго чрезъ его отношеніе къ непостижимому въ себѣ абсолютному. Чтобы абсолютное, сообразно его истинной идеѣ, именно какъ абсолютное въ полномъ смыслѣ, поставить внѣ всякой относительности къ условному, т. е. чтобы преодолѣть антиномію условнаго и безусловнаго, нужно было абсолютное, какъ единую всеобщую и безконечную реальность, поставить внѣ отношеній къ разуму, сдѣлать его сверхразумнымъ (*ὑπερνόητον*), какъ это дѣлали не только александрійцы, но и нѣкоторые стоики ¹⁾. Но въ такомъ случаѣ нужно признать, что существуетъ особое отношеніе этого абсолютнаго къ нашему духу, которое отлично отъ познавательнаго отношенія вещей къ уму. Такое отношеніе философія третьяго періода признавала въ полной мѣрѣ: со стороны человѣка такое отношеніе представлялось выступленіемъ его изъ границъ своей индивидуальности (изступленіе или экстазь), а со стороны безковечнаго присутствіемъ (*παρούσια*) его въ духѣ человѣческомъ, когда человѣкъ находится въ этомъ состояніи. Если отбросить фантастическую сторону въ

¹⁾ Seneca. Nemo novit Deum. Ep. 31.

описаніи этого отношенія у александрійскихъ философовъ, то въ сущности имъ допускалось реальное соприкосновеніе (τὸ θεῖψασθαι) конечнаго съ безконечнымъ или откровеніе въ непосредственномъ переживаніи. Объ этомъ откровеніи Божества и вообще высшаго сверхчувственнаго міра говорятъ почти всѣ выдающіеся мыслители третьяго періода: Филонъ ¹⁾, Плутархъ ²⁾, Плотинъ ³⁾, Порфирій ⁴⁾, Ямвлихъ ⁵⁾, Прокль ⁶⁾, Симплицій ⁷⁾ и другіе. Неопифагорейцы ⁸⁾ и даже стоики ⁹⁾, особенно позднѣйшіе ¹⁰⁾, держались вѣры въ непосредственныя откровенія Божества. Отъ того на философію въ третьемъ періодѣ смотрѣли, какъ на высшее религіозное дѣло, которое ведетъ къ непосредственному прикосновенію съ Божествомъ и даетъ настоящей смыслъ народной религіи ¹¹⁾ (подобно тому какъ спекулятивные философы Германіи на философію смотрѣли, какъ на просвѣтленную религію: Фихте, Шеллингъ и Гегель). Философія, слѣдовательно, теряла свою самостоятельность, потому что центръ тяжести переносился въ религіозное откровеніе, къ которому познаніе привходитъ и отъ котораго оно исходитъ. Послѣдовало признаніе гетераноміи разума и примата откровенія.

101. Такъ закончила свое существованіе древняя философія, развившаяся на почвѣ греческаго духа. Три ступени самостоятельнаго развитія ея выразились въ трехъ періодахъ ея существованія. Періодъ первый былъ періодомъ исключительно натурфилософскимъ, рассматривавшимъ вещи съ точки зрѣнія частей и цѣлаго въ формѣ пространственно - временнаго представленія. За нимъ послѣдовалъ второй періодъ, ко-

¹⁾ Zeller V, 352, 1.

²⁾ Zeller, V, 189—244.

³⁾ Enn. VI, 9, 9—11.

⁴⁾ De Abstinent. II, 53.

⁵⁾ De vite Pythag. 28.

⁶⁾ In Pbat. Theol. Comm. 1. 1.

⁷⁾ In. Enchirid. Epict. 1.

⁸⁾ Zeller V, 145.

⁹⁾ Zeller, IV, 345.

¹⁰⁾ Ibid. V, 237—239.

¹¹⁾ Ibid. IV, 309.

торый былъ исключительно антропологическимъ, разсматривавшимъ вещи съ точки зрѣнія общаго и частнаго въ логической формѣ подводимыхъ одно подъ другое понятій. Наконецъ, третій періодъ былъ исключительно теологическимъ, разсматривавшимъ вещи съ точки зрѣнія условнаго и безусловнаго въ формѣ развивающейся въ своихъ моментахъ идеи. Философское самосознаніе сначала выразилось въ міросознаніи, потомъ въ субъективномъ самосознаніи и, наконецъ, въ богосознаніи. Восходя со ступени на ступень, оно съ одной стороны какъ бы отрицало себя въ своей предшествовавшей формѣ, съ другой утверждало себя въ новой формѣ. Процессъ самоотрицанія, слѣдовательно, былъ процессомъ умноженія содержанія и процессомъ самоуглубленія. Послѣднее усиліе этого самоуглубляющагося самосознанія разума было самоотрицаніе его въ пользу признанія абсолютной реальности, которая лежитъ за его предѣлами и которая становится къ нему въ отношеніе чрезъ особый актъ откровенія себя въ человѣческомъ духѣ. Мы видимъ, слѣдовательно, здѣсь, что развитіе философіи совершило исторически тотъ самый циклъ, моменты котораго проходить и должно пройти всякое индивидуальное сознаніе; мы видимъ здѣсь послѣдовательную смѣну: представленія, понятія, идеи, пока наконецъ сама идея не отошлетъ насъ къ своему условію, состоящему въ откровеніи абсолютной реальности. И вотъ, когда философія возвращалась къ первоначальному откровенію, какъ къ своему первоначальному источнику, послѣдовало вторичное откровеніе Божества во Христѣ совершенно независимо отъ этого философскаго движенія, которое однако было соображено и принято въ планы Провидѣнія. Или говоря иными словами: въ то время когда сознаніе возвращалось къ откровенію послѣдовалъ одинъ изъ центральныхъ его актовъ, составляющій средоточіе всякаго движенія. Намъ поэтому нужно теперь обратиться къ разсмотрѣнію отношенія, пройденнаго философскаго развитія къ этому новому акту откровенія.

М. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

24. Пиндаръ Ѡиванецъ.

Къ числу поэтовъ-мыслителей по справедливости принадлежить и лирикъ Пиндаръ. Онъ родился въ Беотійскихъ Ѡивахъ въ 522 году до Р. Хр. Родители его принадлежали къ знатной фамиліи. Особенностію этой фамиліи было то, что многіе изъ принадлежавшихъ къ ней отличались искусствомъ игры на флейтѣ. Этому искусству съ дѣтства наученъ былъ и Пиндаръ. Въ послѣдствіи онъ дополнилъ свое образованіе въ этомъ искусствѣ подъ руководствомъ знаменитаго поэта и музыканта Лазоса изъ Герміоны и поэтессы Миртиды и Коринны. Въ теченіи долгой жизни своей (онъ скончался 80 лѣтъ отъ роду) онъ много написалъ поэтическихъ произведеній, изъ коихъ особенно славою доселѣ пользуются, какъ и издавна пользовались, его оды олимпійскія, пиѣйскія, немейскія и исѣмійскія. Самую первую изъ нихъ (10-ю пиѣйскую) онъ написалъ, будучи лишь 20-ти-лѣтнимъ юношею. Но кромѣ этихъ одъ отъ него осталось много и другихъ поэтическихъ произведеній, большею частію дошедшихъ до насъ въ отрывкахъ. Въ его произведеніяхъ видно не одно только поэтическое чувство, но

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 7.

нерѣдко и глубокія мысли. Какъ человѣкъ глубоко религіозный, и въ высшей степени наблюдательный, Пиндаръ много мыслилъ, много работалъ головою прежде, нежели изложить то или другое въ письмени. Его наблюдательности очень много способствовали его путешествія и обширныя знакомства; а тѣ и другія, въ свою очередь, имѣли въ основаніи своемъ рано упрочившуюся славу его, какъ поэта. Кромѣ Оивъ, въ которыхъ, онъ жилъ болѣе всего, онъ посѣщалъ не рѣдко Дельфы, Олимпію и другія мѣста общественныхъ игръ и празднествъ; былъ не разъ въ Сициліи, гдѣ тиранны Геронъ и Феронъ считали за честь быть въ дружбѣ съ нимъ и услышать отъ него тотъ или другой совѣтъ, ту или другую пѣснь и под. Пиндаръ—одинъ изъ немногихъ поэтовъ древней Греціи, сочиненія котораго въ большей своей части дошли до нашего времени. Въ нихъ насъ интересуютъ, конечно, въ настоящую пору изрѣченія поэта-мыслителя, которыя уже въ древности записываемы были многими собирателями въ родѣ Плутарха, Стобея и другихъ, и которыя суть:

Если кто-либо надѣется скрыться отъ Бога, дѣлая что-либо, то ошибается.

Что есть Богъ?—Онъ есть все.

Зевсъ болѣе всего изъ боговъ получилъ божественной славы въ удѣлъ для себя.

Зевсъ даруетъ все и каждое.

Зевсъ всего господинъ.

Великій разумъ Зевса управляетъ судьбой людей, ему любезныхъ.

Счастливая судьба всѣхъ насъ ведетъ къ концу земнаго бытія, который избавляетъ отъ страданій жизни. При этомъ тѣло человѣка предается всемогущей смерти; живымъ-же остается только образъ вѣчнаго бытія: ибо онъ только есть даръ боговъ ¹⁾.

Богъ и орла обгоняетъ крылатаго.

Онъ и морскаго дельфина минуетъ.

¹⁾ Не даромъ это изрѣченіе приводятъ учителя христіанской Церкви, какъ, напримѣръ, Климентъ Александр. Оно замѣчательно по глубинѣ и высотѣ мысли.

Если боги спѣшатъ: вмигъ окончено дѣло.

Ихъ коротки пути; въ тотъ-же день у нихъ все совершается.

Если какой человѣкъ славится мудрыми мыслями, то это есть Божій даръ.

Чего ты ожидаешь отъ мудрости людской? Она не можетъ мыслию пропикнуть въ совѣты Божіи и испытать ихъ: и это потому, что матерью своей она имѣетъ смертную премудрость.

Богъ всякую надежду нашу осуществляетъ.

Богъ можетъ изъ черной ночи произвести чистый свѣтъ и, наоборотъ, покрыть чернооблачнымъ мракомъ ясный свѣтъ дня.

Начала добродѣтелей полагаются въ насъ богами.

Благими и мудрыми люди бываютъ по милости Бога.

По благодати Зевса сердце людей отъ чувства страданій переходитъ къ чувству блаженства

Богъ сильный, Богъ ревнитель, Богъ злобнымъ мститъ въ потомствѣ.

Богъ смиряетъ гордыхъ, другихъ же награждаетъ вѣчною славою.

Одинъ только Богъ свободенъ отъ скорбей.

Боги свободны отъ тяготы старости; они одни чужды болѣзней, и нѣтъ имъ надобности переправляться чрезъ шумныя воды Ахерона ¹⁾.

Счастіе не зависитъ отъ людей:

Божество даруетъ его, въ разное время дѣйствуя различно: одного превознося, а другаго унижая.

Законъ есть всѣхъ царь, — и смертныхъ и бессмертныхъ.

Душа человѣческая бессмертна, и кончина ея обыкновенно называется смертію; но въ сущности она и тогда бываетъ и не погибаетъ никогда.

Власть есть необходимое и естественное явленіе, существующее у большей части живыхъ существъ и ими признаваемое.

Занимающіеся изученіемъ природы срываютъ не зрѣлый плодъ мудрости.

---

¹⁾ Ахеронъ — рѣка въ подземномъ царствѣ, чрезъ которую переправляться долженъ былъ, по вѣрованію грековъ, всякій, направляясь послѣ кончины своей въ Аидъ.

Находящій въ жизни своей много неправды, пребываетъ въ постоянномъ страхѣ и даже иногда отъ сна пробуждается, подобно ребенку, проводя жизнь въ надеждѣ на дурной исходъ ея. Напротивъ тому, кто не сознаетъ за собою никакой неправды, всегда присуща сладкая надежда, добрая питательница старости.

Пиндаръ же называлъ надежды сновидѣніями бодрствующихъ ¹⁾.

У. Ж.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Bergk, Poetae lyrici graeci. T. I. Lipsiae, 1878. Stobei, Floril. pagg. 260 295; 465; 513; 581 и др.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Мая № 9. 1886 года.

Содержаніе: Постановленія бывшаго въ Казани собранія преосвященныхъ архіереевъ (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Хорошевскаго духовнаго приюта.—Программа съѣзда духовенства Кудянскаго училищнаго округа, пмѣющаго бытъ 5 іюня сего 1886 г., утвержденная Его Высокопреосвященствомъ 26 апрѣля 1886 г.—Пожертвованіе.—Извѣстія и замѣтки.

Постановленія бывшаго въ Казани собранія преосвященныхъ архіереевъ.

(Окончаніе).

В) Религіозно-нравственное состояніе православныхъ инородцевъ имѣетъ свѣтлыя и темныя стороны. Сохраняя всѣ свойства религіозности православно-русскаго народа, инородцы отличаются глубокою набожностію, дѣтскою простотою вѣры, преданностію Богу и глубокимъ почитаніемъ святыхъ Его; но въ то же время у нихъ гораздо больше остатковъ языческихъ вѣрованій, чѣмъ у русскихъ, такъ что въ общемъ ихъ религіозно-нравственное состояніе менѣе удовлетворительное. Если религіозность у православно-русскихъ часто бываетъ только чисто внѣшняя, то у инородцевъ она далѣе внѣшности рѣдко простирается. Если и у православно-русскихъ христіанъ, не смотря на тысячелѣтнее просвѣщеніе ихъ христіанствомъ, сохранились доселѣ остатки старинныхъ языческихъ вѣрованій, то инородцы, при недавнемъ сравнительно своемъ знакомствѣ съ христіанствомъ, не смогли еще выйти изъ того религіозно-нравственнаго состоянія, которое называется двоевѣріемъ. Рядомъ съ христіанскимъ Богомъ они чтутъ и старыхъ своихъ языческихъ боговъ, совершаютъ имъ жертвоприношенія, поклоняются керемети, соблюдаютъ разные языческіе обычаи, хотя и стараются скрывать это, такъ что у нихъ еще много слѣдовъ язычества. У крещеныхъ же татаръ замѣчается по мѣстамъ склонность и приверженность къ магометанству. Такое двоевѣріе и привязанность къ старымъ своимъ обычаямъ въ наибольшей степени замѣчаются между тѣми инородцами, которые живутъ сплошными массами и притомъ вдали отъ вліянія русскихъ и православно-русскаго христіанскаго просвѣщенія. Въ частности въ этомъ отношеніи религіозно-нравственное состояніе таковыхъ удаленныхъ отъ русскаго вліянія инородцевъ представляется въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ:

1) Изъ крещеныхъ черемисъ и чувашъ еще не очень значительная часть совершенно оставила свои языческіе обычаи и начала жить по христіански. О большей части ихъ можно сказать, что они христіане только по имени, потому что продолжаютъ еще жить жизнію, почти одинаковою съ некрещеными. Правда, они омыты отъ грѣха прародительскаго въ купели крещенія, но не просвѣщены, какъ слѣдуетъ, ученіемъ евангелія. Они вѣнчаются въ церкви, но празднество свадебное сопровождается у нихъ языческими церемоніями. Умершихъ погребаютъ они по чину православной Церкви, но совершаютъ надъ ними поминки по языческимъ обрядамъ. Они знаютъ о воскресеніи Христовомъ и день воскресный почитаютъ, но рядомъ съ нимъ, вмѣстѣ съ магометанами, чтутъ пятницу. Наконецъ, многіе изъ этихъ именуемыхъ христіанами черемисъ и чувашъ безъ ужаса не могутъ произнести имени керемети и почти при каждой бѣдѣ, при всякой болѣзни какъ своей, такъ и домашнихъ животныхъ, стараются умиливать ее своими жертвоприношеніями. Даже съ именами христіанскихъ святыхъ они не рѣдко соединяютъ суевѣрные, чисто языческія представленія. Такъ напр. чуваша обращаются къ святителю Николаю съ молитвою объ отпущеніи ихъ врагамъ и обидчикамъ.

2) Все сказанное о двоевѣрїи чувашъ и черемисъ можетъ быть вполнѣ приложено и къ вотьякамъ. Они продолжаютъ еще совершать моленія своимъ языческимъ богамъ. Совершаются иногда общественныя молитвы чисто двоевѣрнаго характера; таково напр. моленіе Богу христіанскому предъ иконою Спасителя, но съ закланіемъ, въ видѣ жертвоприношенія, быка для общей трапезы. Поименованія умершихъ принимаютъ большую частію характеръ чисто языческой тризны. Обращаетъ на себя вниманіе и ворожба вотьяковъ. Ворожцы—это закоренѣлые приверженцы вотской старины; они съ усердіемъ поддерживаютъ суевѣрные обряды, застрашивая гнѣвомъ боговъ за неисполненіе старинныхъ обычаевъ. При совершеніи своихъ народныхъ празднествъ сильно предаются пьянству. Кумышку (національный вотскій напитокъ) усердно пьютъ мужчины и женщины, молодые люди и дѣвушки, и даже дѣти. Вообще религіозное христіанское развитіе ихъ находится на весьма низкой степени.

3) Въ религіозно-нравственной жизни крещеныхъ татаръ въ послѣднее время нельзя не видѣть значительной перемѣны въ пользу христіанства, особенно тамъ, гдѣ церковное богослуженіе стало совершаться у нихъ частію на татарскомъ языкѣ. Даже женщины и дѣвушки ихъ, прежде чуждавшіяся христіанскаго духовенства, церкви и всякой христіанской обрядности, нынѣ свободно и безъ всякаго принужденія начинаютъ ходить къ церковнымъ службамъ, за которыми усердно молятся Богу. Тоже самое замѣчается при служеніяхъ и на мѣстахъ ихъ жительства, какъ то: при напольныхъ молебствіяхъ, при крещеніи младенцевъ, за которыми усердно молятся Богу. Тоже самое при наутствованіи больныхъ. Но вмѣстѣ съ этимъ нельзя не пожалѣть о томъ, что крещеные татары находятся по мѣстамъ подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ единоплеменниковъ татаръ-магометанъ. Единоплеменность происхожденія, общность житейскихъ интересовъ, національныя склонности, одинъ и тотъ же языкъ, естественно сближаютъ ихъ болѣе съ татарами-магометанами, чѣмъ съ русскими. И по внѣшнему своему виду они очень походятъ на татаръ-магометанъ, отличаясь отъ нихъ лишь только тѣмъ, что не брѣютъ головъ и не носятъ

тубетеекъ. Подобно имъ они большею частію или вовсе не знаютъ русскаго языка, или же понимаютъ одинъ только обыденный разговорный языкъ. Поэтому чрезвычайно трудно для нихъ воспринимать истины Христовой вѣры, особенно когда онѣ передаются не на природномъ ихъ языкѣ, а на русскомъ.

И вообще о крещеныхъ инородческихъ племенахъ — вотякахъ, чувашахъ, черемисахъ и татарахъ надобно сказать одно, что чѣмъ болѣе знакомятся они съ русскимъ языкомъ и русскою жизнію, чѣмъ болѣе имѣютъ средствъ, въ лицѣ своихъ духовныхъ учителей и руководителей, на своемъ родномъ языкѣ провести въ сознание спасительныя истины вѣры и правственности, тѣмъ выше уровень нравственно-религіознаго ихъ развитія, тѣмъ меньше въ нихъ слѣдовъ языческихъ заблужденій и суевѣрій или мусульманскихъ обычаевъ и привычекъ, и наоборотъ. Нравственной и религіозной тьмы въ нихъ много, особенно въ тѣхъ крещеныхъ инородцахъ, которые живутъ сплошными массами, внѣ вліянія русскаго народонаселенія и просвѣтительной дѣятельности духовенства. Въ послѣднее время, впрочемъ, благодаря грамотности, а также переводу богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки, у всѣхъ вообще крещеныхъ инородцевъ начинаеть обнаруживаться поворотъ къ христіанскому образу жизни.

Причины неудовлетворительнаго религіозно-нравственнаго состоянія православныхъ инородческихъ приходоѡ очевидны. Инородцы не понимаютъ русскаго и церковно-славянскаго языка, на которомъ написаны наши вѣроучительныя и церковно-богослужебныя книги, оттого и христіанскаго ученія не знаютъ. Для нихъ нужны священныя книги на ихъ родномъ языкѣ, богослуженіе на ихъ же языкѣ, священники, знающіе ихъ языкъ, нужны школы, нужно просвѣщеніе. Итакъ существенно необходимыми мѣрами для возвышенія религіозно-нравственнаго состоянія инородцевъ должны быть признаны:

а) Назначеніе священно-церковнослужителями въ приходы съ инородческимъ населеніемъ лицъ самыхъ благонадежныхъ и притомъ знающихъ языкъ инородцевъ, а по возможности и удобству и изъ природныхъ инородцевъ, такъ какъ русскій рѣдко можетъ вполне приворовиться къ инородцамъ, хотя-бы отчетливо говорилъ на ихъ природномъ языкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ достойныхъ кандидатовъ на мѣста священниковъ и діаконовъ на первыхъ порахъ можно найти между учителями инородческихъ школъ, учившихся въ свое время или въ Казанской инородческой семинаріи, или въ Казанской крещено-татарской школѣ, или въ Симбирской центральной чувашской школѣ. Въ первомъ-же случаѣ для приготовления кандидатовъ священства въ инородческіе приходы было-бы желательно ввести преподаваніе инородческихъ языковъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Необходимо также въ семинаріяхъ тѣхъ епархій, гдѣ есть инородцы крещеные или некрещеные въ миссіонерскихъ цѣляхъ ввести изученіе ихъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ.

б) Учрежденіе въ инородческихъ приходахъ катхизаторства въ помощь церковно-просвѣтительному служенію священнослужителей сихъ приходоѡ. Съ этою цѣлью причты инородческихъ приходоѡ могли-бы выбирать изъ мѣстныхъ прихожанъ грамотныхъ и расположенныхъ къ тому, отличающихся благочестіемъ людей; и посылать ихъ или на мѣстныя средства, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, или на средства миссіонерскаго

комитета стипендіатами въ Казанскій миссіонерскій пріютъ, или въ Казанскую крещено-татарскую школу, или въ другое подобное учебное заведеніе, съ тѣмъ, чтобы стипендіаты по окончаніи ученія, оказавшіеся благонадежными, возвращались въ свои приходы и, не отрываясь отъ своихъ домашнихъ занятій, служили Церкви Божіей въ качествѣ катихизаторовъ. Они могли-бы бесѣдовать съ прихожанами, подъ руководствомъ священника, въ внѣбогослужебное время быть учителями въ школѣ церковно-приходской, или исправлять должность псаломщика. Кругъ ихъ дѣятельности можетъ быть распространенъ на нѣсколько деревень и даже сель, смотря по способностямъ ихъ и мѣстнымъ надобностямъ. Въ этомъ случаѣ они для успѣха дѣла могли-бы устраивать подвижныя школы. Катихизаторы должны находиться въ зависимости отъ епархіальнаго начальства. По достаточномъ приготовленіи и оказанной способности къ просвѣтительной дѣятельности, они могутъ быть избираемы и въ кандидаты священства. Для направленія и руководства таковыхъ священниковъ изъ инородцевъ было-бы полезно учредить окружныхъ миссіонеровъ-благочинныхъ съ высшимъ академическимъ и миссіонерскимъ образованіемъ.

в) Устройство молитвенныхъ домовъ въ далеко отстоящихъ отъ церкви инородческихъ деревняхъ, а гдѣ возможно, и новыхъ церквей, особенно въ тѣхъ деревняхъ, которыя окружены язычниками и магометанами. Къ устройству молитвенныхъ домовъ, по затруднительности построенія церквей, слѣдовало-бы приступить при первой къ тому возможности, и въ такомъ видѣ строить ихъ, чтобы можно было производить въ нихъ и ученіе школьное, и ученіе церковное, и богослуженіе, не исключая и литургіи, которая могла-бы совершаться на переносномъ антиминсѣ въ алтарной части молитвеннаго дома, каждый разъ тщательно закрываемой на небогослужебное время. Въ видахъ сокращенія расходовъ представляется возможнымъ, въ одной связи съ главнымъ молитвеннымъ домомъ, за одною стѣною устроить помѣщеніе для учителя катихизатора, а за другою помѣщеніе священнику, на случай пріѣзда его для исполненія обязанностей своихъ по приходу. Последнее помѣщеніе могло бы служить и почлежнымъ пріютомъ для школьниковъ-дѣтей ближайшихъ поселеній на время непогоды и при трудности сообщеній ихъ съ мѣстомъ жительства. Желательно, чтобы Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ отправлять богослуженіе и совершать литургію на переносномъ антиминсѣ съ переноснымъ престоломъ не въ молитвенныхъ только домахъ, но въ часовняхъ, во всякомъ приспособленномъ зданіи и въ открытомъ мѣстѣ. Нужда въ этомъ чувствуется особенно въ большихъ степяхъ среди кочевниковъ. Престолъ могъ-бы устроиться складной, удобный для переноса и укладки.

г) Употребленіе мѣстныхъ нарѣчій въ церковномъ богослуженіи вполне или пополамъ съ церковно-славянскимъ, смотря по числу присутствующихъ въ церкви инородцевъ и русскихъ, а при требованіи у инородцевъ—исключительное употребленіе ихъ роднаго языка. Поэтому лица церковнаго причта должны быть преимущественно изъ инородцевъ. Если псаломщикъ русскій не знаетъ инородческаго мѣстнаго языка или не умѣетъ совершенно точно по инородчески произносить слова, въ такомъ случаѣ чтеніе при церковномъ служеніи, а по возможности и при требахъ, лучше поручать учителю или болѣе грамотнымъ ученикамъ мѣстной инородческой

школы. И́тъ на клиросѣ всегда должны ученики мѣстной школы; но признается настоятельно необходимымъ стремиться къ тому, чтобы постепенно вводить обще и́ніе всѣхъ учениковъ и вообще всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ при богослуженіи. Для достиженія возможности всѣ церковныя службы и священнодѣйствія въ инородческихъ приходахъ совершать на инородческихъ языкахъ, нужно оказывать всѣ возможные пособія казанской переводческой комиссіи, которая своею неустанною религіозно-просвѣтительною дѣятельностью пріобрѣла вполне заслуженную извѣстность и дѣло христіанскаго просвѣщенія инородцевъ поставила на твердую почву.

д) Открытіе въ инородческихъ приходахъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности, въ которыя слѣдуетъ располагать родителей посылать и дѣвочекъ инородческихъ, въ видахъ ознакомленія ихъ съ русскимъ языкомъ и обычаями. Научившись въ школѣ, онѣ сдѣлаются весьма полезными проводницами христіанскаго ученія и добрыхъ русскихъ обычаевъ въ инородческія семейства. Обученіе въ такихъ школахъ можно поручать способнымъ къ тому діаконамъ и учителямъ подъ руководствомъ приходскаго священника.

е) Обученіе взрослыхъ инородцевъ истинамъ вѣры и нравственности, а также и молитвамъ на ихъ языкахъ внѣ богослуженія.

ж) Наконецъ устройство, въ особенности въ инородческихъ приходахъ, благотворительныхъ заведеній разнаго рода, смотря по мѣстнымъ условіямъ, съ пріуроченіемъ ихъ къ церковно приходскимъ попечительствамъ. Въ нихъ должны находить пріютъ больные и престарѣлые и дѣти-сироты. Таковыя заведенія, служа обнаруженіемъ христіанской любви, составляющей коренную основу нравственности христіанской, не только утверждали-бы въ христіанствѣ, уже крещеныхъ и колеблющихся инородцевъ, но располагали-бы къ нему и некрещеныхъ магометанъ и язычниковъ.

II.

О расколахъ и сектахъ, и о мѣрахъ въ ослабленію раскольнической пропаганды.

Расколъ существуетъ во всѣхъ вѣренныяхъ намъ епархіяхъ и легко приражается къ православнымъ чадамъ Церкви, а посему нашимъ архипастырскимъ званіемъ мы почитаемъ себя обязанными приложить съ своей стороны труды къ его врачеванію.

1) Новымъ уставомъ духовныхъ семинарій введено преподаваніе обличенія раскола. Въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ уже были открыты особыя кафедры по ученію о расколѣ на мѣстныхъ средства, преподаваніе этого важнаго предмета оставлено на прежнихъ основаніяхъ, т. е. согласно указу Святейшаго Синода 1881 года, оно должно заключаться въ шестинедѣльныхъ урокахъ. При такомъ количествѣ уроковъ можетъ проходиться и обличеніе раскола и его исторія въ достаточныхъ размѣрахъ.

Между тѣмъ потребности Церкви вынуждаютъ озаботиться, чтобы въ духовныхъ семинаріяхъ, кромѣ старообрядческаго раскола, сообщались свѣдѣнія и о другихъ, существующихъ у насъ сектахъ.

Секты характера раціоналистическаго, въ родѣ молоканства, штундизма и т. п., существуютъ въ епархіяхъ—Самарской, Саратовской и Астрахан-

ской. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ начинается и штундизмъ. Сверхъ сего, рационалистическія понятія объ іерархіи и церковныхъ таинствахъ проникаютъ и въ среду старообрядческаго раскола.

Пастырю Церкви, обязанному дѣйствовать на своихъ прихожанъ словомъ вразумленія и останавливать распространеніе всякихъ ересей и заблужденій, необходимо быть знакомымъ съ характеромъ тѣхъ сектъ, какія существуютъ. И это знакомство, хотя въ общихъ чертахъ, должно пріобрѣтаться въ школѣ.

Съ веденіемъ въ курсъ семинарскаго преподаванія обличительнаго богословія, критика ученія сектъ рационалистическихъ будетъ значительно облегчаться, такъ какъ вопросы въ обличеніи ученія сектъ протестантскихъ и нашихъ рационалистическихъ почти одни и тѣ-же. Но эта косвенная помощь не можетъ исчерпывать всей задачи; чтобы обличать, необходимо сначала хорошо быть знакомымъ съ ученіемъ той или другой секты.

Затѣмъ, при означенной однородности предметовъ, въ развитіи оныхъ встрѣчаются частныя особенности и разности между ученіемъ протестантовъ и нашихъ сектантовъ.

Вслѣдствіе сего необходимо обратиться къ Святѣйшему Синоду съ ходатайствомъ объ учрежденіи въ семинаріяхъ особыхъ кафедръ по исторіи и обличенію раскола, а также и другихъ сектъ, чтобы окончившіе курсъ семинаріи кандидаты на священство имѣли хотя общія понятія о всѣхъ существующихъ у насъ сектахъ. Количество уроковъ по означенной кафедрѣ должно быть не менѣе шести въ недѣлю, какъ теперь практикуется въ тѣхъ семинаріяхъ, въ которыхъ имѣются особые преподаватели на мѣстныя средства.

2) Религіозное просвѣщеніе въ духѣ православной Церкви есть первое средство къ утвержденію православной истины и къ укрѣпленію любви къ Церкви. Отсюда сами собою выдвигаются значеніе и задачи церковно-приходской школы. И для того, чтобы она могла благотворно проливать свѣтъ истиннаго просвѣщенія и на раскольниковъ, необходимо, чтобы церковный языкъ, столь ими уважаемый, былъ тщательно изучаемъ въ школѣ.

3) Для ознакомленія раскольниковъ съ противораскольническими сочиненіями, надлежитъ озаботиться устройствомъ въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, особыхъ церковныхъ библіотекъ, въ которыхъ содержались-бы всѣ пособія, необходимыя для бесѣдъ съ раскольниками. О состояніи сихъ библіотекъ благочинные должны отмѣчать въ клировыхъ вѣдомостяхъ, съ указаніемъ на книги, въ теченіе послѣдняго года пріобрѣтенныя. Было бы полезно въ благочинническихъ округахъ съ таковыми приходами имѣть одну, по возможности полную, противораскольническую библіотеку. Библиотека эта можетъ содержаться на общія средства всѣхъ церквей благочинія и именоваться благочинническою.

4. Признается потребнымъ распространять общедоступныя сочиненія и изданія посредствомъ даровой раздачи, каковая во многихъ епархіяхъ уже и производится. При осуществленіи этой мѣры естественно является вопросъ о средствахъ для покупки означенныхъ изданій. Пслгаемъ, что слѣдуетъ дозволить священникамъ приходоѡ съ раскольническимъ населеніемъ расходовать на предметъ даровой раздачи подобныхъ книгъ потребную сумму изъ церковныхъ средствъ, безъ обремененія церковей.

5) Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ ведутся, съ очевидною для Церкви пользою, бесѣды съ глаголемыми старообрядцами, въ которыхъ обѣ стороны безирепятственно высказываютъ свои возраженія и доказательства. Бесѣды эти почти всегда производятся съ помощію имѣющихся на лицо старопечатныхъ книгъ и древнихъ рукописей. Почти повсюду замѣчается, что тамъ, гдѣ бесѣды производятся, какъ слѣдуетъ, расколъ нѣсколько сокращается и численно, и, что особенно важно, ослабляется духъ раскола, и православные сознательно укрѣпляются въ преданности православной Церкви. Важность этого послѣдняго обстоятельства опредѣляется тѣмъ, что нашъ расколъ живетъ сколько путемъ естественнаго размноженія, столько и путемъ пропаганды и совращенія православныхъ. Въ виду доказанной опытомъ пользы бесѣдъ съ старообрядцами представляется существенно необходимымъ учреждать въ каждой епархіи хотя по одному епархіальному миссіонеру, гдѣ таковыхъ еще не имѣется, совершенно свободному отъ всякихъ другихъ занятій, съ содержаніемъ каждому изъ нихъ 1,200 рублей въ годъ, полагая въ томъ числѣ и расходы на разъѣзды.

6) При недостаткѣ лицъ, надлежаще подготовленныхъ къ миссіонерской дѣятельности среди раскола и затруднительности самой подготовки, необходимо открыть особое учрежденіе для приготовленія противораскольническихъ миссіонеровъ въ Москвѣ, при Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

7) Для благотворнаго успѣха дѣятельности миссіонеровъ, были-бы весьма полезны повременные съѣзды миссіонеровъ, съ цѣлью обмѣна мыслей и совмѣстнаго обсужденія мѣръ къ ослабленію раскольнической пропаганды. При чемъ надлежитъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ устройствѣ перваго съѣзда осенью въ будущемъ 1886 году въ Москвѣ, по предварительномъ на то согласіи высочайшаго митрополита Московскаго.

8) Въ приходы съ раскольническимъ населеніемъ члены причта должны быть назначаемы съ особою осмотрительностію изъ лицъ, знакомыхъ съ духомъ и ученіемъ раскола и точно исполняющихъ церковные уставы въ отношеніи къ богослуженію, благочестно живущихъ и не подверженныхъ слабостямъ, особенно соблазняющимъ раскольниковъ, какъ-то: пьянству, куренію и нюханію табаку. Полезно поставлять во священники лицъ, хотя и не получившихъ богословскаго образованія, но по происхожденію и прежней своей жизни знакомыхъ съ нуждами и обычаями народа. Епархіальнымъ преосвященнымъ надлежитъ имѣть особое попеченіе о сихъ причтахъ и отдавать имъ преимущество при обезпеченіи матеріальными средствами и при поощреніи наградами.

9) Въ виду усматриваемаго нерѣдко разномыслія въ воззрѣніяхъ на единовѣріе, необходимо разъяснить доховенству, что единовѣріе не представляетъ собою какого-либо особаго, отличающагося отъ православія исповѣданія; православіе и единовѣріе составляютъ одну Церковь. Въ храмахъ православныхъ и единовѣрческихъ призывается одинъ Господь, исповѣдуется единая вѣра, совершается едино крещеніе, приносится единая умиловительная безкровная жертва Христова, пріемлется едино пречистое Тѣло и Кровь животворящая; словомъ, — и тамъ, и здѣсь одно и тоже и одинаково все то, что живитъ и питаетъ человѣка. Посему, съ одной стороны

никто не долженъ унижать и порицать то, что Церковію благословляется, никто не долженъ думать, что тайны, совершаемыя единовѣрческими священниками, имѣютъ менѣе силы и святости. А съ другой стороны, сами единовѣрцы должны помнить—и сіе потребно внушать имъ,— что сила единовѣрія заключается только въ союзѣ съ православною Церковію, что безъ этого союза нѣтъ единовѣрія, а будетъ опять расколъ; что посему при содержаніи такъ называемаго стараго обряда не должно быть никакого порицанія обряда, православною Церковію содержимаго, и наоборотъ со стороны православныхъ порицанія обрядовъ, содержимыхъ единовѣрцами.

10) Большинство обращающихся къ православною Церкви раскольниковъ присоединяется на началахъ единовѣрія; обращеніе раскольника прямо къ православію бываетъ затруднительно, вслѣдствіе особенной его привязанности къ старому обряду. Нерасположеніе къ сряду исправленному проходитъ лишь съ годами; потребность же въ спасительныхъ церковныхъ таинствахъ пробуждается гораздо ранѣе; она-то и влечетъ раскольника къ церкви и законному священству. Посему представляется необходимымъ облегчать переходъ раскольниковъ къ единовѣрцію, содѣйствуя въ то-же время образованію единовѣрческихъ приходовъ, съ тѣмъ, чтобы преосвященные, вѣдая непосредственно всѣ таковыя дѣла, доносили о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ Святѣйшему Синоду.

III.

О магометанахъ и другихъ иновѣрцахъ, и о мѣрахъ къ ослабленію и пресѣченію магометанской пропаганды.

Вопросъ о христіанскомъ просвѣщеніи инородцевъ, въ особенности инородцевъ язычниковъ, есть вопросъ первой важности не въ одномъ только церковномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи. Религіозныя представленія инородцевъ язычниковъ слабы, шатки и неопредѣленны; они не выработались въ законную вѣроучительную систему, не богаты и внѣшнимъ своимъ проявленіемъ, не отличаясь разнообразіемъ и торжественностью обрядовъ и церемоній. Будучи окружены православно-русскими и татарами-магометанами, они рано или поздно должны будутъ слиться съ тѣми или другими. Необходимо поэтому употребить всѣ усилія къ тому, чтобы обратить ихъ въ христіанство и чрезъ то сроднить съ русскимъ населеніемъ. Если же они сдѣлаются магометанами, то обращеніе ихъ къ православною вѣрѣ будетъ гораздо труднѣе. Магометанство есть сила крѣпкая, сплоченная, организованная, борьба съ которою требуетъ самоотверженной, неустанной дѣятельности, ясно сознанныхъ твердыхъ мѣропріятій и неуклоннаго дѣйствованія въ одномъ, строго опредѣленномъ, направленіи, согласованномъ съ существенными интересами Церкви и государства. Этой цѣли въ настоящее время служатъ миссіонерскіе комитеты и братства. Нельзя сказать вообще, чтобы дѣятельность этихъ учрежденій среди мусульманскихъ и инородческихъ иновѣрныхъ племенъ сопровождалась вполне удовлетворительными послѣдствіями; но, во всякомъ случаѣ, успѣхи этой дѣятельности немаловажны, усилія труженниковъ на этомъ поприщѣ—не бесплодны. Особенно-же можно ожидать благихъ плодовъ въ будущемъ, ибо теперь, можно сказать, только сѣется; миссіонерскія общества и братства, возникшія не

въ особенно давнее время, только еще надлежащимъ образомъ, соответственнo своимъ задачамъ и цѣлямъ, начали организоваться, а жатва еще впереди. Въ настоящее же время настоятъ пужда сколько возможно болѣе вызвать людей, способныхъ на живую, самоотверженную дѣятельность миссіонерства среди мусульманъ и другихъ иновѣрныхъ инородцевъ, и можно съ помощію Божіею надѣяться на болѣе успѣхъ, чѣмъ въ предъидущее время.

Въ частности, средствамъ, содѣйствующими успѣшнѣйшему обращенію въ христіанство магометанъ и другихъ инородческихъ иновѣрцевъ, должны быть признаны слѣдующія мѣры:

1. Осповательное знаніе миссіонерами, кто-бы они ни были, языковъ инородцевъ, среди которыхъ желаютъ водворить вѣру Христову. Необходимость такого знанія очевидна. Для сего:

а) Желательно, чтобы въ академіи Казанской, въ которой по новому уставу открыты каѳедры для изученія инородческихъ языковъ и вѣрованій, это нововведеніе укоренилось и развилось въ возможно обширныхъ размѣрахъ.

б) Необходимо, чтобы въ епархіяхъ, населенныхъ инородцами, семинаристы изучали языки мѣстныхъ инородцевъ. Желательно, чтобы воспитанники семинаріи умѣли переводить съ русскаго на инородческій и обратно и свободно говорить по инородчески. Независимо отъ сего, желательно, чтобы преосвященнымъ была предоставлена возможность помѣщать инородцевъ въ училища и семинаріи на казенный счетъ. Весьма полезно было бы имѣть при духовно-учебныхъ заведеніяхъ практикантовъ для упражненія воспитанниковъ въ знаніи разговорной рѣчи. Принимая во вниманіе число инородцевъ, обитающихъ въ той или другой мѣстности, полезно было-бы ввести преподаваніе: въ Казанской семинаріи татарскаго, чувашскаго и черемисскаго языковъ и элементарныхъ свѣдѣній арабскаго; Симбирской—татарскаго и чувашскаго языковъ и элементарныхъ свѣдѣній арабскаго; Самарской — чувашскаго языка; Саратовской — татарскаго и элементарныхъ свѣдѣній арабскаго; Астраханской—татарскаго, киргизскаго, калмыцкаго и элементарныхъ свѣдѣній арабскаго; Оренбургской — татарскаго и элементарныхъ свѣдѣній арабскаго; Пермской — татарскаго и элементарныхъ свѣдѣній арабскаго; Вятской—татарскаго, вотякскаго и черемисскаго языковъ и элементарныхъ свѣдѣній арабскаго; Кавказской — ногайскаго (нарѣч. татар. язык.) и калмыцкаго съ арабскимъ; Донской—калмыцкаго языка; Нижегородской. Пензенской, Гаврической и Тифлисской—татарскаго и арабскаго; Тобольской — татарскаго, остякскаго и самоѣдскаго; Томской — татарскаго, киргизскаго и алтайскихъ нарѣчій, а также элементарныхъ свѣдѣній арабскаго; Иркутской—монгольскаго съ бурятскимъ нарѣчіемъ; Якутской — якутскаго и тунгусскаго языковъ; Благовѣщенской — манчжурскаго.

в) Полезно, чтобы изученіе инородческихъ языковъ начиналось въ духовныхъ училищахъ. Изученіе должно быть практическое, преимущественно разговорнаго языка. Посему, въ интересахъ дѣла, надлежитъ пригласить духовенство къ обученію своихъ дѣтей еще въ родительскомъ домѣ инородческимъ мѣстнымъ языкамъ, а при пріемѣ дѣтей въ духовныя училища отдавать преимущество знающимъ сколько-нибудь эти языки. Знакомство съ разговорнымъ языкомъ будетъ полезно всякому, какого-бы ро-

да служеніе онъ ни несть въ послѣдствіи. Для переходящаго въ семинарію и въ высшее заведеніе такое знаніе послужитъ прочнымъ основаніемъ и богатымъ матеріаломъ для научнаго знанія дѣла. Такіе практическіе уроки полезно было бы ввести: татарскаго языка—въ училищахъ Казанской, Симбирской, Пермской, Вятской, Таврической, Томской и Тобольской епархій; чувашскаго и черемисскаго—въ Казанской; чувашскаго—въ Симбирской и Самарской; татарскаго, киргизскаго и калмыцкаго—въ Астраханскій; ногайскаго—въ Кавказской; Якутскаго—въ якутской; бурятскаго—въ Иркутской; калмыцкаго—въ Донской; остяко-самоѣдскаго—въ Тобольской.

2. Основательное изученіе миссіонерами и священниками инородческихъ, а равно смѣшанныхъ и окруженныхъ инородцами приходо́въ, вѣроученія и быта инородцевъ. Невозможно убѣдительно и основательно изложить превосходство религіи христіанской предъ магометанствомъ и язычествомъ, не имѣя точнаго, по возможности, понятія о сихъ лжеученіяхъ. Трудно также внушить народу правила христіанской жизни и нравственности, не показавши всей несостоятельности языческихъ и магометанскихъ обычаевъ и строя жизни. Для сего:

а) Казанская духовная академія должна сосредоточить въ себѣ все, что относится къ исторіи, ученію и обличенію лживыхъ вѣроисповѣданій. Выходящіе изъ академіи наставники семинарій должны быть вполне ознакомлены съ сими предметами, чтобы имѣть возможность приготовить изъ семинаристовъ или другихъ какихъ-либо лицъ удовлетворительныхъ обличителей лжеученій.

б) Въ семинаріяхъ необходимо преподавать не обширное, но возможно полное и обстоятельное изложеніе вѣроученій инородческихъ. Введеніе сего предмета въ курсъ семинарскихъ наукъ представляется весьма удобнымъ при существованіи кафедры сравнительнаго богословія. Въ Казанской семинаріи необходимо сообщать свѣдѣнія о вѣроученіяхъ и бытѣ татаръ, чувашъ и черемисъ; въ Симбирской—татаръ и чувашъ; въ Самарской—татаръ, башкиръ и чувашъ; въ Саратовской—татаръ; въ Астраханской—киргизовъ, калмыковъ и татаръ; въ Оренбургской—башкиръ, киргизовъ и татаръ; въ Уфимской—татаръ, башкиръ и мещеряковъ; въ Пермской—башкиръ, татаръ и черемисъ; въ Вятской—татаръ, башкиръ, тептярей, черемисъ и вотяковъ; въ Кавказской—ногайцевъ, и калмыковъ; въ Донской—калмыковъ; въ Нижегородской, Пензенской, Таврической и Тифлисской—татаръ; въ Тобольской—татаръ, остяковъ, самоѣдовъ и вогуловъ; въ Томской—татаръ, алтайскихъ инородцевъ и киргизовъ; въ Иркутской—бурятъ въ Якутской—тунгусовъ; въ Благовѣщенской—инородцевъ, населяющихъ амурскую и приморскую области.

в) Желательно, чтобы преподаватели въ семинаріяхъ языковъ инородческихъ и миссіонерскихъ предметовъ были штатными, наравнѣ съ преподавателями другихъ обязательныхъ предметовъ, съ равною съ ними платою за уроки, хотя бы сія плата производилась гдѣ-либо и изъ мѣстныхъ средствъ.

3) Изданіе и распространеніе полезныхъ для миссіонерскаго дѣла книгъ и переводовъ. Для сей цѣли необходимо:

а) Расширить и усилить изданіе сочиненій и переводовъ, касающихся инородцевъ, ихъ вѣрованій и жизни, съ успѣхомъ начатое при Казанской духовной академіи.

б) Распространять въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ Новый Заветъ, священную исторію и нѣкоторыя церковно-богослужебныя книги, въ переводѣ на инородческіе языки.

Примѣчаніе. Епархіальныя, благотворительныя и церковныя библіотеки и особы, гдѣ возможно, лица, книгоноши, должны быть распространителями сихъ книгъ.

в) Издать хотя краткія, но точныя обзорѣнія вѣроученій инородцевъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ. Такія обзорѣнія, составленныя специалистами, были-бы весьма полезны для всякаго любознательнаго человѣка и особенно для ревнующаго объ обращеніи иновѣрцевъ въ христіанство. Сами иновѣрцы не всегда достаточно знакомы съ своими вѣрованіями, и потому слѣпо придерживающіеся такихъ вѣрованій могли-бы не безъ пользы для своего просвѣщенія читать и слушать сіи обзорѣнія. Само собою разумѣется, что обзорѣнія сіи должны быть изложены въ сопоставленіи съ христіанствомъ.

4) Соотвѣтственное цѣли образованіе миссіонеровъ и ихъ сотрудниковъ.

а) Семинаристы — первые кандидаты на постъ священника и миссіонера. Посему нужно, чтобы миссіонерское направленіе проникало и всю постановку семинарскаго образованія.

б) Есть заведенія, устройство и обученіе которыхъ удобно совмѣщаются съ миссіонерскимъ направленіемъ; таковы напримѣръ, центральная инородческая крещено татарская школа въ Казани; Симбирская чувашская школа, Казанскій частный миссіонерскій пріютъ; въ Бирскѣ, Уфимской епархіи, школа учительская изъ инородцевъ крещеныхъ и не крещеныхъ для училищъ некрещеныхъ черемисъ. И такія заведенія желательно распространять вездѣ, гдѣ къ тому представится возможность. Учительская инородческая семинарія въ Казани, при опытномъ руководствѣ ея начальниковъ и руководителей, принося сама громадную пользу, можетъ служить образцомъ подобнаго рода учебныхъ заведеній.

в) Школы чисто инородческія, а также смѣшанныя, по возможности, должны подлежать вѣдѣнію епархіальнаго начальства, а учителя въ нихъ должны быть изъ православныхъ, и преимущественно изъ окончившихъ курсъ въ училищахъ съ миссіонерскимъ направленіемъ. Нужно заботиться объ умноженіи училищъ для дѣвочекъ по важному значенію женщины въ семьѣ и религіи.

г) Независимо отъ сего желательно было бы видѣть при нѣкоторыхъ обителяхъ, соборахъ, церквахъ и архіерейскихъ домахъ учрежденія, такъ сказать, совершенно домашнія, въ которыхъ могли-бы получать нужныя познанія и должное направленіе лица, чувствующія расположеніе къ миссіонерскому званію, но не имѣвшія возможности получить образованіе въ одномъ изъ учебныхъ заведеній вообще или имѣющихъ миссіонерское направленіе въ частности. Чтеніе книгъ, бесѣда съ специалистами, опытными миссіонерами, — вотъ средства къ ихъ миссіонерскому образованію. Изъ приготовившихся такимъ путемъ миссіонеровъ могутъ выходить подвижники, не чуждые духа св. Стефана Пермскаго и другихъ просвѣтителей язычниковъ.

д) Для привлеченія воспитанниковъ Казанской духовной академіи, проходившихъ курсъ миссіонерскаго отдѣла, на должности въ разнаго рода

училищахъ инородческихъ, справедливо было-бы освободить ихъ въ такихъ случаяхъ отъ уплаты за образованіе въ академіи, а также оставлять за ними всѣ ихъ права по образованію на чины и на пенсію, паравнѣ съ наставниками семинарій.

е) Желательно, чтобы инородцы воспитанники училищъ, поименованныхъ въ п. б сего отдѣла, а также упомянутыхъ въ п. в, опредѣляемы были, по непосредственному усмотрѣнію мѣстнаго архіерея, въ священники, діаконы, причетники, преимущественно въ инородческіе приходы.

5) Устройство убѣжищъ для приготовляющихся ко вступленію въ Христіанство. Сии убѣжища должны быть въ каждомъ, по крайней мѣрѣ, епархіальномъ городѣ. Желаящій креститься найдетъ здѣсь временное помѣщеніе и содержаніе, безопасность отъ преслѣдованія бывшихъ единовѣрцевъ и родственниковъ, наставленіе, необходимое въ христіанской вѣрѣ. Убѣжища могутъ быть при монастыряхъ, архіерейскихъ домахъ, при церквяхъ, при частныхъ домахъ и отдѣльно.

Желательно, чтобы, въ пользахъ миссіонерскаго дѣла, примѣненіе указанныхъ мѣръ въ частностяхъ и подробностяхъ было предоставляемо епархіальнымъ архіереямъ, которые въ этомъ случаѣ удобнѣе могутъ сообразоваться съ мѣстными потребностями и условіями жизни, а также съ матеріальными средствами.

Итакъ, мы, смиренныя епископы, вкупѣ собравшіеся и, Господу поспѣшествующу, усиленно потрудившіеся надъ изысканіемъ благопотребныхъ мѣръ къ утверженію св. вѣры и благочестія въ Богомъ ввѣренныхъ нашему попеченію паствахъ, а также къ прекращенію отступствъ и уврачеванію душепагубнаго раскола, окончивъ трудъ нашъ, уповаемъ, что высшее священноначаліе російской Церкви съ присущимъ ему вниманіемъ и мудростію отнесется къ указаннымъ нами мѣрамъ. Великій же Пастыреначальникъ, Господь Іисусъ Христосъ, о имени Котораго мы трудились, да управитъ многотрудный путь въ борьбѣ съ заблужденіями и Своею всецѣльною благодатію укрѣпитъ труждающихся въ семъ святомъ дѣлѣ, ради достиженія Имъ-же указанной конечной цѣли: *и будетъ едино стадо и единъ пастырь.*

Подлинное подписали:

Палладій, архіепископъ Казанскій и Свіязскій.

Діонисій, епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

Евгеній, епископъ Астраханскій и Енотаевскій.

Ефремъ, епископъ Пермскій и Соликамскій

Варсонофій, епископъ Симбирскій и Сызранскій.

Павелъ, епископъ Саратовскій и Царицынскій.

Веніаминъ, епископъ Оренбургскій и Уральскій.

Нафанаилъ, епископъ Екатеринбургскій и Ирбитскій.

Тихонъ, епископъ Сарапульскій, викарій Вятской епархіи.

25 іюня 1885 года.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Нижепоименованные священники въ 26-й день Апрѣля сего года Его Высокопреосвященствомъ награждены набедренниками: 1. По Богодухов-

скому уѣзду, священники: села Матвѣевки Василій *Понамаревъ*, слоб. Колонтаева Іоаннъ *Криницкій*, слоб. Ляхачевки Павелъ *Антоновичъ*; 2) по Валковскому уѣзду, священники: слоб. Мпхайловки Николай *Могиланскій*, села Дорофѣевки Ѳеодоръ *Балановскій*, села Александровки Петръ *Дюковъ*; 3) по Волчанскому уѣзду, священники: села Молодоваго Симеонъ *Краснокутскій*, слоб. Терновой Василій *Евецкій*, села Великаго Петръ *Измайловъ*, села Василенкова Ѳеодоръ *Якубовичъ*; 4) по Зміевскому уѣзду, священники: слоб. Богодарова Ѳеодоръ *Поповъ*, слоб. Лимана Григорій *Дьяковъ*, села Константиновки Григорій *Корнильевъ*, села Алексѣевского Михаилъ *Ковалевскій*, села Преображенскаго Александръ *Мураховскій*; 5) по Изюмскому уѣзду, священники: селенія Волобуевки Александръ *Поповъ*, слоб. Лимана Ѳеодоръ *Бородаевъ*; 6) по Купянскому уѣзду, священникъ слоб. Юрьевки Михаилъ *Сижирскій*; 7) по Старобѣльскому уѣзду, священники: слоб. Евсуга Петръ *Литкевичъ*, слоб. Голубовки Тимофей *Ѳоминъ*, слоб. Верхней Покровки Даніилъ *Ветуховъ*, слоб. Александрополя Ѳеодоръ *Шинковъ*, Деркульскаго прихода Мелетій *Быковцевъ*; 8) по Харьковскому уѣзду, священники: слоб. Колупаевки Владиміръ *Григоровичъ*, слоб. Мерёфы Василій *Любчинскій* и слоб. Деркачей Максимъ *Пономаревъ*.

— Священнику Ахтырской Георгіевской церкви Ѳеодору *Доброславскому* Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, 30 прошлаго апрѣля объявлена благодарность за сдѣланное имъ, о. Доброславскимъ, пожертвованіе, въ суммѣ 300 р., на постройку бывшаго Ахтырскаго, а нынѣ Сумскаго духовнаго училища.

— Неизвѣстному лицу, пожертвовавшему чрезъ священника Преображенской церкви слоб. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, Донченка 200 руб., пзъ копѣхъ 100 р. должны быть употреблены на постройку Сумскаго училища, а 100 руб. на церковно-приходскія школы въ епархіи, Его Высокопреосвященствомъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, 30 апрѣля н. г. объявлена благодарность.

— Безмѣстный священникъ Ипполитъ *Лядскій*, бывшій при Тихоновской церкви села Сядоренкова, Валковскаго уѣзда, опредѣленъ на праздное священническое мѣсто при Георгіевской церкви села Гуляй-Поля, Зміевскаго уѣзда.

— Потомственный почетный гражданинъ Владиміръ *Поповъ* опредѣленъ на штатное діаконское мѣсто при церкви села Кочетка Зміевскаго уѣзда.

— Діаконъ, состоящій на псаломщицкой вакансіи при Троицкой церкви г. Харькова, Александръ *Подольскій* утвержденъ штатнымъ діакономъ при оной церкви.

— Праздное псаломщицкое мѣсто при церкви слоб. Курячевки, Старобѣльскаго уѣзда, предоставлено сыну псаломщика Дмитрію *Попову*.

— Праздное псаломщицкое мѣсто при церкви слоб. Шпотинной, Старобѣльскаго уѣзда, предоставлено почетному гражданину *Есеодору Жуковскому*.

— Учитель Богдановскаго народнаго училища, Старобѣльскаго уѣзда, *Михаиль Щелокоскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Покровской церкви заштатнаго города Чугуева, Зміевскаго уѣзда.

Сынъ псаломщика *Владиміръ Колядинъ* опредѣленъ на праздное псаломщицкое мѣсто къ Георгіевской церкви села Филенкова, Богодуховскаго уѣзда.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Николаевской церкви слободы Вревкино, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ уволенный изъ 3-го класса духовной семинаріи *Георгій Волобуевъ*.

— 2-го мая н. г. на псаломщицкое мѣсто къ слободѣ Курячевкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, опредѣленъ псаломщикомъ псаломщицкій сынъ *Дмитрій Поповъ*.

— Харьковскій купецъ *Викторъ Ламуховъ* уволенъ отъ должности церковнаго старосты Антоніевской Императорскаго Харьковского университета церкви.

— При Владиміро-Богородичной церкви села Должяка, Харьковскаго уѣзда, праздно псаломщицкое мѣсто.

Отъ Хорошевскаго духовнаго пріюта.

Госпожа игуменья Хорошевскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря симъ извѣщаетъ родителей и родственниковъ дѣтей, обучающихся въ Хорошевскомъ духовномъ пріютѣ, что роспускъ на предстоящія каникулы въ пріютѣ будетъ 6-го іюня.

ПРОГРАММА

занятій съѣзда духовенства Нупянскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 5 іюня сего 1886 г., утвержденная Его Высокопреосвященствомъ 26 апрѣля 1886 г.

1. Рассмотрѣніе журналовъ предыдущаго съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Высокопреосвященства, послѣдовавшихъ на сихъ журналахъ.

2. Рассмотрѣніе смѣтъ прихода и расхода суммъ на 1887 г.

3. Рассмотрѣніе дополнительной смѣты расхода на настоящій 1886 г.

4. Разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за прошлый 1885 г.
5. Разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, по содержанію училища за 1885 г., а также журналовъ ревизіоннаго комитета по повѣркѣ означеннаго отчета.
6. Избраніе членовъ ревизіоннаго комитета на будущій 1887 г.
7. О постройкѣ зданія для больницы.
8. Сужденіе о пристройкѣ къ училищному дому крыла для помѣщенія правленія съ архивомъ, карцера и служительской.
9. Сужденіе объ устройствѣ теплаго хода съ нижняго этажа училища на верхній.
10. О постройкѣ сарая для храненія въ немъ разныхъ вещей.
11. Объ ассигнованіи потребной суммы на вынискъ для учениковъ нотъ: „Кругъ церковныхъ пѣснопѣній обычнаго напѣва Московской епархіи“, издан. общества любителей церковнаго пѣнія.
12. Сужденіе объ увеличеніи размѣра пособія для учениковъ Купянскаго училищнаго округа, обучающихся въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ.
13. О назначеніи вознагражденія за дѣлопроизводство по училищному правленію, возложенное Высочайше утвержденнымъ 22 августа 1884 г. уставомъ духовныхъ училищъ на члена правленія изъ учителей.
14. Объ увеличеніи добавочнаго содержанія учителямъ нормальныхъ классовъ.
15. Избраніе члена правленія отъ духовенства, въ виду окончанія трехлѣтней службы въ этой должности священника Николая Базилевича.
16. Сужденіе о закрытіи приготовительнаго класса при училищѣ, согласно постановленію съѣзда, бывшаго въ іюнѣ прошлаго 1885 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ.

П о ж е р т в о в а н і е .

Потомственный дворянинъ, титулярный совѣтникъ Николай Андреевичъ Сѣровъ, при письмѣ къ Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, препроводилъ 4500 руб. въ 5% облигаціяхъ Московскаго Кредитнаго Общества, изъ которыхъ 3500 руб. назначилъ въ Харьковское Попечительство вдовъ и сиротъ духовнаго званія, а 1000 р. въ пособіе бѣднымъ ученикамъ духовной семинаріи или

училищъ. Жертвуемыя облигаціи почтенный жертвователь проситъ обратить въ неприкосновенный капиталъ и только проценты съ него распредѣлить такъ: 0/0 0/0 по облигаціямъ въ 3500 р. (175 р.): двумъ бѣднымъ семействамъ по 50 р., а тремъ— по 25 р. ежегодно; проценты съ 1000 р. по усмотрѣнію о. Ректора выдавать ежегодно въ пособіе бѣднымъ и прилежнымъ ученикамъ духовной семинаріи или училищъ.

Резолюція Его Высокопреосвященства на вышеизложенномъ послѣдовала такая: „Консистоіи 1) препровождаемый при семъ капиталъ 4500 р. раздѣлить и отослать по принадлежности съ объясненіемъ воли жертвователя; 2) получивъ квитанціи, изготovitъ отъ моего имени отвѣтъ жертвователю съ изъявленіемъ благодарности; 3) дать знать редакціи о напечатаніи извѣстія о семъ пожертвованіи въ Листкѣ“.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Закладка дома Ялтинской общины сестеръ милосердія „Краснаго Креста“.—Собираніе свѣдѣній о древнихъ церковныхъ памятникахъ.—Число богомольцевъ въ Києво-Печерской Лаврѣ.—Новые кредитные билеты.—Открытие памятника покойному Государю въ Кпшиневѣ.—Дѣятельность департамента земледѣлія.—Мѣры противъ конокрадства.

— Въ Ялтѣ, 2 мая, въ двѣнадцатомъ часу утра послѣдовала закладка дома ялтинской общины сестеръ милосердія „Краснаго Креста“ всѣхъ скорбящихъ радости, состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. Въ сооружаемомъ домѣ будутъ жить сестры милосердія и будетъ помѣщаться пріютъ для бѣдныхъ больныхъ, прѣзжающихъ въ Ялту для лѣченія. Возлѣ мѣста для закладки былъ воздвигнутъ шатеръ, украшенный національными флагами, различными матеріями, гирляндами зелени и вензелями Ихъ Императорскихъ Величествъ. Заложенное зданіе находится на Садовой улицѣ, въ очень красивой и возвышенной мѣстности, откуда открывается великолѣпный видъ на ялтинскій рейдъ, на море, Ялту и окрестныя горы; будущее зданіе примыкаетъ къ Мордвиновскому саду. Въ началѣ двѣнадцатаго часа изволила прибыть изъ Ливадіи въ коляскѣ Августѣйшая Покровительница ялтинской общины сестеръ милосердія, Ея Императорское Величество Государыня Императрица, съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Елисаветою Теодоровною. Ея Величество и Ея Высочество были встрѣчены предсѣдательницею общины, графинею Е. Клейн-

михель, таврическимъ губернаторомъ Всеволожскимъ и городскимъ головою, барономъ Врангелемъ, поднесшимъ Государынѣ Императрицѣ и Великой Княгинѣ букеты цвѣтовъ; при этомъ графиня Клейнмихель представила Государынѣ Императрицѣ членовъ комитета общины и сестеръ милосердія. По вступленіи Ея Величества въ шатеръ, началось молебствіе съ водосвятиемъ, которое совершило мѣстное духовенство; на молебствіи присутствовали министръ Императорскаго двора графъ Воронцовъ-Дашковъ, фрейлины: графиня Голенищева-Кутузова, Озерова, княжна Лобанова-Ростовская, командующій Императорскою квартирою, генераль-адъютантъ Рихтеръ, генераль-адъютантъ Черевинъ, состоящій въ должности гофмаршала, флигель-адъютантъ, полковникъ князь Оболенскій, протопресвитеръ Янышевъ, лейбъ-хирургъ Гиршъ, члены общины и много ялтинской публки — мѣстной и пріѣзжей. Послѣ многолѣтія, священникъ окропилъ святою водою мѣсто закладки; затѣмъ Государынѣ Императрицѣ былъ поданъ изящный ящикъ, въ которомъ находилась серебрянная дощечка съ вырѣзанною на ней надписью о времени закладки и присутствовавшихъ на ней Высочайшихъ Особахъ, лопаточки и молотокъ. Взявъ дощечку, Ея Величество положила ее въ находящееся въ камнѣ гнѣздо, куда были опущены также золотыя монеты. Первый кирпичъ изволила положить Государыня Императрица, второй — Великая Княгиня Елисавета Теодоровна, третій — предѣдательница общины сестеръ милосердія, графиня Клейнмихель, а затѣмъ другія лица; мѣсто закладки было усыпано цвѣтами. Картину закладки срисовалъ придворный художникъ Зичи. По окончаніи закладки, Ея Императорское Величество и Ея Императорское Высочество изволили отбыть въ Ливадію.

— Петербургскія газеты сообщаютъ, что Императорская академія художествъ изготавляетъ и въ непродолжительномъ времени разсчитываетъ разслать вопросные пункты, по которымъ русское духовенство должно будетъ составить подробныя описанія всѣхъ древнихъ храмовъ, интересныхъ въ художественномъ и историческомъ отношеніи, а также всѣхъ хранящихся въ нихъ художественныхъ и историческихъ памятниковъ русской старины. По этимъ метрикамъ академіею художествъ будутъ составлены карты древне-русской архитектуры и искусства по отдѣльнымъ періодамъ. Мысль введенія такихъ метрикъ и составленія картъ русскаго искусства принадлежитъ почетному вольному общнику академіи художествъ Т. В. Кибальчичу.

— Въ Кіево-Печерской лаврѣ, по монастырскимъ записямъ, какъ

сообщаетъ „Заря“, въ теченіе 1885 года перебивало богомольцевъ 615,649. Изъ нихъ мужчинъ 229,890 и женщинъ 385,759. Главная масса богомольцевъ, преимущественно простолюдины, пользовались пріютомъ для почлега во дворѣ лаврской гостинницы; такихъ было 527,162, въ томъ числѣ 199,648 мужчинъ и 327,514 женщинъ. Въ лаврской гостинницѣ помѣщались 88,487 богомольцевъ, изъ числа коихъ 30,252 мужчинъ и 58,245 женщинъ. По сословіямъ количество это распредѣляется такъ: крестьянъ и мѣщанъ 54,702, лицъ привилегированнаго сословія 32,840 и духовныхъ 945.

— Въ виду появленія за послѣднее время въ обращеніи большаго количества фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ различнаго достоинства, экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ командировала нѣсколько граверовъ экспедиціи для ознакомленія съ успѣхами послѣдняго времени по изготовленію кредитныхъ билетовъ. Съ начала будущаго года появятся, какъ слышно, въ обращеніи кредитные билеты новаго образца, которыхъ предполагается выпустить 77.500,000 листовъ. Эти новыя ассигнаціи будутъ совершенно иной величины, цвѣта и рисунка и не будутъ такъ скоро изнашиваться, какъ ассигнаціи стараго формата, такъ какъ въ новыхъ ассигнаціяхъ обстоятельство это будетъ предупреждено прокладкой шелковой ткани между двумя листами бумаги.

— 17 апрѣли въ Кишиневѣ послѣдовало торжественное открытіе памятника въ Бозѣ почившему Императору Александру II. Съ утра городъ принялъ праздничный видъ, масса народа наполняла улицы, прилегающія къ памятнику. Въ Каѳедральномъ соборѣ архіепископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ отслужена была Божественная литургія, послѣ чего духовенство и депутаціи, сопровождаемыя тысячною толпой народа, отправились къ памятнику, гдѣ отслужено было молебствіе; затѣмъ провозглашено было многолѣтіе нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и всему Царствующему Дому и вѣчная память покойному Государю Александру II. Послѣ этого городской голова провозгласилъ памятникъ открытымъ и чехоль уналъ съ памятника. Послѣдовалъ церковный звонъ, музыка заиграла „Боже, Цари храни“, произведена пальба изъ пушекъ, а народъ привѣтствовалъ криками „ура“. Вѣнковъ возложена громадная масса, памятникъ буквально закрытъ ими. Памятникъ представляетъ высокій пьедесталь съ берельефами, на которомъ установлена фигура покойнаго Государя во весь ростъ, съ обнаженною головой и въ порфирѣ. Въ правой рукѣ находится свитокъ, означающій манифестъ объ объявленіи войны Турціи, съ

надписью: „12 апрѣля 1877 года“. Лѣвою рукой фигура Государя опирается на корону и царскія регалии. Ниже этого на пьедесталѣ другая надпись: „Царю Освободителю Императору Александру II“, а затѣмъ третья надпись: „19 февраля 1885 года—1 марта 1881 года“. Въ общемъ памятникъ красивъ. Фигура отлита изъ темной бронзы академикомъ Опекушинымъ. Памятникъ обошелся свыше 20,000 руб.

— Департаментъ земледѣлія сталъ разсылать гг. землевладѣльцамъ программу вопросовъ для доставленія свѣдѣній о первомъ (весеннемъ періодѣ), сельско-хозяйственного года. Вопросы касаются: 1) состоянія погоды зимой и весной; 2) состоянія озимыхъ всходовъ и яровыхъ посѣвовъ; 3) состоянія рабочаго скота послѣ зимнихъ „голодныхъ каникулъ“ и экономическихъ данныхъ: о величинѣ площади посѣвовъ, поденной платы и наемной арендной цѣны за десятину. Отвѣты по этимъ вопросамъ должны быть доставлены не позже 10-го іюня. Такой способъ собиранія свѣдѣній „изъ первыхъ рукъ“ и притомъ отъ самихъ хозяевъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ вѣрности доставляемыхъ свѣдѣній, уже давно практикуется министерствомъ земледѣлія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ онъ уже далъ блестящіе результаты: именно, благодаря многочисленности корреспондентовъ, тамъ выработана прекрасная земледѣльческая статистика, въ которой находятъ себѣ мѣсто малѣйшія измѣненія и колебанія въ сферѣ сельско-хозяйственной промышленности, дающія возможность своевременно сообщать виды на урожай. У насъ это дѣло практикуется уже нѣсколько лѣтъ, но, по крайней ограниченности числа доставляемыхъ свѣдѣній (какихъ-нибудь 2,000—2,500 на всемъ обширномъ пространствѣ нашего отечества), результаты получаются чисто случайные, а между тѣмъ вопросы составлены такъ толково и такъ элементарно, что всякій еле грамотный человѣкъ могъ-бы отмѣчать отвѣты по нимъ. Департаментъ, сейчасъ по полученіи отвѣтовъ весенняго и лѣтняго періода, дѣлаетъ сводъ ихъ и составляетъ отчетъ о видахъ на урожай хлѣбовъ, травъ и др.; по полученіи свѣдѣній послѣдняго весенняго періода, составляется уже обстоятельный отчетъ сельско-хозяйственной дѣятельности за весь годъ, обнимающій собою всѣ стороны сельской промышленности, какъ техническія, такъ и экономическія. Всѣ эти отчеты департаментъ высылаетъ своимъ корреспондентамъ, т. е. лицамъ, доставляющимъ свѣдѣнія, бесплатно. Департаментъ охотно высылаетъ необходимые бланки всякому желающему, т. е. сообщившему свой адресъ.

Просьбы о высылкѣ бланковъ можно адресовать: Петербургъ, въ департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, въ статистическій отдѣлъ.

— Въ виду страшно усилившагося въ Прибалтійскихъ губерніяхъ конокрадства, жестоко страдающее отъ этого эсто латышское селское населеніе во многихъ мѣстахъ сплотилось для совокупнаго противодѣйствія злу. Такъ, на примѣръ, крестьяне Карольской волости (Лифляндской губерніи, Верроскаго уѣзда), по словамъ эстонской газеты *Festi Postimees*, всѣ единодушно сговорились: 1) не терпѣть у себя лицъ подозрительныхъ: дворохозяинъ, давшій пріютъ такому лицу, подвергается значительному денежному штрафу; 2) ни одинъ членъ волости не смѣетъ уходить со двора безъ вѣдома своего дворохозяина; 3) каждый дворохозяинъ обязанъ вести жизнь трезвую и благонравную; въ противномъ случаѣ онъ не будетъ терпимъ въ волости, и 4) въ случаѣ если у кого-нибудь изъ карольскихъ крестьянъ будетъ украдена лошадь, то всѣ крестьяне этой волости обязаны немедленно и самымъ дѣятельнымъ образомъ помочь отыскать лошадь и вора. Карольская волость одна изъ самыхъ большихъ во всемъ уѣздѣ; крестьяне ея, для водворенія между собою лучшей организаціи, рѣшили раздѣлиться на четыре округа и выбрать изъ своей среды четырехъ окружныхъ начальниковъ, которые, по совершившемся конокрадствѣ, каждый немедленно увѣдомляетъ подчиненныхъ ему крестьянъ-дворохозяевъ для совокупныхъ и повсемѣстныхъ розысковъ и преслѣдованія воровъ. Первые результаты такой организаціи и солидарности карольскихъ крестьянъ оказались весьма успѣшными: въ январѣ нынѣшняго года у одного изъ мѣстныхъ крестьянъ были украдены лошадь и нѣкоторыя вещи. Немного часовъ послѣ совершенія кражи, уже тридцать шесть человекъ крестьянъ изъ одного Карольскаго округа немедленно погнались во всѣ стороны для поимки воровъ, которые и были пойманы со всею покражей. „Крестьяне крайне обрадованы, говоритъ упомянутая эстонская газета, что единодушно созданная ими организація съ цѣлью искорененія конокрадства приносить хорошіе плоды: нынѣ въ упомянутой мѣстности ничего не слышно не только о конокрадствѣ, но и о какихъ-нибудь другихъ кражахъ“. Въ заключеніе *Festi Postimees* приглашаетъ и другія эстонскія волости сплотиться также единодушно, разумно и энергично противъ усилившагося конокрадства, какъ это сдѣлала Карольская волость.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года переплатили своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строкъ, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.